А.П. Садохин

ЭТНОЛОГИЯ

А.П.Садохин

ЭТНОЛОГИЯ

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным специальностям
и направлениям подготовки*

МОСКВА
Гардарики
2008

УДК 39(075.8) ББК63.5 СИ

Рецензенты: доктор социологических наук, профессор Н. Г. Скворцов;

доктор исторических наук, профессор \В. Ф. Агеёв\; доктор психологических наук, профессор Е. Н. Богданов

Садохин, А. П.

С14 Этнология : учебник/А. П. Садохин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Гардарики, 2008. — 287 с.

ISBN 978-5-8297-0171-0 (в пер.)

Рассматриваются школы и направления, методологические подходы и тео¬рии этнологической науки, раскрывается содержание основных категорий и понятий. Особое внимание автор обращает на роль этнологии в современных общественно-политических процессах. Теоретические положения и описания иллюстрируются конкретными примерами из жизни разных народов.

Для студентов, преподавателей гуманитарного профиля, специалистов в области культурологии, социологии, политологии, культурной и социальной антропологии.

УДК 39(075.8) ББК 63.5

В оформлении переплета использован фрагмент китайской народной картины

ISBN 978-5-8297-0171-0

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобальных изменений в политике, экономике, культуре, в эпоху одновременного сближения и разобщения культур и народов этнические проблемы приобрели особую значимость. Эти изменения, преобразовавшие в короткие сроки всю общественную жизнь, породили сложные проблемы, серьезно повлияли на характер межнациональных отношений, обнажив огромный межэтнический конфликтный потенциал. В таких условиях межнациональной напряженности очень важно понять, в каком обществе живут люди и каковы их возможности в изменении существующего положения. Решение этих проблем следует искать, лишь опираясь на новые знания, идеи, теории, учебные дисциплины, способные ответить на злободневные вопросы современности, помочь осмыслить общественную ситуацию, сформировать новое, адекватное реальности мировоззрение. Именно с этими целями в Государственный образовательный стандарт были включены новые учебные дисциплины: культурология, политология, история цивилизаций, которые нарушили монопольное положение традиционных обществоведческих курсов — философии, политэкономии и др.

Среди новых учебных курсов в систему высшего педагогического образования был введен никогда ранее не изучавшийся курс этнологии. Эта дисциплина призвана дать студентам системные знания о процессах антропогенеза и этногенеза, об историческом многообразии культур, о роли этнического фактора в эволюции мировой культуры, об особенностях этнического самосознания, о сущности этнической идентичности, о формах и способах межэтнической коммуникации, о причинах этнических конфликтов и принципах их регулирования и разрешения. Изучение этих проблем обусловлено сугубо практическими требованиями к качеству подготовки высоко-Профессиональных специалистов.

Дело в том, что современное человечество представляет собой огромное множество различных исторически сложившихся общностей. Среди них особое место занимают образования, которые в науке принято именовать этническими: нации, народности, племена, этнические группы и т.д. Сегодня в мире насчитывается несколько тысяч таких общностей. В силу неоднородности социально-экономических, этнических и демографических процессов они резко различаются по численности, уровню развития и условиям жизни. В связи с этим возникают межэтнические столкновения, войны, напряженность и т.д. Кроме того, многие из них являются следствием массового социального невежества. Вот почему научно-практические знания но этнологии стали социально необходимыми. Для того чтобы они получили широкое распространение в обществе, требуются условия для их трансляции через систему образования, необходимы соответствующие учебные пособия. Задача настоящего учебника как раз в том и заключается, чтобы дать студентам необходимые этнологические знания, которые могут быть полезны в их профессиональной деятельности и практической жизни. Исходя из этого, приоритетное внимание в его содержании уделяется тем разделам этнологии, которые касаются проблем формирования этносов и

рас, этнических стереотипов сознания и этнической психологии, форм и способов взаимодействия между этническими общностями, причин возникновения межэтнических конфликтов и методов управления ими, объяснения процессов адаптации людей к меняющейся социокультурной среде.

Познание межэтнических и этнокультурных процессов представляет собой довольно сложное занятие в силу противоречивости и неоднозначности последних. Для нашей системы образования это обстоятельство усугубляется тем, что большинство основных разделов этнологии в отечественной науке до настоящего времени остаются дискуссионными. Поэтому, как представляется автору, здесь следует пойти по традиционному и многократно себя оправдавшему пути: начинать изучение этнологии с вопросов становления этнологической науки, характеристики ее предмета и методов исследования, а также краткого аналитического обзора основных научных направлений[1]. Эти направления изложены в хронологической последовательности, соответственно их появлению в ходе исторического развития этнологии. Причем основное внимание уделено лишь тем исходным основаниям и главным идеям, которые имеют непосредственное отношение к изучению этнических обществ и их культур; особо подчеркиваются их инструментальные работающие элементы и границы применения разработанных теорий.

Все последующие темы учебника посвящены теоретическим вопросам: основным теориям этничности и классификации этносов, благодаря которым весь процесс социокультурного развития приобретает системный и упорядоченный характер; процессам антропогенеза и этногенеза, объясняющим факт антропологического разнообразия человечества и наличия у каждой расы своих отличительных признаков; механизмам формирования психологии этноса и осознания человеком своей принадлежности к родному этносу.

Становление этнологии в качестве самостоятельной науки началось с изучения европейцами культур «чужих» народов. Исследование этносов через разнообразие их культур и в настоящее время остается одним из основных разделов этнологии. И здесь наиболее важными представляются вопросы функционального назначения этнической культуры, ее уровней, взаимосвязи с другими типами культур. В то же время под пристальным вниманием ученых уже давно находится проблема сосуществования культур с различным уровнем развития. Качественные отличия традиционных и модернизированных культур, их структурные особенности, значение обрядов, обычаев и ритуалов в этнокультурном процессе помогают глубже понять своеобразие каждой из них.

Наконец, существование и развитие любого этноса во многом зависит от его взаимоотношений с другими этносами. Знание различных видов межэтнических и этнокультурных контактов призваны объяснить механизм

---

[1] В пользу такого подхода свидетельствует также опыт построения зарубежных учебников по этнологии, в частности в Германии, где данная наука преподается в университетах уже более полувека.

развития и функционирования современных этнических процессов, формы трансляции культурного опыта и способы усвоения человеком иноэтнического социокультурного окружения. Как отмечают представители самых разных наук, весь современный мир находится под воздействием противоположных тенденций: интеграции и дифференциации. Поэтому межэтнические коммуникации приводят как к поступательному сближению этносов, так и к не менее серьезным процессам отчуждения и враждебности. Вопрос о природе и детерминантах межэтнических конфликтов остается наиболее острым и актуальным в современной этнологии. В задачу данного учебника не входило абсолютно полное и систематическое изложение всего содержания этнологической науки. Учитывая потребности учебного процесса, автор изначально сознательно ограничил свой труд только учебными целями и задачами, отказавшись от анализа многочисленных частных проявлений этнических процессов, от не оправдавших себя теорий и концепций. Все внимание было сосредоточено, прежде всего, на тех вопросах и проблемах, знания которых требует Государственный образовательный стандарт.

В заключение хотелось бы выразить благодарность преподавателям высшей школы и ученым-коллегам, замечания и советы которых существенно помогли в работе над данным учебником.

Особую благодарность автор выражает Фонду Конрада Аденауэра за предоставленную возможность научной работы в библиотеках университетов Мюнхена, Кёльна, Фрайбурга и немецкую учебную литературу по этнологии, приобретенную Фондом для автора.

Глава 1. ЭТНОЛОГИЯ КАК НАУКА, ЕЕ ПРЕДМЕТ, МЕТОДЫ И ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СМЕЖНЫМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

§ 1.1. Становление этнологии как науки. § 1.2. Предмет этнологии. § 1.3. Методы этнологии. § 1.4. Связь этнологии с другими науками

§ 1.1. Становление этнологии как науки

Предыстория этнологии. История любой области научного знания с большей или меньшей очевидностью свидетельствует, что ее возникновение всегда диктовалось практическими потребностями. Становление этнологии как самостоятельной науки в этом отношении не является исключением. Многочисленные исторические исследования ученых-этнологов из разных стран убеждают нас, что на протяжении всей истории человечества (от первобытного состояния до наших дней) у людей существовала и существует потребность в знаниях о культуре, традициях и обычаях не только «своего» народа, но и жителей соседних стран. Такие знания позволяли легче ориентироваться в окружающем мире, надежней и уверенней чувствовать себя в нем. Этнографические сведения о близких и дальних народах мы находим в мифах, сказках, легендах, в дошедших до наших дней надписях, графических изображениях и других письменных памятниках Месопотамии, Египта, Персии и других древних государств.

К эпохе античности такого рода сведений было накоплено довольно много, они были точны и обстоятельны. Поэтому уже в Древней Греции и Риме были предприняты попытки привести их в систему. Они и стали основой для первых этнографических описаний. Их характерной чертой был этноцентризм, т.е. деление народов по уровню их культурного развития на цивилизованные и дикие, причем эталоном служила собственная культура.

Демографические, экологические и социальные изменения раннего Средневековья привели к тому, что в Западной Европе падает интерес к этнографическим знаниям. Ведущими центрами их накопления и хранения становятся Византия, Китай и Арабский Восток.

Возрождение интереса к знаниям о других народах и странах в Западной Европе было обязано католической церкви и государственной колониальной политике. Крестовые походы, путешествия миссионеров и купцов, Великие географические открытия позволили европейцам собрать обширные сведения о народах Африки, Америки, Юго-Восточной Азии, а позднее Океании и Австралии.

С эпохи Просвещения (XVIIIв.) начинается непосредственная предыстория этнологии как особой науки о народах. В это время господствовала теория географического детерминизма, в соответствии с которой человек, народы и культуры рассматривались как продукты окружающей природной среды. Широкое распространение получила также идея «благородного дика-

ря», живущего по законам природы. Благодаря эволюции он превратился в современного цивилизованного человека, живущего по законам социума. Обширный этнографический материал стал, таким образом, основой для построения теории поступательного развития отдельных народов и их культур.

Возникновение самостоятельной науки о народах произошло в середине XIX в. и было связано с назревшей необходимостью теоретического объяснения различий в культурном развитии народов, понимания механизмов формирования и особенностей этнической психологии, выяснения причин расовых различий, установления взаимосвязи этнических особенностей и общественного устройства, определения причин расцвета и упадка культуры и исторической роли того или иного народа. В ответ на эти проблемы и начали появляться теории и концепции, складываться научные направления и школы, которые постепенно трансформировались в единую науку о народах, названную этнологией.

Сам термин «этнология» взят из греческого языка и состоит из двух слов — etnos (народ) и logos (слово, наука). В античные времена древние греки называли этносом другие народы (негреков), отличавшиеся от них языком, обычаями, верованиями, образом жизни, ценностями и т.п. В этом значении оно вошло в римскую культуру и латинский язык. В связи с его латинизацией появляется прилагательное «этнический» (ethnicos), которое используется в библейских текстах в смысле «языческий, нехристианский». Вплоть до XIX в. понятие «этнология» употреблялось лишь спорадически — при описании различного рода этнографических процессов, но не как обозначение особой науки. Использовать его в качестве наименования зародившейся науки о народах и культурах предложил французский ученый Жан Жак Ампер, разработавший в 1830 г. общую классификацию «антропологических» (т.е. гуманитарных) наук, среди которых выделил и этнологию.

Это название довольно быстро получило широкое распространение в крупнейших европейских странах, а с середины XIX в. вошло и в русский язык.

Официальным фактом утверждения этнологии как самостоятельной науки стало основание в 1839 г. Парижского общества этнологии. Однако это событие сразу же было ознаменовано началом острых научно-теоретических споров между различными направлениями и школами о предмете, целях и месте данной науки, в определенной мере не прекратившихся и сегодня. Одним из самых продолжительных и дискуссионных стал вопрос о содержании и смысле самого названия науки. В результате многолетних обсуждений сложилась довольно разнообразная и пестрая картина значений и интерпретаций понятия «этнология».

Середина XIX в. оказалась весьма благоприятной для быстрого развития этнологии в ведущих западноевропейских странах. Этот процесс был стимулирован глобальной территориальной экспансией европейцев, в ходе которой они столкнулись с народами и культурами, совсем непохожими на

их собственные. Колониальная политика требовала самых разнообразных знаний о покоренных народах. Основную массу необходимых сведений могла дать только этнология, и поэтому новая наука пользовалась поддержкой государства. Первоначально она развивалась как наука об «отсталых», т.е. не создавших собственной государственности народах. Но в первые десятилетия XX в. появились представления об «этносах» как о своеобразных общностях людей, не зависящих от уровня социально- экономического развития. Этот методологический подход доминирует в этнологической науке и в настоящее время. В то же время, в соответствии с политическими и экономическими интересами в Англии, Германии, Франции, Австрии, США, становление этнологии в каждой из этих стран имело свои особенности.

Развитие этнологии в Германии. Самые глубокие традиции наука о народах имеет в Германии, где еще в 1789 г. сформировалось научное направление Völkerkunde, ставившее своей целью изучение внеевропейских народов и культур. В 1830-х гг. для общего названия описаний всех других народов, сделанных немецкими путешественниками и учеными, был введен термин «этнология». Примерно с середины XIX в. понятия «Völkerkunde» и «этнология» стали рассматриваться (и рассматриваются в настоящее время) как синонимы. Оба они обозначали монографическую и сравнительную науку о человеческих культурах.

Вместе с тем в немецкой науке о народах сложилось еще одно направление, получившее название «Völkskunde» (народоведение), изучавшее главным образом немецкоязычные народы и их культуры. Данное направление также сохраняется и сегодня в немецкой науке.

Развитие этнологии в Великобритании. В англоязычных странах наука о народах развивалась как составная часть антропологии. Появление антропологии как биологической науки о природе человека ученые связывают с выходом в свет в 1596 г. книги О. Гасманна с аналогичным названием. В XVIII в. благодаря колонизации, возросшему вниманию к демографическим и расовым процессам она переживает бурное развитие. В начале XIXв. в ведущих европейских странах возникают антропологические общества, целью которых было изучение останков первобытных людей. И уже в середине столетия, на основе исследований черепов и скелетов неандертальцев, была поставлена задача реконструкции истории человечества и культуры. Так в составе антропологии появилось новое научное направление, получившее название социальной антропологии. В научный оборот его ввел один из основателей английской этнологии Джеймс Фрэзер. В 1906 г. он определил этим термином свое направление этнологических исследований, подчеркнув, таким образом, отличие от изучавшейся культурной антропологии Эдуарда Тайлора. Понятие «социальная антропология» довольно быстро получило распространение и стало английским вариантом термина «этнология». В настоящее время представители английской социальной антропологии ориентируют свои научные интересы на изучение различных этнических групп как носителей разнообразных культурных традиций.

Становление этнологии в США. В США этнология возникла позднее, чем в Европе. По причине этнического своеобразия страны и острой проблемы расовых отношений американская антропология изначально была сосредоточена на исследованиях в области физической антропологии, на расовых и культурных различиях. Это направление развития было задано основоположником американской этнологии Льюисом Генри Морганом — многогранным и талантливым ученым. Его исследования систем родства в примитивных культурах, классификация типов семейно-брачных отношений, периодизация человеческой истории на целые десятилетия предопределили тематику исследований американских этнологов. Однако в середине 1950-х гг. благодаря Францу Боасу научные ориентиры этнологии США существенно сужаются, ограничиваясь проблемами культурных особенностей народов. Это направление, названное Боасом «культурной антропологией», позднее стало включать любые этнокультурные исследования и тем самым превратилось в американский синоним понятия «этнология».

Развитие этнологии во Франции. Во Франции в связи с активной политикой колонизации руководители государства постоянно испытывали потребность в обстоятельной и подробной информации об особенностях образа жизни, культуры и традиций зависимых народов. Поэтому наука о народах там была названа этнографией (от греческого etnos — народ и graphien — описание). И это название сохранялось до конца XIX в., когда была осознана научная неполноценность этнографических материалов из-за отсутствия в них исторических данных и теоретических обобщений. Дополнение этнографических описаний историческими и теоретическими материалами позволило этнографии в начале XX в. трансформироваться в этнологию, которая и в настоящее время сохраняет это название.

Развитие этнологии в России. Интерес к этническим проблемам появился в России во второй половине XVIII в., когда впервые в русской общественной мысли были поставлены вопросы о месте и роли своего отечества среди других народов, об исторических корнях русского народа, об особенностях русской культуры и т.п. Но теоретическое осмысление этих проблем в русской культуре связано со славянофильством — одним из направлений русской общественной мысли 1840—1850-х гг. Исходя из идеи мессианской роли России в мире, славянофилы считали своим долгом развивать национальное г самосознание русского народа, сохранять его национальную самобытность. Как самостоятельная наука этнология в России сложилась в то же время, что и на Западе, т.е. в середине XIXв. Началом русской этнологии принято считать учреждение в 1845 г. Русского географического общества. В том же году председатель отделения этнографии К.М. Бэр выступил с программным докладом «Об этнографических исследованиях вообще, и в России в особенности». Согласно его представлениям, основная работа отделения этнографии должна ориентироваться на всестороннее изучение России: ее географии, природных богатств и народов. Государственные интересы требо-

вали также сведений о народах Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа. Для этого в Географическом обществе было создано этнографическое отделение, перед которым была поставлена задача исследовать «умственные способности русского народа», его способы жизни, нравы, религии, предрассудки, языки, сказки и т.д. Тогда же была принята программа «Об этнографическом изучении народности русской», в соответствии, с которой проводились все этнографические исследования.

Идеи К.М. Бэра развил, конкретизировал и активно реализовал сменивший его на посту председателя отделения Н.И. Надеждин. Он был идейным руководителем группы молодых ученых, которые ставили своей целью этнографическое изучение русского народа. На одном из заседаний Географического общества в 1846 г. Надеждин выступил с программой «Об этнографическом изучении народности русской», предполагавшей описание 1) быта вещественного, 2) быта житейского, 3) быта нравственного, 4) языка. Нравственный быт включал в себя все явления духовной культуры и среди них «народную характеристику». Сюда же входило описание умственных и нравственных способностей, семейных отношений и особенностей воспитания детей.

Особое место в истории русской науки о народах занимает научная деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая. Он стремился доказать единство человеческого рода, физическую и психическую равноценность всех рас и народов, обосновать идею о том, что все различия между народами вызваны природными и социальными условиями. Исследование папуасов Новой Гвинеи и других народов Океании, их материальной и духовной культуры, психологии и социальных отношений позволили ученому обоснованно отвергнуть расистские теории. И хотя в его трудах не исследуются собственно теоретические проблемы этнологии, они, тем не менее, содержат богатые наблюдения и материалы для таких обобщений.

На рубеже XIX—XX вв. значительный вклад в развитие отечественной этнологии внесли труды известного философа Г.Г. Шпета. В своей книге «Введение в этническую психологию» Шпет предлагает исследовать национальную психологию через постижение смысла объективных культурных явлений, в которых запечатлеваются типические субъективные чувства народа. В соответствии с этим ключом к пониманию психологии народа служат его культура, история, конкретная социальная действительность, в совокупности определяющие содержание коллективного духа нации.

«Дух народов», по мнению Шпета, символизирует смысл и идею «народа», которые раскрываются в типологических изображениях его состава и изменений во времени. «Дух» в этом смысле есть собрание характерных черт «поведения» народа. Вместе с постоянством «диспозиций» он представляет собой народный характер. Этот субъективный характер следует понимать как совокупность реакций народа на обстоятельства, в которых он сам участвует, на объективно данные ему отношения.

В советский период отечественная этнология особое внимание уделяла межнациональным отношениям. Как правило, они изучались на основе статистических данных о повседневном поведении и конкретных поступках людей. Так, дружба народов оценивалась по числу представителей различных национальностей на крупных общесоюзных стройках или по количеству межнациональных браков. В целом исследования этнических проблем этого периода носили политически заказной характер и не раскрывали всех процессов этнического развития. Вне поле зрения ученых оставались такие кардинальные проблемы, как этническая идентичность, этническое сознание, межэтнические конфликты и т.д. Однако плеядой ученых того времени (В.Г. Богораз, П.Ф. Преображенский, СП. Толстов, Б.А. Куфтин, СИ. Руденко, Н.Н. Чебоксаров, СА. Токарев, Ю.В. Бромлей и др.) созданы теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, проведены разносторонние исследования в области региональной этнологии.

Наконец, на рубеже 1970—1980-х гг. заметным явлением в отечественной этнологии стала концепция этногенеза Л.Н. Гумилева, объясняющая механизм появления и развития этносов.

В настоящее время основным научно-исследовательским центром отечественной этнологии является Институт этнологии и антропологии Российской академии наук.

Этнология сегодня. Конечно, современная этнологическая наука, значительно обогатилась по сравнению с прошлыми временами. В сферу ее профессионального интереса теперь входят не только «отсталые» этнические группы, но и народы современных индустриальных обществ. На пересечении этнологии с другими науками возникло много смежных дисциплин: этносоциология, этнопсихология, этнолингвистика, этнодемография и т.д. В этнологии все явственнее вырисовываются черты новой социальной науки, синтезирующей разнообразные знания о человеке и его культуре.

Как и прежде, этнология сохраняет связь с реальными общественными процессами, что является прямым свидетельством важности этой науки в наши дни. Даже поверхностный анализ основных исторических событий XX в. позволяет сделать вывод о возрастании роли этнического фактора в культурно-историческом процессе. Этнические процессы служат основой национальных движений в политике. Недавно минувшее столетие по праву считается веком национальных идеологий, национальных движений, веком национализма. Постоянно убыстряющиеся темпы культурно-исторического развития народов стимулируют межэтнические взаимодействия и национально-освободительные движения. Конкретные результаты этих процессов воплотились в приобретении государственной самостоятельности Норвегией и Ирландией, Польшей, Финляндией, Прибалтийскими республиками, в возникновении национальных государств в Центральной Европе и на Балканах после развала Австро-Венгерской империи и султанской Турции. Распад колониальной системы после Второй мировой войны привел к образованию цело-

го ряда независимых государств в Юго-Восточной Азии, Индокитае, Африке. Наконец, центробежные тенденции 1990-х гг., завершившиеся созданием национальных государств вместо бывшего СССР, а также трения и конфликты на этнической почве и с этнически-политическим оттенком, которые на протяжении десятилетий то затухают, то обостряются в самых, казалось бы, благополучных регионах и странах мира — противоречия между фламандцами и валлонами в Бельгии, между франко- и англоязычными жителями Канады, — убедительно подтверждают, что этнический фактор сегодня чрезвычайно актуален.

Этот всплеск этничности требует от этнологии ответа на вопрос о его причинах, построения теоретической модели этнических процессов. И если в первой половине столетия исследования носили в основном академический характер и определялись стремлением сохранить информацию об уходящих в прошлое «примитивных» культурах, то со второй половины ситуация коренным образом меняется. Современная историческая обстановка диктует этнологии необходимость изучать не только традиционные, но и модернизированные, в своем большинстве полиэтнические общества. Решение этнических проблем становится залогом выживания человечества. К тому же рекомендации и знания этнологов эффективно используются в самых разных сферах общественной жизни — в политике, экономике, социальной области, они необходимы в массовых коммуникациях, международной торговле, дипломатии и т.д. Соответственно, и сама этнологическая наука стала лучше финансироваться, что способствует активизации полевых, теоретических и методологических исследований.

§ 1.2. Предмет этнологии

Своеобразие каждой науки, как известно, определяется собственным предметом изучения и методами его исследования. С начала становления этнологии как науки и по настоящее время сквозной темой ее исследований является генезис этнических культур и межэтнических отношений. Первоначально на основании крайне ограниченной и разрозненной информации о ранних периодах существования человека ученые строили (и продолжают строить, располагая уже, конечно, более солидным научным «багажом») обобщающие этнологические теории. И хотя их авторы претендовали и претендуют на точную реконструкцию исторической реальности, результаты построения не следует отождествлять с тем, «что было на самом деле». Чаще всего эти построения можно расценивать как концептуальные модели, которые в лучшем случае представляют собой упрощенные идеализированные схемы, служащие точкой отсчета для упорядочения эмпирического материала.

«Примитивные» народы как предмет этнологии. Сопоставление такого рода теоретических моделей позволяет сделать вывод, что исторически

первым предметом этнологии как науки стали народы, находящиеся на значительно более низком уровне культурного развития, чем европейцы. Поэтому первоначально этнология представляла собой науку, занимающуюся исследованием традиционных и «примитивных» обществ и их культур. Такой методологический подход в определении предмета этнологии был обусловлен тем, что к концу XIX в. в результате процессов модернизации практически все европейские народы сумели создать качественно новый тип цивилизации, значительно превосходивший все иные, созданные на планете. В результате стремительного технического развития и уверенности в безграничности человеческого прогресса европейцы начали считать, что историческое место культурно отсталых народов должно быть не рядом с ними, а далеко позади. Эти народы были для европейцев в некотором роде «живыми предками», подлежащими изучению и подчинению. Чтобы зафиксировать это различие, европейцы стали называть отсталые народы латинским словом «primitive», что дословно переводится как «первые». Новое слово получило широкое распространение в быстро развивающейся этнологии, поскольку очень удачно вписывалось в систему классификации культур, основанную на критерии достигнутого уровня технологического развития. Исходя из этой классификации, примитивные народы и их культуры стали главными объектами формирующейся этнологии, о чем самым убедительным образом свидетельствуют работы наиболее известных основоположников этнологии XIX в. — Л.Г. Моргана («Древнее общество») и Э. Тайлора («Первобытная культура»). Ранние работы основоположников немецкой этнологии Т. Вайца и А. Бастиана также посвящены описаниям не имевших прошлого «первобытных народов», которым противопоставлялись имевшие свою историю «культурные народы». К последним, естественно, относились народы Европы, которые творили историю, стремительно покоряя природу, в то время как примитивные народы были беспомощны перед окружающим их миром из-за своей лености, инертности и необузданности.

Изменение предмета этнологии в XX в. На рубеже XIX—XX столетий этнология начинает преподаваться в университетах. Благодаря этому обстоятельству в нее пришло новое поколение ученых-теоретиков, которое заменило поколение основоположников-практиков. Со сменой поколений исследователей в этнологии меняются и представления о предмете самой науки. Прежде всего были подвергнуты критике идеи о разделении народов на примитивные (первобытные) и цивилизованные. Многие ученые стали придерживаться убеждения, что так называемые примитивные народы, как и европейцы, имеют свою историю и не находятся на более ранней ступени развития человечества, будучи удаленными от первобытности, как и мы. В определении их как примитивных верным является лишь то, что они в ходе своей истории сформировали иное отношение к окружающему миру.

Эту точку зрения довольно убедительно выразил известный немецкий этнолог Рихард Турнвальд. Анализируя понятие «первобытный

народ», он писал: «Один фактор кажется особенно важным: это степень покорения природы с помощью инструментов, приспособлений, навыков и знаний. "Первобытными" лучше назвать такие племена, которые используют для добычи пищи и обустройства жизни лишь самые простые орудия труда и обладают скупыми знаниями об окружающем их мире».

Если исходить из критериев технической оснащенности и знания физических законов, то «первобытные народы», определенные Турнвальдом как «люди, покорившие природу», действительно, больше зависят от природы, чем современные индустриальные общества. Однако для последних также, несомненно, верно, что их независимость от природы обратилась сегодня в зависимость от техники, ставшей «второй натурой» современного человека.

На основании этих рассуждений сторонники данной точки зрения предлагали сохранить в этнологии сам термин «первобытные народы», но понимать под ним те общества и культуры, которые сохранили социальную стабильность благодаря взвешенному, непотребительскому отношению к природе.

Другая часть ученых выступала против сохранения термина «первобытные народы», поскольку он предполагает использование термина «культурные народы», а такое противопоставление придает первому понятию уничижительный смысл. И действительно, нет ни одного человеческого общества, которое не имело бы культуры, даже если говорить о людях каменного века, создавших первые каменные орудия труда. Ведь культура — родовое качество человека, его сущностная характеристика, отражающая уникальную способность человека к преобразованию окружающего мира. Это отличает человека от других живых организмов нашей планеты, приспосабливающихся к окружающей среде. В мире вообще не существует человека в его первозданном состоянии, как это представлялось ученым на рубеже XVIII—XIX вв. Каждый человек предстает одновременно и как существо окультуренное, и как создающее культуру, поэтому разговор о «бескультурных» и «культурных» народах бессмысленен. Речь может идти только о разных типах культур, изучение которых и должно стать основным предметом этнологии. В связи с этим вместо термина «первобытные народы» ученые предлагали другие термины и понятия, которые, по их мнению, в большей степени соответствуют новой предметной области этнологии. В понятийный аппарат этнологии предлагалось ввести названия «архаические культуры», «доиндустриальные общества», «традиционные общества», «бесписьменные культуры», «племенной союз» и т.д. Каждое из них стремилось выразить соответствующие особенности этнических культур, и поэтому все они сохранились в современной этнологии, не заменив при этом понятие «первобытные народы».

Разнообразие точек зрения и концепций нашло свое отражение в понимании предмета этнологической науки. В ходе дискуссий и споров сложились следующие варианты.

- Описательная и обобщающая наука, которая стремится исследовать общие законы социального и культурного развития человека и человечества.

- Сравнительная наука, исследующая различные типы культур и пути их преобразования.

- Раздел социологии, объектом изучения которого являются примитивные и традиционные общественные системы.

- Наука о динамике культуры как искусственного, внеприродного мира человека.

- Наука, которая путем сравнительного анализа призвана изучать культуру первобытных, традиционных и современных обществ.

Исторические события и процессы XX в. привели ученых к убеждению, что любой народ имеет право на самостоятельную жизнь, на самобытную культуру, на право быть равным в сообществе народов. Господствующим среди этнологов стало убеждение об отсутствии «отсталых» и «передовых» народов — все народы равноправны, Культуры народов могут быть оценены лишь функционально, по отношению к своей общности, т.е. с позиций того, насколько эффективно они обеспечивают жизнь того или иного народа.

Расширение предмета этнологии в наши дни. Быстро меняющаяся ситуация в мире в последние десятилетия вновь заставила ученых обратиться к вопросу о предмете этнологии. Многочисленные диаспоры мигрантов и беженцев в Европе и Северной Америке, образовавшиеся в результате различного рода конфликтов, существенно изменили этнический состав многих развитых государств. С другой стороны, интеграционные процессы в странах Западной Европы также породили целую группу проблем этнического характера. Из них наиболее актуальны сегодня совмещение типов поведения разных народов, взаимодействие и сосуществование различных типов культур, взаимная адаптация психологических особенностей в условиях устойчивых межкультурных контактов, развитие этнического сознания в нетрадиционных условиях, особенности экономического поведения представителей какого-либо этноса в другой хозяйственной культуре.

К настоящему времени этнологическая наука представляет собой довольно сложную и разветвленную систему знаний, состоящую из следующих разделов:

— этническая антропология (исследует проблемы этногенеза и антропофизического развития народов);

— этническая социология (социальные аспекты развития и функционирования этнических групп, их идентичность, формы самоорганизации, типы взаимодействий этнических групп);

— этническая психология (формирование этнических стереотипов, этнического самосознания и идентификации);

— экономическая этнология (хозяйственная и экономическая деятельность этносов);

— этнодемография (демографические процессы и динамика численности народов);

— этническая география (расселение народов, особенности их место развития, этнических территорий и этнических границ);

— этнопедагогика (особенности воспитательного и образовательного процесса у различных этносов).

Процесс дифференциации этнологической науки еще далек от завершения, и в ближайшие два десятилетия следует ожидать появления новых направлений.

Таким образом, предмет этнологии постоянно расширяется, что не позволяет дать четкое определение этой науки. Поэтому и в отечественной, и в зарубежной этнологии существует довольно большое число определений, основанных на различных методологических подходах, которые, по мнению их авторов, подчеркивают наиболее существенные черты этнологической науки.

Множественность определений предмета исследования этнологии частично объясняется различными постановками вопросов, частично — наличием различных теорий и концепций. В совокупности все эти определения предмета науки, разные способы постановки проблем, их объяснения и описания и составляют этнологию как науку в целом.

В такой ситуации динамичных изменений предметного поля этнологии автор не берется дать еще одно определение этой науки. Однако для более строгого и систематизированного изложения материалов данного учебника и для обстоятельного изучения этнологии студенческой аудиторией необходимо ввести хотя бы рабочее определение. Ни в коем случае не претендуя на универсальный и единственно верный подход, мы считаем, что этнология - это наука, изучающая процессы формирования и развития этнических групп, их идентичность, формы их культурной самоорганизации, закономерности коллективного поведения и взаимодействия, взаимосвязи личности и социальной среды. Таким образом, предметное поле современной этнологии очень широко, и различные его направления в той или иной степени пересекаются с близкими, родственными науками. Особенно это касается этнографии, культурологии, социологии, психологии, антропологии, политологии.

§ 1.3. Методы этнологии

Каждая наука предполагает изучение своего объекта с помощью всего объема накопленных ею знаний и соответствующих методов, позволяющих получить более полное и точное знание об изучаемом объекте. Современная наука располагает довольно большим количеством методов познания. В целом все их можно разделить на общенаучные и специальные, применяемые в различных комбинациях и сочетаниях в зависимости от специфики изучаемого

объекта. Из общенаучных методов этнология отдает предпочтение историческому и социологическому, а из специальных — методу полевых исследований.

Метод полевых исследований — один из основных при изучении этносов и этнических процессов. Стал широко практиковаться с середины XIX в., когда у правительств колониальных держав появилась острая потребность в подробных знаниях о зависимых народах, способах их хозяйственной деятельности, обычаях, верованиях, психологии и т.д. Суть метода заключается в длительном пребывании исследователя в месте проживания изучаемого этноса, во вживании в изучаемую этническую среду. Исследователь, как правило, участвует в жизни исследуемой этнической группы в качестве ее полноценного члена. Отсюда и ценность метода полевых исследований заключается в том, что этнолог становится свидетелем и соучастником жизни этноса. Закономерно, что плодотворность и эффективность этого метода прямо пропорциональны количеству времени пребывания исследователя в изучаемом этносе.

Наряду с достоинствами этот метод имеет и недостатки, основным из которых является проведение полевых исследований в удобное и благоприятное для исследователя время, тогда как в межсезонье наблюдения и исследования прекращаются.

Исторический метод, в свою очередь, основан на таких методах сбора информации, как изучение археологических материалов и письменных источников.

Изучение археологических материалов позволяет восстанавливать и реконструировать этническую и культурную историю народов. Этот метод — самый надежный и достоверный способ получения первичной информации: благодаря современным приемам изучения и датирования археологических материалов он позволяет довольно точно определить время исторических событий или возраст предметов культуры.

Изучение письменных источников также весьма надежный способ получения информации, поскольку различного рода письменные источники получили предварительную оценку на доверие собственными составителями. В качестве письменных источников используются обычно исторические жизнеописания народов, составленные ими самими или представителями других народов.

Существуют и другие типы письменных источников, представляющие интерес для этнологов: доклады и описания участников географических экспедиций, отчеты дипломатов и миссионеров, сообщения капитанов морских судов, торговцев, путешественников и т.п. В настоящее время в церковных, музейных и исторических архивах ведущих европейских стран ждут своего часа многочисленные еще не исследованные письменные материалы, которые наверняка содержат много полезной и ценной информации о жизни и культурах народов разных стран и исторических эпох.

Среди других методов этнологических исследований немаловажное значение отводится *сравнительному языкознанию*, сущность которого заключается в сравнении определенных слов и терминов из разных языков и установлении соотношения близких языков и степени их родства. Для лингвистов давно не секрет, что языки развивается различными темпами. При этом в некоторых из них за короткое время появляется или заимствуется много новых слов под влиянием других языков, которые, напротив, остаются статичными и не изменяются на протяжении многих столетий.

Если исходить из аксиомы, что в любой культуре слова и дела неразрывно связаны друг с другом, то систематизированные сравнения слов из нескольких языков позволяют проследить развитие культуры и культурных взаимоотношений разных народов. Исчезновение каких-то слов или их замена синонимами из других языков также служат важными показателями взаимодействия культур. Конечно, *метод сравнительного языкознания* требует от ученого хорошего знания соответствующих языков, и, прежде всего законов их словообразования.

Социологический метод представляет собой совокупность исследовательских методов, технических приемов и процедур сбора, обработки и анализа информации и данных, представляющих интерес для этнологической науки. Он включает в себя группу частных методов получения этносоциологической информации, среди которых наиболее распространенными являются опрос (анкетирование и интервью), выборочное обследование, наблюдение. Социологический метод используется для сбора сведений по определенным вопросам или в связи с теми или иными событиями жизнедеятельности этносов (межэтнические конфликты, изменение этнических границ, проблемы этнической идентичности, межэтнические контакты и т.п.).

С помощью опроса в мире собирается большая часть этнологической информации. Исследователи считают этот метод почти универсальным методом познания, поскольку он позволяет получить информацию о чувствах, мотивах, установках, побуждениях людей, которыми они руководствуются в своем повседневном поведении. Помимо изучения субъективных состояний, с помощью метода опроса можно получить информацию и об объективных явлениях жизни этносов, не зафиксированных в документальных источниках.

В этнической социологии различают два вида опроса: сплошной и выборочный. В свою очередь, в рамках сплошного опроса выделяется особая разновидность — перепись, при которой опрашивается все население страны, этнической общности или группы. Для этнологов перепись имеет огромное значение, так как содержит информацию по самому широкому кругу вопросов, в том числе об этнической принадлежности (национальность), языке, социально-экономические, социально-культурные и демографические показатели. Более того, эта информация уже представлена в систематизированном, упорядоченном виде.

Важная особенность переписей заключается в том, что при их проведении люди сами определяют свою этническую принадлежность по самосознанию, что дает возможность точнее выявить не только этнический состав страны, но и иерархичность многих этносов — наличие в них этнографических, этнокультурных и территориальных групп. При этом собираемая информация привязана к вполне определенному отрезку времени и касается каждого жителя страны или члена этнической общности.

Не менее важным и надежным методом является *выборочное исследование*. Суть его заключается в составлении суждения о неизвестных явлениях или процессах генеральной совокупности по его выборочной статистике. Популярность этого метода в значительной степени обусловлена тем, что этнологи часто не имеют возможностей для проведения сплошных комплексных обследований этнических процессов или этнических групп отдельных регионов. Поэтому, как правило, исследования проводятся избирательно — по ограниченному кругу проблем или объектов исследования либо по отдельным этническим группам. Данные, полученные на ограниченном объеме, отражают всю совокупность изучаемых процессов и служат для нее репрезентативными показателями.

Метод наблюдения — целенаправленное, систематическое, непосредственное визуальное восприятие и регистрация значимых с точки зрения целей исследования этнических явлений, процессов, а также отдельных признаков и свойств изучаемых этнических групп и общностей. Суть его заключается в наблюдении образа. жизни, взаимодействий, обычаев, нравов и традиций племен, этнических групп и общностей.

Метод наблюдения имеет узкие границы, поскольку наблюдатель, отбирая впечатления, не может полностью отвлечься от их собственной оценки. По этой причине данный метод чаще всего используется при первичном ознакомлении с объектом исследования, а также при изучении этнических групп и национальных меньшинств.

Методическая база современной этнологии не ограничивается отмеченными методами научного познания. Современные процессы взаимной интеграции различных сфер научного знания все чаще приводят к использованию в этнологии научных методов различных смежных дисциплин. Особенно полезными и плодотворными здесь оказываются методы этнографии, демографии, семиотики, психологии, прикладной социологии.

§ 1.4. Связь этнологии с другими науками

Выше мы уже говорили, что основным объектом исследования этнологии являются этносы, которые реализуют свою жизнедеятельность в экономической, социальной, культурной и других сферах, причем каждая сторона человеческой жизнедеятельности изучается соответствующей наукой. Этнология непосредственно взаимодействует с этими науками, среди которых наиболее близки к ней по предмету своих исследований антропология, социология, культурология, этнография, политология, география.

Этнология и антропология. Антропология особенно близка к этнологии, поскольку обе науки имеют общий предмет исследований — происхождение рас, их распределение по регионам и континентам, изменение физического облика людей в результате культурно-исторического процесса, антропологический состав этносов. При этом каждая из наук сохраняет свою самостоятельность за счет собственных методологических оснований и исследовательских аспектов. Так, антропология была и остается наукой о биологической и физической природе человека. Этнология же ориентирована на исследование общественных изменений и изменений этнических общностей. В настоящее время во взаимосвязи этнологии и антропологии существует некоторая неопределенность, вызванная развитием таких научных направлений, как социальная антропология и культурная антропология. Возникновение этих двух направлений было детерминировано различными точками зрения на предмет антропологии в британской и американской науках. Не вдаваясь в анализ продолжительной дискуссии о предмете и специфике каждого из направлений, отметим, что социальную и культурную антропологию следует рассматривать как «две стороны одной медали», т.е. как два научных направления, изучающих один и тот же объект в разных аспектах.

Социальная антропология изучает, прежде всего, групповые отношения и социальные процессы. Ее предмет — социальная организация жизни человека и его жизненного мира в традиционных и современных обществах. В качестве конкретных объектов исследования выступают сообщества людей, объединенных сходными условиями жизни: единым местом проживания, политической организацией, общей культурой и языком.

Предметная область культурной антропологии ограничивается взаимоотношениями человека и культуры — вопросами происхождения (генезиса), строения (морфологии) и развития (динамики и многообразия) культуры в рамках конкретно-исторической социальной организации. При этом социум рассматривается как среда — естественная или искусственная — существования человека и культуры.

В то же время в современной западной и отечественной научной литературе широко распространена точка зрения, что этнология, культурная антропология и социальная антропология суть разные названия одной и той же науки. Однако при внимательном анализе каждого из этих трех научных направлений обнаруживается, что такого рода отождествление весьма условно и не всегда правомерно. В действительности термин «этнология» существует и в западной науке и означает примерно то же самое, что и в России.

Культурная антропология с самого начала своего зарождения выступала как дисциплина, изучающая процессы формирования культуры, в отличие от физической антропологии как науки об изменчивости физического типа человека. Ее взаимосвязь с этнологией состоит в том, что она использует ее описательные, полевые материалы для доказательства и проверки своих концеп-

ций. Со своей стороны, этнология пользуется данными культурной антропологии для своих теоретических обобщений.

Отношения этнологии с социальной антропологией носят несколько иной характер. С момента возникновения социальная антропология была направлена на изучение особенностей социальной организации народов мира. Сам термин «социальная антропология» был введен в научный оборот основоположником английской этнографии Джорджем Фрэзером, который противопоставлял это направление исследования человека физической антропологии. Социальная антропология скорее ближе к социологии, а не к этнологии, так как не включает в предмет своих исследований этнические общности.

Этнология и социология. Этносы как объект изучения этнологии являются результатом развития не только природных, но и социокультурных процессов. Поэтому этнология включает социологический и культурологический аспекты исследования этнических процессов и тем самым пересекается с социологией и культурологией. При этом необходимо отметить, что социология и этнология имеют общую историю и единые корни.

Изначально социология складывалась как наука о формах совместной жизни и деятельности людей, и поэтому предметом ее изучения стали формы человеческой социальности: социальные группы и слои, социальная структура, социальные институты и т.д. Центральная категория социологии — общество — обозначает формы связей между людьми, как правило, совместно живущими и действующими на общей территории. Тем самым социология ориентируется на исследование форм человеческой социальности или форм социального взаимодействия. Эти элементы социальных отношений представляют научный интерес и для этнологии, так как в ее предметное поле входят вопросы устойчивых форм, образцов поведения людей в обществе. Но изучает их этнология иными способами.

Социология стремится к исследованию больших и сложных общностей, всего общества как системы, социально-структурных связей, динамики социокультурных систем на макроуровне. Для этнологии же наибольший интерес представляют социальные структуры этнических общностей, социальная динамика этнических культур, социальная дифференциация этносов, этническое самосознание, этнические особенности психики разных народов и т.д. Иными словами, этнология изучает социальные процессы и явления в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах.

Кроме того, расхождение социологии и этнологии обнаруживается в методологии. Хотя обе науки и опираются на общие методы исследования (наблюдение, опрос, анализ документов и пр.), но используют они их по-разному. Социолог, как правило, работает с письменными источниками и документами, а этнолог — с устными и невербальными (разговорной речью, изображениями, рисунками, жестами, мимикой и пр.). При изучении документальных источников социолог обращается к типовым, стандартизированным документам, а эт-

нолог анализирует единичные документы, имеющие биографическую ценность.

Таким образом, этнология и социология представляют собой не только самостоятельные науки, но и те области социально-научного знания, которые постоянно сближаются и интегрируются в процессе поиска и обоснования адекватных моделей социального поведения человека. Научные интересы к одним и тем же общественным явлениям у социологии и этнологии оказались настолько широки и близки, что в 1930-х гг. на стыке этих двух наук сформировалось отдельное научное направление — этносоциология. Основоположник этносоциологии немецкий ученый Рихард Турнвальд полагал, что эта прикладная наука должна изучать взаимосвязь этнических и социальных процессов в жизни современных индустриально развитых стран.

Этнология и культурология. Определяя соотношение этих научных и учебных дисциплин, также следует исходить из их предметного поля. Под культурологией чаще всего понимают науку, изучающую историю и теорию культуры, историю культурологических учений, философию культуры, социологию и психологию культуры, г экологию культуры и включающую, кроме указанных, целый комплекс узкоспециализированных знаний об искусстве и учреждениях культуры (например, театроведение, музееведение, библиотечное дело и т.д.). Этнология же неразрывно связана с исследованием культурной специфики этносов, отличающей одни народы от других. Ведь являясь родовым свойством человека, культура каждого этноса, тем не менее, возникает в результате приспособления именно этого народа к конкретным условиям бытия. Изучение же специфики этнических культур — бесспорно, задача этнологии.

Так же обстоит дело и с другими важнейшими проблемами культурологии, среди которых этнологию особенно интересуют вопросы инкультурации (овладения человеком культурой своего собственного этноса), межкультурных взаимодействий (ведь этнические контакты в первую очередь являются этнокультурными), анализа различий традиционных и модернизированных обществ (модернизация традиционных народов — важнейшая практическая задача этнологии) и др.

Безусловно, культурология и этнология прекрасно дополняют Друг друга. Это позволяет некоторым исследователям говорить о возможности их объединения в рамках одной науки — этнокультурологии.

Этнология и этнография. Из всех смежных наук, пожалуй, наиболее близкой и родственной для этнологии является этнография. Как самостоятельная область знаний, этнография возникла полтора века назад. Изначально ее назначением был сбор и систематизация социокультурных материалов о разных народах. В силу этого Предметная область этнографии нередко трактуется расширительно.

Термин «этнография» употребляется в разных значениях. В ряде случаев он используется для обозначения описательного уровня исследований, в от-

личие от этнологии, рассматриваемой в качестве теоретической, обобщающей науки об этносах. Такое разделение основано на традициях зарубежной этнографии выделять в этой науке описательную (собственно этнографию) и теоретическую (этнологию) составные части. Кроме того, как мы уже отмечали, в немецкой этнологии принято различать этнологию как науку о собственном этносе и этнологию как науку о других этносах: понятие «Völkskunde» предполагает этнографическое описание и изучение немецкоязычных народов (немцев, австрийцев, швейцарцев), а «Völkerkunde» — всех других народов.

То обстоятельство, что этнография первоначально воспринималась как описательная наука, фиксирующая культурно-бытовые и социальные отличия между народами, и, прежде всего, отличия неевропейских народов от европейских породило представление о ней как о науке, изучающей культурно отсталые народы. Ее оценке как науки о пережитках, и, следовательно, не имеющей будущего, объективно способствует и то особое внимание, которое она уделяет отжившим или отживающим явлениям культурной и социальной жизни этносов с целью ретроспективного анализа человеческой истории. Современная историческая практика свидетельствует об ошибочности такой оценки, поскольку интерес этнологии к традиционным основам жизни народов усиливается. И сегодня, и в обозримом будущем каждый этнос стремится сохранить свои особые черты, отличающие его от других. А многочисленные этнические конфликты постоянно диктуют необходимость изучения этих особенностей этнографией и теоретического обобщения ее данных этнологией.

Этнология и психология. Весьма важное значение для этнологии имеет ее взаимосвязь с психологией. Психология, как известно, изучает психические состояния личности, стереотипы поведения и восприятия, психические отклонения, типичные характеры. В настоящее время психология — одна из наиболее динамично развивающихся научных дисциплин. Внутри психологии проблемой взаимосвязи индивида с окружающей средой занимается социальная психология, знания которой часто оказываются полезными и для этнологии. Особенно это относится к вопросам ролевого, нормативного и отклоняющегося поведения человека, механизмов формирования стереотипов сознания и этнического самосознания.

Этнологический подход к психологическим и социально-психологическим проблемам состоит, с одной стороны, в определении культурной и социальной обусловленности психических состояний и внутриличностных процессов восприятия, мышления, эмоций, сознания и т.д., индивидуальных особенностей, желаний, целей и интересов личности, а с другой — в понимании социокультурной природы межличностных отношений и групповой динамики. В этой области этнологии сложились отдельные исследовательские направления, среди которых следует выделить теорию социализации и инкультурации, этнологию детства, теорию аккультурации, концепцию этнического характера и др.

Взаимосвязь этнологии и психологии получила свое выражение в формировании общей межпредметной области знания — этнопсихологии. Предметное поле этнопсихологии включает в себя вопросы этнических особенностей психики людей, национального характера, этнического самосознания и этнической самоидентификации, культурно-психологических характеристик этнических групп, рас, семейно-родственных отношений в разнообразной культурной среде.

Кроме того, не без влияния этнологии в психологической науке сравнительно недавно возникло такое направление, как психология культуры, поставившая в качестве своей научной цели выявление закономерностей становления и развития психологических характеристик человека в зависимости от его культурных ориентации. Она также стремится раскрыть особенности символического мира и ценностных приоритетов личности, механизмы влияния культуры на психическое состояние и поведение этнических групп.

Таким образом, этнология — это новая и важная область научного познания. В нашей стране она, по существу, только складывается, и потому человек с пытливым умом, стремящийся узнать что-то новое о самом себе, о происхождении народов и их отличиях друг от друга, найдет в этой науке немало интересного.

ЛИТЕРАТУРА

Велик А.А., Резник ЮМ. Социокультурная антропология. М., 1998.
Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
Емельянов Ю.Н. Основы культурной антропологии. СПб., 1994.
Культурная антропология: Учебное пособие /Под ред. Ю.Н. Емельянова, Н.Г. Скворцова. СПб., 1996.
Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.
Скоринов Н. Основы этнологии. Хабаровск, 1998.
Соболев В.И. Материалы к курсу «Этнология». Новосибирск, 1996.
Социальная антропология на пороге XX века. М., 1998.
Тадевосов Г.Т. Этнология: Словарь-справочник. М., 1998.
Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. СПб., 1997.
Элез А.Й. Критика этнологии. М, 2002. Этнология / Под ред. В.В. Пименова. М., 1994.

Глава 2. ОСНОВНЫЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

§ 2.1. Эволюционизм. § 2.2. Диффузионизм. § 2.3. Социологическая школа. § 2.4. Функционализм. §2.5. Американская школа исторической этнологии. § 2.6. Этнопсихологическая школа. § 2.7. Структурализм. § 2.8. Культурный релятивизм. § 2.9. Неоэволюционизм. § 2.10. Новейшие концепции в этнологии.

Постепенное накопление разнообразных этнологических сведений и поражавшие ученых совпадения многих элементов культуры и способов поведения разных народов, проживавших далеко друг от друга, настоятельно требовали осмысления и систематизации. Поэтому с середины XIXв. в этнологии начинают происходить кардинальные перемены: выделяются различные школы и направления, по-своему интерпретирующие многочисленные этнокультурные данные. Сравнительно быстро этнология становится междисциплинарной областью знаний, сочетающей в себе как традиционно научные, так и нетрадиционные подходы. В разное время на первый план выдвигались те или иные концепции и методы изучения человека как целостного феномена социокультурного развития, становясь на этот период наиболее влиятельными и популярными. Среди них, прежде всего, следует отметить эволюционизм, диффузионизм, социологическую школу, функционализм, американскую школу исторической этнологии, этнопсихологическую школу, структурализм, культурный релятивизм, неоэволюционизм.

§ 2.1. Эволюционизм

Формирование первой собственно этнологической теории — эволюционизма — началось в середине XIX в. и было связано с общеметодологическими научными установками и открытиями того времени. Среди них важнейшую роль сыграло утверждение в науке принципа развития, в соответствии с которым изменения в любой сфере объективного мира рассматривались как внутренне детерминированные. На основе этого принципа были объяснены многие процессы в самых различных областях естествознания. Логическим завершением применения принципа развития в естествознании XIX в. стала победа дарвиновской теории эволюции.

Совершившая переворот в разных областях естествознания и завоевавшая безраздельную популярность, идея эволюции не могла не проникнуть в формирующуюся науку о человеке и культуре. Многие этнологи-эволюционисты особо отмечали в своих трудах, что их творчество вдохновлялось успехами естествознания. Главная идея эволюционизма заключается в положении о единых для всего человечества универсальных исторических законах развития культуры и общества. Идеи эволюционизма нашли своих приверженцев среди, этнологов многих стран. Наиболее видные его представители: в Англии — Герберт Спенсер, Эдуард Тайлор, Джеймс Фрэзер; в

Германии — Адольф Бастиан, Теодор Вайц, Генрих Шурц; во Франции — Шарль Летурно; в США — Льюис Генри Морган. Благодаря их исследованиям культура, рассматривавшаяся до этого как совокупность отдельных типов и форм, лишенных видимого смысла и единства, обрела целостность, была систематизирована и упорядочена.

Основоположником эволюционной школы в этнологии заслуженно принято считать выдающегося английского ученого Эдуарда Тайлора (1832—1917). В 1865 г. он опубликовал книгу «Исследования в области древней истории человечества», в которой изложил свои эволюционистские взгляды, в частности идею о прогрессивном поступательном развитии человеческой культуры от первобытного состояния к современной цивилизации; о преемственности и взаимосвязи культур разных народов; о том, что существующие различия, народов не связаны с расовой принадлежностью, а являются лишь разными ступенями развития культуры.

Наиболее полно эволюционистская концепция Тайлора представлена в его книге «Первобытная культура» (1871), получившей мировую известность. Всесторонне анализируя идею прогрессивного развития культур, он противопоставил ее «теории вырождения» Ж. де Местра. Суть последней состоит в следующем: начало культуре, положили появившиеся на Земле формирующиеся расы людей, далее ее развитие пошло двумя путями: назад, к обществу дикарей, и вперед, к цивилизованным людям.

Тайлор не отрицал возможности регрессивных изменений в культуре в результате исторических и природных катаклизмов, но при этом был твердо убежден, что магистральным направлением в истории человечества является эволюционное прогрессивное раз-питие культур.

В своих рассуждениях он опирался на одну из главных идей эволюционизма: человек — это часть природы, развивающаяся в соответствии с ее общими закономерностями. Поэтому все люди одинаковы по своим психологическим и, интеллектуальным задаткам, у них обнаруживаются одинаковые черты культуры, развитие которых идет схожим образом, поскольку определяется схожими причинами. Разнообразие же форм культуры Тайлор понимал как стадии постепенного развития, из которых каждая являлась продуктом прошлого и, в свою очередь, влияла на будущее. Эти последовательные стадии развития соединяли в один непрерывный ряд все народы и псе культуры человечества — от самых отсталых до наиболее цивилизованных.

Подобно другим эволюционистам, Тайлор пытался изучать явления культуры с помощью естественно-научного метода и — главное — приспособить естественно-научную классификацию к потребностям этнологии. Единицами изучения для него были отдельные категории предметов и явлений духовной и материальной культуры, которые он уподоблял видам растений и животных, изучаемых натуралистами.

В своих книгах и статьях Тайлор неизменно стоял на точке зрения имманентного развития явлений культуры и постоянного прогресса человеческой культуры в целом. При этом прогресс культуры он представлял как устойчивое совершенствование ее явлений. В подтверждение своих взглядов

Тайлор приводил огромное количество фактов, расположив их в виде эволюционных рядов — от простого к сложному.

Из всех явлений культуры для Тайлора наибольший интерес представляли религиозные верования первобытных народов, исследуя которые он выдвинул анимистическую теорию происхождения религий. Религиозные верования и обряды «дикарей», но его мнению, отнюдь не жалкое смешение различных нелепостей, как считали многие, напротив, они по-своему последовательны и весьма логичны. В их основе нежит вера в духовные существа, т.е. в души и духов. Эту веру в духовные существа Тай-нор и обозначил термином «анимизм». Корни анимизма он видел в «философствовании» первобытного «дикаря», в его желании понять причины таких явлений, как сон, сновидения, обмороки, болезни, смерть. Первобытные люди полагали, что в каждом человеке есть душа, которая может покидать тело либо временно (сон), либо навсегда (смерть). Эти представления о душе на основе принципа всеобщего подобия развились в более сложные верования. Законы магического мышления вели первобытного человека от признания реальности собственной души к вере в наличие таких же духовных двойников у всех без исключения предметов и явлений окружающего мира, Таким образом, вначале появилась вера в духов животных и природных сил, а затем в загробную жизнь, в великих богов природы и в единого верховного бога.

Эволюционистские взгляды Тайлора были существенным шагом вперед в этнологии. Они представляли собой стройную концепцию единства исторического процесса и прогрессивного развития культуры. Однако недостатки эволюционизма, и в частности концепции; Тайлора, тогда еще не замечались, ученые обратили внимание на« них позже. Идеи Тайлора были восприняты в разных странах и в короткое время стали господствующими в этнологии.

Еще один классик эволюционного направления в этнологии английский философ, биолог, психолог и социолог Герберт Спенсер (1820—1903). Им была предложена концепция эволюции как особого типа последовательных необходимых изменений культурных феноменов от относительно бессвязной гомогенности (однородности) к согласованной гетерогенности (неоднородности), происходящих благодаря постепенной дифференциации и интеграции. Свои идеи он наиболее полно изложил в фундаментальном труде «Основы социологии» (1876—1896).

В основе концепции Спенсера лежит идея аналогии между обществом и организмом. Общество и соответственно различные типы культур он понимал как некий сверхорганизм, осуществляющий «-надорганическое» развитие под влиянием как внешних (географическая среда, соседние культуры), так и внутренних (физическая природа человека, расовая принадлежность, разнообразие психических качеств) факторов. Спенсер одним из первых высказал гипотезу создания «отсталых» культур людьми физически, умственно и морально неразвитыми. Однако полагал он, природа человека с ранних стадий его предыстории медленно адаптируется. Под воздействием этих процессов человеческие качества модифицируются, постепенно аккумулируются в популяции, передаваясь непосредственно и через традицию. В силу различных условий и обстоятельств существования человеческих популяций эти качества оказываются неодинаково развитыми. Однако эти различия не абсолютны и могут быть преодолены благодаря врожденным способностям человека к совершенствованию.

Анализируя процесс исторического развития общества, Спенсер выделяет в нем две основные стороны: дифференциацию и интеграцию. Развитие начинается с количественного роста, увеличения числа составляющих

элементов культуры, что, в свою очередь, ведет к функциональной дифференциации целого на отдельные части. Эти структурные части становятся все более непохожими и начинают выполнять специализированные функции, требуя некоего механизма согласованности в виде различных культурных установок. В этом контексте Спенсер ввел в научный оборот понятие «структура», «функция», «культурный институт», что послужило основанием (читать его предшественником другого направления в этнологии — функционализма.

Основоположник немецкой этнологии и эволюционизма — **Адольф Бастиан** (1826—1905), крупный теоретик и организатор этиологической науки. Популярная в то время теория эволюции и обширный этнографический материал, собранный Бастианом в девяти экспедициях в различные регионы планеты, определили его намерение систематизировать их в форме единой теории. В своем эволюционном учении Бастиан исходит из мысли о закономерном развитии человеческой истории, которая протекает от несовершенного к совершенному. В исследованиях народов он делал акцент на психологию, которая, по его мнению, является краеугольным камнем единого мировоззрения всех людей. Все первобытные люди, по Бастиану, имеют одинаковую психическую структуру, так как обладают самой простой системой адаптации к историко-географическим условиям. Единство человеческой психики выражается в элементарных идеях, схожих у разных народов и обусловливающих тем самым единство человеческой культуры. Каждый народ формирует собственный круг идей, который определяет содержание культуры данного народа. Пока этот народ живет обособленной жизнью, круг его идей остается постоянным, но при контактах с другими народами заимствуются новые элементарные идеи, стимулирующие развитие культуры. На примере великих культур Бастиан доказывает, что развитие человечества происходит в форме круговорота, цикла, который способен продолжаться, если новые раздражители дают стимул для этого. Основной вывод из его исторического анализа состоит в том, что, чем больше народ связан со своей географической средой, тем меньше он подвержен историческим изменениям.

В теоретических взглядах Бастиана своеобразно сочетались психологизм и биологизация общественных явлений. Решение всех проблем своих исследований он искал в умственной предрасположенности человека, при этом культурное развитие человечества, как он полагал, происходит в ходе активных взаимоотношений с окружающей средой. В этом контексте Бастиан рассматривал мыслительную способность человека как часть его биологической сущности, считая, что духовная жизнь полностью подчинена биологическим законам и с этих позиций должна исследоваться. Как и другие его единомышленники, Бастиан был убежден, что человеческий дух развивается во времени, а порождающие его причины и факторы составляют предмет этнологии, которую он относил к категории естественных наук.

Особое место среди основоположников эволюционизма в этнологии принадлежит американскому ученому **Льюису Генри Моргану** (1818—1881). Такой статус определяется вкладом Моргана в этнологию, который превышает все то, что в совокупности внесли его современники.

В этнологии Морган был ученым-любителем и энтузиастом-исследователем, посвятившим почти сорок лет жизни сначала изучению племен ирокезов, а затем других индейцев Америки и народов разных частей света. Полностью идеи Моргана изложить довольно трудно, так как они очень содержательны и многогранны. Его основные этнические исследования, касающиеся прежде всего таких важных проблем, как место и роль родового строя в истории человечества, история формирования семейно-брачных отношений, периодизация истории человечества, отражены в книгах «Первобытное общество» (1871) и «Древнее общество» (1877).

Всю историю человечества Морган делит на два больших периода: первый, ранний, — это организация социальная, основанная на родах, фратриях и племенах; второй, поздний, — организация политическая, основанная на территории и собственности. В труде «Древнее общество» он писал, что родовая организация явилась почти универсальной основой социального строя древних обществ — азиатского, европейского, африканского, американского, австралийского. Она была тем орудием, посредством которого общество организовывалось и сохранялось.

Морган подходил к исследованию родовой организации народов исторически. Зародышевую форму рода он видел в социальной организации австралийских племен, развитую форму, свойственную более высокой ступени общественного развития, — в организации племен ирокезов. Наконец, позднюю форму рода (отцовскую) он находил у греков и римлян архаической эпохи. В этих концепциях особую ценность для этнологии представляли идеи о превращении материнского рода в отцовский в связи с накоплением собственности и передачи ее по наследству.

Весьма важное направление научных исследований Моргана — история семьи, также изложенная в «Древнем обществе». Собрав и систематизировав многочисленные факты, Морган выделил пять форм семьи в истории человечества: 1) кровно-родственная семья — первая форма семьи, следующая за состоянием промискуитета и предполагающая брачные отношения между родными и оллатераль-ными (побочными, двоюродными) братьями и сестрами, но запрещающая браки между родителями и детьми; 2) пуналуальная семья, основывающаяся на групповом браке нескольких сестер с общими мужьями или нескольких братьев с общими женами; 3) парная, или синдиасмическая, семья («без исключительного сожительства»); 1) патриархальная, т.е. полигамная, семья; 5) моногамная семья современного вида. Из всех форм семьи, но мнению Моргана, наиболее устойчивыми и важными были первая, вторая и пятая, именно они породили основные формы родства людей.

Определяющее значение для этнологии имело изучение Морганом общей истории первобытного строя и его попытка периодизации первобытной культуры. Он предложил разделить всю историю человечества на три этапа: дикость, варварство и цивилизация, а первые два этапа, в свою очередь, на ступени (низшую, среднюю и высшую), отметив для каждой из них специфические конкретные признаки.

Предложенная Морганом периодизация позволила связать воедино этнографические, исторические и археологические факты и определить место каждого народа в общем ходе истории, а также сравнить уровни развития народов. Это была первая универсальная система периодизации всемирной истории.

Представители эволюционной школы впервые создали стройную концепцию развития человека и его культуры, исходившую из признания идеи прогресса в общественном развитии. Основные идеи эволюционизма состоят в следующем.

• Человеческий род — един, следовательно, все люди имеют примерно равные умственные способности и в сходных ситуациях будут принимать близкие решения; это обстоятельство определяет единство и единообразие развития человеческой культуры в любой части света, а наличие или отсутствие контактов между различными культурами решающего значения не имеет.

• В человеческом обществе имеет место непрерывный прогресс, т.е. процесс перехода от простого состояния к более сложному; культура как часть общества также всегда развивается от низшего к высшему путем непрерывных, постепенных изменений, количественного увеличения или уменьшения.

• Развитие любого элемента культуры изначально предопределено, так как его более поздние формы зарождаются и формируются в более ранних формах; развитие культуры многоступенчато и происходит в соответствии со стадиями и ступенями, едиными для всех культур мира.

• В соответствии с универсальными законами развития человеческих культур одинаковые стадии эволюции развития разных: народов и их культур дают одинаковые результаты.

• Общественное развитие подчиняется законам эволюции, свойственным живой природе, где источником развития служит межвидовая борьба за существование, выражающаяся в наслоении одного элемента на другой или в замене старого новым; в результате этой борьбы различные элементы культуры соответствующим образом взаимосвязаны.

• Культурные различия народов обусловлены их ступенью развития.

На основании этих принципов эволюционизма и сами этнологи, и их интерпретаторы сделали весьма важные идеологические и практические выводы: если все народы идут по одному пути развития и если вершиной этого пути являются европейская цивилизация и культура, то все народы в итоге должны прийти к ценностям европейской культуры. А это также означает, что европейцы, создавая свои колониальные империи, тем самым помогают отсталым народам быстрее двигаться по пути культурного развития.

К концу XIX в. по мере накопления этнологией новых данных все явственнее становились слабые стороны эволюционизма, вступавшие в противоречие с фактами действительной жизни. В частности, эволюционисты, исходя только из количественных изменений в культуре, не могли и не стремились объяснить самозарождение культуры и ее составных частей, предполагая возникновение всех будущих культурных явлений из начала человече-

ской истории. Новые многочисленные сведения этнографических экспедиций часто не согласовывались с эволюционистскими установками и требовали иного объяснения. Тогда начались поиски других путей исследования культуры, ее возникновения, изменения и распространения. В результате сформировались новые направления и школы, как правило, антиэволюционистской направленности. Часть этнологов и антропологов, разочаровавшихся в эволюционизме, вообще отказалась от попыток теоретических обобщений и обратилась к эмпирическим исследованиям.

§ 2.2. Диффузионизм

К концу XIX в. этнология вступила в новый этап своего развития. Если ранее этнографические наблюдения делались преимущественно торговцами, миссионерами, путешественниками, то теперь их стали проводить специалисты-ученые по предварительно разработанным программам. Тогда же эволюционизм утратил свое монопольное положение в этнологии, поскольку появлялось все Польше фактов, необъяснимых в рамках эволюционной методологии.

Методологический кризис эволюционизма привел к появлению нескольких диффузионистских школ, противопоставивших эволюционизму исследование ограниченного круга исторических проблем: пространственное распределение культур или отдельных культурных элементов, области их происхождения, реконструкция путей и способов их распространения.

Само понятие «диффузия» (от лат. diffusio — распространение) было заимствовано из физики, где оно означало «растекание», «проникновение», а применительно к этнологии оно стало обозначать распространение культурных явлений путем контактов между народами — через торговлю, переселение, завоевания. Диффузионизм как научное направление предполагал признание главным содержанием исторического процесса диффузию, контакт, заимствование, перенос и взаимодействие культур.

Эволюционистской идее автономного возникновения и развития схожих культур в сходных условиях диффузионисты противопоставили идею уникальности возникновения культурных элементов в определенных географических регионах с последующим распространением из центра зарождения. В определенном отношении Диффузионизм можно рассматривать как попытку заменить эволюционистскую идею прогрессивного развития принципом пространственно-временной диффузии отдельных элементов культуры или их комплексов.

В рамках теории диффузионизма существовало несколько научных течений и школ. В Скандинавии было распространено историко-географическое направление (Э. Норденшельд); в Германии господствующее положение занимали культурно-историческая (Ф. Гребнер и В. Шмидт) и антропогеографическая (Л. Фробениус) школы; в Северной Америке идеи диффузионизма нашли свое выражение в теории культурных ареалов (Э. Сепир, М. Херсковиц); в Англии это направление этнологии разрабатывалось в рамках геополитической школы, известной как гипердиффузионизм (Г. Элиот-Смит, У. Риверс).

Основателем диффузионизма принято считать профессора этнографии Мюнхенского университета **Фридриха Ратцеля** (1844 – 1904). Эволюционисты рассматривали культурные явления отвлеченно от конкретных условий возникновения. Ратцель же одним из первых поднял вопрос о явлениях культуры как признаках связи народов: расы смешиваются, языки меняются и исчезают, самоназвания народностей тоже не остаются прежними, и только культурные предметы сохраняют свою форму и ареал бытия. Отсюда важнейшая задача науки — изучить распространение предметов культуры.

Свои идеи Ратцель изложил в многотомных исследованиях «Антропогеография» (1882—1891), «Народоведение» (1885—1895) и «Земля и жизнь» (1897), где он попытался представить общую картину расселения человечества и развития культуры в связи с географическими условиями. Для этого он очень обстоятельно исследовал все формы воздействия природной среды как на внутреннюю жизнь народа и становление его культуры, так и на характер сношений между народами.

Главные идеи своей концепции Ратцель сформулировал в «Антропогеографии». Анализ географического распространения предметов материальной культуры (этнографических предметов, по его терминологии) и народов — носителей этих предметов привел Ратцеля к утверждению, что вызванные природными условиями различия между культурами народов постепенно сглаживаются благодаря пространственным перемещениям этнографических предметов через культурные контакты народов. Последним Ратцель уделял особое внимание, подробно рассматривая различные формы их взаимодействия: переселения племен, завоевания, смешение расовых типов, обмен, торговлю и пр. Именно в процессе взаимодействий происходит распространение культур. На практике это выражается в форме распространения этнографических предметов, роль которых значительно важнее, чем языков или расовых признаков. Расовые типы постоянно смешиваются между собой; язык как этнический признак более устойчив, чем раса, но и он с течением времени меняется или вытесняется другими языками. Предметы же материальной культуры гораздо дольше удерживаются, сохраняя свои форму и ареал. Народы, по мнению Ратцеля, изменяются, гибнут, а предмет остается тем, чем он был. Поэтому при исследовании культур важнейшее место должно быть отведено изучению географического распространения этнографических предметов.

Ратцель выделял два способа перемещения элементов культур: 1) полный и быстрый перенос всего культурного комплекса; этот способ он называл аккультурацией; 2) перенос отдельных этнографических предметов от одного народа к другому. При этом он отмечал, что одни предметы (украшения, одежда, наркотики) легко передаются от народа к народу, другие (упряжь, изделия из металла) передвигаются только вместе с их носителями.

В трудах Ратцеля сформулированы лишь основные положения диффузионизма как самостоятельного направления в изучении культур: принцип взаимовлияния культур; изменение культур путем заимствования; идея одного или нескольких центров зарождения культуры. При этом самому человеку

Ратцель отводил второстепешгую роль в культуре (носитель этнографических предметов) и предполагал относительную независимость культуры от него. Эта мысль об относительной независимости явлений культуры в дальнейшем получила развитие в трудах представителей других течений немецкого диффузионизма: школы «культурной морфологии» Фробениуса, кёльнской школы Гребнера и венской школы Шмидта.

Ученик Ратцеля — археолог, этнолог, фольклорист **Лео Фробениус** (1873—1938) создал в рамках диффузионизма концепцию морфологии культуры и стал основоположником теории «культурных кругов». Он совершил 12 экспедиций в Африку, Австралию и Океанию, составил этнологические карты Африки, не утратившие своего научного значения и в наши дни. Материалы экспедиций и их теоретические обобщения вошли в фундаментальный труд Фробениуса «Происхождение африканских культур» (1898). Рассматривая культуры как живые организмы, ученый пришел к выводу, что их изменение подчиняется общим законам жизни. Изучение и сопоставление африканских и меланезийских культур позволяет утверждать, отмечает Фробениус, что изменение культуры является следствием распространения не отдельных элементов, а целых комплексов явлений культуры, представляющих собой не беспорядочное собрание случайно объединившихся элементов, а целостные структуры.

Его взгляды на сущность культуры отличаются некоторой мифологичностью, поскольку основываются только на утверждении, что культуры — это живые организмы, которые переживают рождение, детство, зрелый возраст, старость и, наконец, умирают. При этом культуры не создаются людьми, они «растут» сами по себе. Человек скорее продукт или объект культуры, а не ее творец. Но, тем не менее, культура не может обходиться без людей, так как без них не распространяется. «У культуры нет ног», поэтому она заставляет человека «переносить» себя. Следовательно, человек (народ) — это не создатель, а только носитель культуры.

Каждая культура, по мнению Фробениуса, обладает собственным характером, собственной «культурной душой», накладывающей неизгладимый отпечаток на все свои элементы. Этот особенный характер каждой культуры он назвал «пайдеума» (от греческого — воспитание) и предлагал его использовать вместо дискредитировавшего себя термина «душа культуры». Раскрывая смысл слова «пайдеума», Фробениус писал, что это культурно-психологическое понятие, под которым следует иметь в виду духовную структуру народа, отображающуюся в культурном образе действий. В этом смысле термин синонимичен современному понятию «ментальность».

Представляя культуры как некие внесоциальные, мистические явления, Фробениус подразделял их на мужские и женские. В дополнение к этому, на материале своих этнографических экспедиций он выделил два типа африканских культур: теллурическо-эфиопско-патриархальную и хтоническо-хамитическо-матриархальную. Сами термины «теллурический» и «хтонический» в буквальном смысле обозначают одно и то же: и латинское «теллус» и греческое «хтон» переводятся как «земля». Но в интерпретации Фро-

бениуса они получили как бы противоположное значение: теллурический — растущий из земли вверх, а хтонический — углубляющийся в землю. Первый зародился в зоне саванн, второй — в пустынях Северной Африки. На этом основании каждая культура обладает своим пайдеумом и противоположно направленными тенденциями. «Теллурическая» культура как бы стремится вверх, и это проявляется в конкретных предметах и формах: свайное жилище, свайные амбары, кровать на ножках; душа поднимается, как растение, вверх; божества обитают в высоких, недоступных местах. Эта культура всегда была патриархальной. Напротив, «хтонической» культуре присуще стремление зарыться в землю: подземные жилища, подземные зернохранилища, земляные печи, представления о подземном мире душ и т.д. Эта культура по своему характеру матриархальная. «Хтонической» культуре Фробениус приписывал магические свойства, а «теллурической» — мистические. Из соединения этих двух типов культур, но его мнению, образовались высокие культуры. Такое понимание сущности культуры, отождествление ее с биологическим организмом, живущим по законам самостоятельного органического существа, давало Фробениусу повод утверждать, что он открыл природные закономерности развития народов и культур. Следовательно, культуры должны изучаться не историческим, а естественнонаучным методом.

Главой диффузионизма в немецкоязычных странах безусловно признается **Фритц Гребнер** (1877—1934). Он считал, что этнографы-эволюционисты не разработали убедительных критериев для доказательства своей основной идеи детерминации сходных явлений культуры разных народов сходными причинами — «элементарными идеями», или природными условиями. Поэтому главную задачу этнологии Гребнер видел в разработке метода исследования культурно-исторических связей или самостоятельного происхождения культур. Свои взгляды по этим вопросам он изложил в работе «Метод этнологии» (1911).

Опираясь на труды Фробениуса и Ратцеля, Гребнер создал теорию культурных кругов, представляющую собой попытку глобальной реконструкции всей первобытной истории. В пояснениях к теории он утверждал, что ему удалось объединить культурные достижения народов мира на догосударственной стадии развития в шесть культурных кругов (или культур); каждый круг состоит из 19—20 элементов — явлений материальной, духовной и общественной жизни. Например, для «восточнопапуасской» культуры такими элементами являются: земледелие с возделыванием клубневых растений, рыболовство при помощи сети, дощатая лодка, хижина с двускатной крышей, спиральное плетение корзин, тайные мужские союзы и пляски в масках, лунная мифология, людоедский миф, круговой орнамент, сигнальный барабан и т.д.

Сходные явления культуры, в каком бы круге они ни встречались, Гребнер объявляет принадлежащими к одному определенному культурному кругу и, следовательно, происходящими из одного географического центра. О каком бы культурном факте ни шла речь, каждый из них появлялся, по Гребнеру, лишь однажды в истории, в каком-то одном месте, принадлежа с

самого начала какой-то одной культуре и вместе с ней распространяясь по другим культурным кругам.

На основании этих рассуждений Гребнер делает вывод, что никакой повторяемости в истории человечества и его культуры нет, а, следовательно, нет и никаких закономерностей. Повторяемость этнических процессов кажущаяся, на самом деле все явления в культуре строго индивидуальны, т.е. этнология имеет дело не с массовыми, не с типичными, а с единичными явлениями. Из этого вытекает, что этнология должна занять место в системе исторических наук о культуре и отгородиться от естественных наук.

В США диффузионизм не стал сколько-нибудь значимым научным направлением. Он существовал там лишь в качестве одного из аспектов изучения культур. Его становление на Американском континенте было связано с критикой Францем Боасом (§ 2.5) эволюционистской теории. Боас соглашался с Гребнером в том, что абсолютно одинаковых культурных явлений в различных географических регионах быть не может. Любое культурное явление объясняется или причинами внутреннего развития, или отношениями с соседними культурами, ближними и дальними. Поэтому для развития местной культуры важное значение имеет диффузия. Теоретические исследования Боаса и его учеников определили господство в американской культурной антропологии представлений о диффузии как основном факторе, вызывающем сходство культур разных народов.

На рубеже XIX—XX вв. большинство американских этнологов обратились к изучению индейцев Америки. Результатом многочисленных полевых исследований стала концепция «культурных областей», в наиболее полном и систематизированном виде изложенная **Кларком Уисслером** (1870—1947) в книге «Американский индеец» (1912).

Анализируя контакты культур североамериканских индейцев и географическое распределение элементов культур, Уисслер пришел к выводу, что культура представляет собой результат приспособления отдельной группы людей к определенной экологической среде. Обобщив многочисленные эмпирические материалы по распределению орудий хозяйственной деятельности, керамики, типов качества, фольклорных сюжетов и т.п., он выделил в границах местообитаний индейцев Америки 15 культурных областей и сформулировал общий закон культурной диффузии: антропологические черты и культурные явления имеют тенденцию распространяться во всех направлениях от центра своего происхождения. Распространение происходит концентрическим образом, при этом простые формы занимают окраинное положение, а в центре сосредоточены более сложные. Таким образом, культурная область, по Уисслеру, возникает как область проявления культурного центра. Поэтому в зависимости от расстояния от культурного центра одни общества всегда имеют более типичную культуру, чем другие.

Развитие диффузионистских идей в английской этнологии связывают с именем **Уильяма Риверса** (1864—1922). Работая над книгой «История меланезийского общества»(1914), он пришел к выводу, что развитие родственных и общественных отношений у меланезийцев нельзя рассматривать как

простую эволюцию, поскольку образование новых культур в этом регионе происходило путем взаимодействия культур больших групп переселенцев. В Океании, полагал он, прослеживается несколько сменявших друг друга волн заселения, каждая из которых привносила свои элементы культуры. Например, «народ кавы» принес туда тотемизм, культ мертвых, культ Солнца и Луны, индивидуальный брак, лук и стрелы, определенную форму жилищ и пр. Это значит, что новые культуры возникают путем смешения, а не эволюции. При этом, взаимодействие и смешение нескольких культур порой порождают совершенно новое явление, ранее не встречавшееся ни в одной из взаимодействующих культур. Здесь же Риверс выдвинул тезис, что даже малое число пришельцев, обладая более высокой технологией, может ввести свои обычаи в среду местного населения.

Несмотря на стремление избежать односторонности эволюционизма, концепции Риверса часто грешат искусственностью и надуманностью. Так, абсолютно не ясно, что это были за группы переселенцев, откуда, когда, с каким культурным багажом они пришли, как развивалась их культура впоследствии. Следуя примеру других диффузионистов, Риверс совершенно произвольно трактовал эти вопросы.

При всем разнообразии взглядов сторонников диффузионизма можно все же выделить базовые идеи, общие для всего направления.

- Культура — живой организм, рождающийся и развивающийся в определенных географических условиях; каждый элемент культуры возникает в конкретном регионе и оттуда распространяется но всему земному шару.
- Основными факторами развития культуры служат заимствования, переносы, смешение ее элементов; перемещение культур затрагивает не только предметы материального быта, но и, духовные явления: мифы, культы, обычаи и пр.
- У каждой культуры есть свой центр зарождения и распространения; нахождение этих центров составляет главную задачу этнологии.
- Методом исследования культур является изучение культурных кругов, или ареалов элементов культуры.
- Каждый элемент культуры возникает только однажды, и, составив карту его распространения, можно определить первоначальное место зарождения каждого элемента.

Основная идея диффузионизма — взаимопроникновение, заимствование культур — была правомерна и продуктивна. В противовес абстрактному рассмотрению культур эволюционизма, диффузионисты поставили вопрос о географической определенности и взаимо-1 влиянии культур разных народов. Для этого они пытались найти методы сравнения и анализа сходных явлений в различных культурах.

§ 2.3. Социологическая школа

Почти одновременно с диффузионизмом в европейской этнологии формируется социологическая школа, оказавшаяся творчески более плодотворной. Если основоположники эволюционизма видели главный предмет

этнологии в человеке, а диффузионисты — в культуре, то представители социологической школы обратились прежде всего к человеческому обществу. Они исходили из того, что человеческое общество не может быть сведено к простой сумме индивидов. Общество они рассматривали как систему нравственных (моральных) связей между людьми, которые как бы навязывались им и обладали принудительной силой.

Родина социологической школы в этнологии — Франция, а крупнейший ее представитель и основатель — Эмиль Дюркгейм (1858-1917).

В противоположность эволюционистам, Дюркгейм понимал человеческие общества не как последовательные стадии приспособления людей к условиям окружающей среды, а как закрытые статичные системы, исследование которых должно осуществляться с помощью метода изучения социальных фактов. Последние представляют собой внешние, но отношению к индивиду приемы действия, мышления и чувствования, также обладающие принудительной силой и нанизанные ему внешним окружением. При этом он особенно настаивает на том, что изучаться должны сами социальные факты как «вещи», а не наше представление об этих фактах. Иначе, отмечает Дюркгейм, это не наука, а идеология, чреватая всякими предубеждениями и субъективизмом.

Стабильность общества, по его мнению, обеспечивается социальной солидарностью его членов. Все элементы социальной системы находятся в состоянии устойчивого баланса, в противном случае такая система патологична, обречена на неизбежный распад. Классифицируя общества по уровню развития, Дюркгейм вводит понятие «социального типа» или «социального вида». За основу классификации он берет самое простое общество: первобытную «орду», которая уже изжила себя. Развиваясь в более сложную общественную структуру, «орда» становится кланом (т.е. родом). В свою очередь, различные объединения и сочетания кланов образуют племя, курию, фратрию, из которых уже возникают сложные общественные организмы вплоть до империи. Таким образом, по Дюркгейму, всякое общество есть лишь усложнение одного и того же первобытного общества.

Другая важная составная часть этносоциологической теории Дюркгейма — учение о коллективных представлениях. Человеческое сознание, по его мнению, неоднородно, поскольку оно существует в двух разных формах: как индивидуальное и как коллективное. Первое специфично для каждого конкретного человека и всецело определяется особенностями его психики; второе едино для всей группы и не только не зависит от отдельных людей, но, напротив, само обладает принудительной по отношению к ним силой. Коллективное сознание находит выражение в коллективных представлениях — религиозных верованиях, мифах, нормах морали и права. Они укоренены в социальной жизни и вырабатываются всей социальной группой в целом, представляя собой, по существу, различные аспекты ее самовосприятия.

Развивая свое учение о коллективных представлениях, Дюркгейм закономерно приходит к вопросу о сущности религии и ее роли в обществе. Отвергая привычное определение религии как веры в сверхъестественные

существа, он считает, что основной ее признак заключается в резком делении всего мира на две половины — мир священный (сакральный) и мир обыденный (ирофанный). Особенность данного деления состоит в том, что эти две половины рассматриваются как абсолютно гетерогенные, т.е. никаким образом не сводимые одна к другой. Разница между ними не в иерархии, а просто в том, что эти миры обычно разделены непереходимой границей. Переход этой границы возможен лишь в религиозных ритуалах, благе даря которым преодолевается разрыв сакрального и профанного. Религия, по его мнению, сугубо функциональна, так как призвана укреплять социальную солидарность группы. А поскольку всякая религия соответствует породившим ее общественным условиям, то она не может считаться ложным воспроизведением действительности.) Содержанием религии в конечном счете является само общество, его структура.

Идеи Дюркгейма в той или иной степени развивали его ученики и последователи, среди которых следует назвать М. Мосса, К. Леви-Строса, М. Гране, Л. Леви-Брюля.

Особый интерес представляют идеи **Люсьена Леви-Брюля** (1857—1939). Исходным пунктом всех исследований Леви-Брюля является его приверженность учению о коллективных представлениях, под которыми он также понимал те идеи, которые не формируются у человека на основе собственного жизненного опыта, а внедряются в его в сознание через общественную среду — воспитание, общественное мнение, обычаи. Развивая эти идеи, Леви-Брюль заинтересовался вопросом о законах, управляющих этими коллективными представлениями. Отталкиваясь от взглядов Дюркгейма, он разработал свою теорию дологического мышления первобытных народов, которую изложил в книге «Первобытное мышление» (1930).

По Леви-Брюлю, дологическое мышление принципиально отличает человека первобытной эпохи от современного, так как в нем отсутствуют разграничения между причиной и следствием, субъектом и объектом. Дологическое мышление — не нелогическое мышление, оно не стремится, подобно нашему, избегать противоречий. Речь идет именно об особом типе мышления, подчиняющемся своим специфическим законам. Эти законы, управляющие коллективными представлениями отсталых народов, совсем не похожи на наши логические законы мышления. Они не отделены от эмоций и не направлены на объяснение явлений действительности. При совершении религиозных обрядов они действуют на нервную систему резко возбуждающе, заражая человека эмоциями страха, религиозного ужаса, страстного желания, надежды и пр. При этом первобытный человек не ищет объяснения явлениям окружающей действительности, ибо эти явления он воспринимает не в чистом виде, а в сочетании с целым комплексом эмоций, представлений о тайных силах, о магических свойствах предметов.

В связи с этим восприятие мира первобытным человеком ориентировано совсем иначе, чем наше: мы стремимся к объективности познания, а у него преобладает субъективизм. Поэтому первобытные люди смешивают реальные предметы с представлениями о них, не различают сновидения и явь,

человека и его изображение, человека и его имя и т.н. По этой же причине первобытное мышление безотносительно к опыту. Опытное знание не разубеждает первобытного человека в вере в колдовство, в таинственные силы, в фетиши. Его мышление «непроницаемо» для опыта: вместо основных логических законов определяющим становится, по словам Леви-Брюля, «закон сопричастия». Согласно этому закону, предмет может быть самим собой и одновременно чем-то иным, он может находиться здесь и одновременно в другом месте. Такой тип мышления Леви-Брюль и обозначил как дологическое.

По мнению Леви-Брюля, коллективные представления присутствуют и в мышлении современного европейца. Это вызвано естественной потребностью человека в непосредственном общении с окружающим миром, которое не обеспечивается научным познанием. Наука объективирует мир и тем самым отдаляет его от человечества. Поэтому человек стремится к живому общению с природой через религию, мораль, обычаи, где коллективные представления являются основополагающими. Леви-Брюль считает, что дологическое мышление существует и будет существовать наряду с логическим, что «закон сопричастия» и мистическая настроенность — естественное свойство мышления современного человека.

Основные идеи социологической школы заключаются в следующем.

- В каждом обществе существует комплекс «коллективных представлений», которые обеспечивают его устойчивость.
- Функция культуры состоит в том, чтобы солидаризировать общество, сближать людей.
- В каждом обществе существует своя мораль, она динамична и изменчива.
- Переход от одного общества к другому представляет собой трудный процесс и осуществляется не плавно, а рывками.

§ 2.4. Функционализм

Логическим продолжением идей социологической школы в этнологии стал функционализм. Если родиной диффузионистского течения была Германия, а социологического — Франция, то функционализм зародился в Англии, став там в 1920-х гг. господствующим направлением в этнологии.

Тем не менее первая завершенная функционалистская концепция принадлежит немецкому этнологу Рихарду Турнвальду. Однако на его родине функционализм не получил широкого распространения, тогда как в Англии он сложился в крупное научное направление, оказавшее значительное влияние на развитие социальной и культурной антропологии. Его виднейший представитель — **Бронислав Малиновский** (1884-1942).

Отличительной чертой функционального подхода к исследованию этнических процессов является рассмотрение культуры как целостного образования, состоящего из взаимосвязанных элементов, частей. Согласно ему, культура есть единое, гармонически функционирующее целое, каждая часть которого выполняет какую-то функцию, жизненно важную для целого. При этом каждый отдельный элемент не просто играет присущую ему роль (на-

значение), а представляет собой звено, без которого культура не может существовать в качестве целостного образования. Поэтому важнейшим методом функционализма является разложение культуры на составные части и выявление зависимости между ними. Для сторонников функционализма не представляют интереса вопросы исторического изменения культур. Им важно раскрыть механизмы действия и воспроизводства социальных структур и культуры. Для этого необходим анализ многоуровневых взаимоотношений между человеком как психическим организмом и его творением — культурой.

Научная деятельность Малиновского посвящена главным образом изучению культуры как универсального явления, а также созданию понятий, позволяющих системно изучать специфические культуры со всеми их особенностями и открывающих возможность для кросскультурных сравнений. Свои исследования он начал с резкого выступления против спекулятивных построений тех эволюционистов и диффузионистов, которые не имели опыта полевых исследований, ограничиваясь изучением музейных коллекций. Сам он имел такой опыт и на его основе пришел к очень интересным выводам. По его наблюдениям, этнологи чаще всего ограничивались внешним описанием предметов, избегая выдвигать какие-либо психологические гипотезы. Но, считал Малиновский, внешнее наблюдение легко вводит в заблуждение, а без понимания внутренних мотивов поведения культуру познать невозможно. Важно не только описать предмет, но также знать, кто его создал, кто его использует, кому он принадлежит. Он возражал против описательного, фактографического характера этнологической науки, которая лишь фиксирует разрозненные черты культуры.

Его теория, изложенная в книге «Научная теория культуры» (1944), сочетает элементы натурализма, бихевиоризма, психоанализа со структурно-функциональным методом. Все функциональное объяснение рассматриваемых вопросов строится на выделении основных потребностей изучаемой культуры. Общество, по Малиновскому, представляет собой биологический организм особого рода, естественную адаптивную систему, в которой согласуются условия существования самого общества и потребности его членов. Культура есть продукт биологических свойств человека, так как человек представляет собой животное, которое должно удовлетворять свои биологические (первичные) потребности. Удовлетворяя их, человек добывает пищу, топливо, строит жилье, изготавливает одежду и пр. Тем самым он преобразует окружающую среду и создает производное окружение, которое и есть культура. Различия между культурами — это различия в способах удовлетворения элементарных человеческих потребностей. Культура в соответствии с таким методологическим обоснованием есть вещественная и духовная система, с помощью которой человек обеспечивает свое существование и решает стоящие перед ним задачи.

Помимо основных потребностей Малиновский выделяет производные (вторичные) потребности, порожденные уже не природой, а культурной средой. Средства удовлетворения как основных, так и производных потребно-

стей представляют собой некую организацию, которая состоит из единиц, именуемых Малиновским институтами. Институт как первичная организационная единица — это совокупность средств и способов удовлетворения той или иной потребности. Рассматривая культуру как систему устойчивого равновесия, где каждая часть целого выполняет свою функцию, Малиновский в то же время не отрицает происходящих в ней изменений и заимствований каких-то элементов из другой культуры. Однако если в ходе этих изменений уничтожить хоть один элемент культуры (например, запретить вредный обряд), то вся этнокультурная система, а значит, и народ могут погибнуть. Малиновский подчеркивает, что традиция с биологической точки зрения есть форма коллективной адаптации общности к среде своего обитания. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм защитного покрова и обречете его на медленную гибель.

Излагая свое понимание задач антропологии (т.е. этнологии), Малиновский критически оценивал прежние этнологические школы исследования культуры. Особенно резкой критике он подверг метод «пережитков» Тайлора. По его мнению, руководствуясь этим методом, ученые искали всюду «пережитки», в то время как «пережитков» не существует, а есть явления культуры, которые приобрели новую функцию вместо старой. Понятие «пережиток» принесло, по мнению Малиновского, вред этнологической науке, поскольку оно противоречит принципу функциональной взаимосвязи явлений культуры: в культуре не может быть ничего лишнего, случайного, все существующее в ней имеет какую-нибудь функцию — иначе оно было бы выброшено, забыто. Если какой-то обычай устойчиво воспроизводится, значит, он зачем-то нужен. Мы считаем его вредным и бессмысленным только потому, что не знаем, как именно он связан с базовыми потребностями, или оцениваем его вне связи с другими культурными явлениями. Не менее остро критикует Малиновский диффузионистское направление с его идеей заимствования культур. Основная ошибка диффузионистов, по его мнению, состояла в том, что они понимали культуру не как живое органическое целое, а лишь как совокупность мертвых вещей. Основным недостатком учений своих предшественников Малиновский считал изолированное изучение отдельных черт культуры как независимых друг от друга сущностей. Целостность культурной системы не подлежит нарушению, иначе может рухнуть опирающаяся на нее вся пирамида целостности более высокого порядка. Даже, безусловно, вредные, варварские обычаи местных народов нельзя просто так уничтожать. Сначала необходимо выяснить все функции, которые они выполняют, и подобрать им полноценную замену.

В отличие от Малиновского, у которого идея функциональной связи социальных институтов с основными биологическими потребностями человека являлась ведущей, в центре интересов другого крупнейшего представителя функционализма **Альфреда Радклифф-Брауна** (1881—1955) находилась «структура» общества. Его исходная гипотеза состояла в том, что жизнь общества должна рассматриваться как динамическая система взаимозависимых элементов, основанная на взаимной вере. Составляющие ее элементы

функционально совместимы друг с другом.

Ученик Риверса, Радклифф-Браун создал научное направлене, названное английским структурализмом или структурным функционализмом, в котором сочетались функционалистский и структуралистский подходы к анализу общественной жизни, сознания и поведения людей и их культуры. Благодаря его усилиям английская социальная антропология сформировалась как современная научная дисциплина. Свое понимание науки о человеке и человеческой жизни и методах ее исследования он ясно изложил в двух главных трудах — «Метод этнологии и социальной антропологии» (1950) и «Историческая и функциональная интерпретация культуры» (1929).

Согласно его представлениям, основной наукой, изучающей человека, является антропология, которая делится, соответственно, па три направления: человеческую биологию, доисторическую археологию и этнографию. Последняя, в свою очередь, состоит из этнологии и социальной антропологии, каждая из которых имеет свой специфический метод исследования.

Этнологией он предлагает называть конкретно-историческое изучение отдельных народов, их внутреннего развития, культурных связей между ними. Основной метод этнологии — историческая реконструкция человеческой культуры, опирающаяся на прямые свидетельства письменных источников, а также на гипотетические реконструкции, не выходящие за рамки конкретной культуры данного народа.

Социальная антропология, по его мнению, представляет собой совсем другое направление в изучении человеческой культуры. Ее задача—не реконструкция конкретной культуры отдельных народов, а поиск общих законов социального и культурного развития. Эта наука пользуется тем же индуктивным методом, что и естественные науки. Сущность индуктивного метода заключается в генерализации (отборе и обобщении материалов), применимой к изучению культурных явлений.

В целом социальная антропология, по Радклифф-Брауну, состоит из общей и центральной теорий. Общая теория имеет дело с тремя группами проблем. К первой относятся статические или морфологические проблемы: что это за общество, его сходство с другими обществами и отличия от них, как можно их сравнивать и классифицировать. Вторая группа — социальная динамика: как функционируют различные общества, как они сохраняют и поддерживают свое существование. Третья — проблемы развития: как общество меняет свой тип, как образуются новые общества, каковы общие закономерности социальных изменений. Иными словами, социальная антропология социально раскрывает и исследует общие законы развития человечества и его культуры. При этом используется метод, который первоначально Радклифф-Браун назвал генерализующим, а позже — функциональным и сравнительным. В отличие от социальной антропологии, этнология оперирует историческим методом и изучает конкретные факты, касающиеся прошлого и настоящего отдельных народов.

Общетеоретическая концепция Радклифф-Брауна опиралась на утверждение что все виды объективной реальности представляют собой различные классы естественных систем (атом, молекула, организм, общество людей). Любая из них определяется: а) единицами (элементами), ее составляющими, и б) отношениями между ними. Единицы социальной системы — человеческие существа как совокупность поведенческих явлений, а отношения между ними — это отношения социальные. Соответственно, социальная система состоит из: а) социальной структуры; б) общей совокупности социальных обычаев; в) специфических образов мыслей и чувств, связанных социальными обычаями.

В своих ранних работах Радклифф-Браун широко пользуется термином «культура», но после 1931 г. он понимает предмет социальной антропологии уже и заменяет этот термин более емким и строгим — «социальная структура». В результате его исследования стали больше ориентироваться на

проблемы политической организации различных культур, особенности систем родства и их роль в социальных системах, на функциональный анализ структур первобытных форм верований. По этим причинам Радклифф-Брауна нередко противопоставляют Малиновскому, называя его не функционалистом (как Малиновского), а структуралистом.

Исторический анализ концепций известных представителей: функционалистского направления в этнологии показывает, что они отличались особой постановкой проблем, акцентами научных исследований или используемыми методами. Однако все они придерживались основных, исходных постулатов функционализма, которые можно сформулировать следующим образом.

- Человеческое общество, будучи частью объективного мира, развивается как живой организм и в качестве такового существует постольку, поскольку элементы, его составляющие, вынолняют определенные функции, т.е. человеческое общество строится на структуре взаимосвязанных и взаимодополняющих культурных элементов.
- Любая социальная система состоит из «структур» и «действий». «Структуры» представляют собой устойчивые модели, посредством которых индивиды осуществляют отношения между собой и с окружающей средой, а их функция состоит в том, чтобы вносить свой вклад в поддержание социальной солидарности системы.
- Культура служит нуждам индивида, и прежде всего трем основным потребностям: базовым (в пище, жилище, одежде и т.п.), производным (в разделении труда, в защите, в социальном контроле) и интегративным (в психологической безопасности, в социальной гармонии, законах, религии, искусстве и т.п.). Каждый аспект культуры имеет свою функцию в рамках одного из перечисленных выше типов потребностей.
- Ключевая роль в культуре принадлежит обычаям, ритуалам, моральным нормам, которые являются регуляторами поведения людей. Выполняя эту функцию, они становятся культурными механизмами удовлетворения жизненно важных потребностей людей и их совместного существования.
- Задача этнологии состоит в изучении функций культурных явлений, их взаимосвязи и взаимообусловленности в рамках каждой отдельной культуры, вне взаимосвязи ее с другими культурами.

Среди особенностей функционализма отдельного внимания заслуживает практическая направленность исследований. Функционализм первым из всех направлений этнологии заявил о своем прикладном характере. Его сторонники стремились создать социальную антропологию как прикладную науку, обеспечивающую решение актуальных практических задач, прежде всего в английских колониях. В первую очередь — это управление на территориях с доминированием традиционных культур. Не без влияния функционализма в английской политике была разработана концепция «косвенного» управления, опиравшаяся на традиционные институты власти и сложившуюся социальную структуру.

§ 2.5. Американская школа исторической этнологии

Вплоть до 1890-х гг. этнологическая наука в США развивалась в рамках эволюционистского направления. Но в последнее десятилетие XIX в. в американской этнологии зарождается новое направление, основателем которого стал крупный ученый и общественный деятель **Франц Боас** (1858—1942). По имени своего основоположника это направление получило название школы Боаса, хотя официально в истории этнологии оно осталось как американская школа исторической этнологии.

Возникновение нового научного направления было обусловлено кризисным состоянием этнологии, когда часть ученых отвергла господствовавшие парадигмы и предложила совершенно новые подходы к изучению жизни разных народов. Одним из главных инициаторов пересмотра задач этнологии стал Боас. Отвергнув все традиционные школы этнологии (эволюционизм, диффузионизм, функционализм) как недостаточно универсальные и более того — исходившие из ложных посылок, приводивших к ложным выводам, он фактически предложил создать этнологию абсолютно заново. Его идея состояла в том, чтобы начать «с нуля» накапливать этнографические данные, а затем на их основе делать обобщения, постепенно вырабатывая новые методы и новые теории.

Уже в первой своей принципиальной статье «О задачах этнологии» он писал, что конечной целью этой науки является построение единой истории всех народов; не одних только цивилизованных наций, а именно всего человечества и всех периодов его истории от ледниковой эпохи до современности. Для этого необходимо изучить каждый отдельный народ в его своеобразии, его культуру и язык (не подменяя конкретные исследования абстрактными схемами, как это делали традиционные школы этнологии). А уже на основе реконструкции всей истории человечества следует выявить законы, управляющие деятельностью человека. Признавая наличие общих законов развития культуры, Боас призывал к осторожности при их формулировке, поскольку каждая культура имеет свой собственный уникальный путь развития. К тому же явления, внешне сходные, могут иметь совершенно различное происхождение и разные функции. Не всякое сходство свидетельствует об исторических связях или о заимствовании каких-то явлений культуры одним народом у другого. Не всегда приемлемо и объяснение сходства культурных явлений одинаковой человеческой психикой и сходной географической средой. В истории культур, полагал Боас, могут быть различные варианты; к примеру, может осуществляться переход, как к матрилинейной, так и к патрилинейной системе родства. Во всех случаях нужны тщательные исторические исследования.

Отвергая эволюционизм и диффузионизм, Боас отстаивал исторический метод исследования культуры. Культура, в его понимании, это совокупность моделей поведения, которые человек усваивает в процессе взросления и принятия им своей культурной роли. Развитие культуры в основном определяется своеобразным внутренним развитием социальной группы, а отчасти посторонними влияниями, которым она подвергается. Рассматривая каждую

культуру как нечто уникальное и особенное, сторонники американской исторической школы проводили детальнейшие описания культур. Накопленный ими огромный и разнородный материал породил потребность в специальных методах его обработки. Поэтому в этой этнологической школе был создан метод этнографического картографирования, позднее получивший широкое распространение в этнологии.

Научный авторитет Боаса в американской этнологии был необычайно высок. Из его многочисленных учеников и последователей наиболее известны К. Уисслер, А. Гольденвейзер, Р. Лоуи, П. Радин Л. Уайт, но, пожалуй, самым последовательным учеником был **Альфред Кребер** (1876-1960).

Вслед за Боасом главным предметом этнологии («антропологии») он считал человеческую культуру, точнее — культуру человеческих «групп». Свои теоретические взгляды по этому вопросу он весьма обстоятельно изложил в труде «Антропология» (1912). В нем он писал, что хотя принципиально все культуры мира, прежние и современные, составляют один сплошной и неразрывный континуум, тем не менее, сложилась традиция делить их на две категории: культуры народов бесписьменных и письменных. Этнология занимается изучением первых, а историческая наука — вторых.

Кребер понимал культуру как систему элементов, сцепленных особым способом и образующих целостность, определенную модель, образец. Форма культуры зависит от свойственного ей стиля — некоего особого отпечатка на поведении людей, на особенностях материальной культуры, определяемых, в свою очередь, спецификой духовной культуры и ее ценностными ориентациями. Каждой культуре присуща определенная доминантная идея, подчеркивающая ее выдающиеся достижения и уникальность.

Особую роль в теории Кребера играет этос — всеобщее качество культуры, пронизывающее ее, подобно запаху. Этос — это также система идеалов, ценностей, доминирующих в каждой конкретной культуре и контролирующих поведение ее членов. Таким образом, этос есть квинтэссенция идеальной культуры.

Серьезный теоретический интерес к проблемам культуры побудил Кребера выйти за пределы чисто этнологической тематики. Одну из своих фундаментальных работ — «Природа культуры» — он посвятил истории мировой культуры, которую рассматривал в виде культурных моделей в соответствии с основными этапами — от Древнего Востока до современности. Позднее в другом труде, написанном совместно с К. Клакхоном, он окончательно обобщил и систематизировал основные положения своего учения о культурных моделях.

Культурные модели, по Креберу, следует рассматривать как определенные абстракции, которые позволяют исследователям видеть все элементы культуры в единстве: политическое устройство, одежду, пищу, произведения искусства, технологию строительства жилищ и т.п. При таком подходе Кребер, но сути дела, отождествлял модели культуры с понятием «культурные ценности». Модели культуры служат для него как бы скелетом, архетинической основой кристаллизации отдельных культур. Кребера не интересует

происхождение социальных форм и структур. Последние рассматриваются им как данность. Изучая какую-либо чужую культуру, мы остаемся, хотим мы того или нет, в пределах собственных культурных парадигм, занимая позицию этноцентризма. Жизнь культур обусловлена внутренними инновациями и внешними заимствованиями, но ни те, ни другие не предусмотрены заранее и не заложены в программу их развития. Одни инновации ускоряют рост культур, другие замедляют. В связи с этой неоднородностью развития Кребер вводит понятие «кульминация» — такая точка в развитии культуры, в которой комбинация культурных моделей оказывается наиболее удачной, в результате чего достигается расцвет тех или иных сфер культуры. Одна и та же культура может пережить несколько кульминаций. Длительность кульминаций различна — от десятков лет до нескольких столетий.

Если характеризовать суть американской исторической школы и ее вклад в этнологию, то следует выделить следующие основные положения.

- Этнология должна изучать конкретно и всесторонне каждый народ в отдельности, его язык, культуру и антропологический тип.
- Взаимодействие культур разных народов создает культурную общность внутри определенных географических ареалов; в границах этих ареалов следует искать конкретные формы взаимного влияния народов, диффузию отдельных культурных элементов.
- Развитие человечества и его культуры происходит на основе общих законов, которые познаются с большим трудом; в познании общих законов развития не следует обманываться внешним сходством явлений, которые на самом деле могут оказаться глубоко различными но существу и иметь разное происхождение.
- Не следует переносить «наши» критерии моральной оценки на народы иного культурного тина; у каждого народа исторически формируются свои социальные идеалы, свои моральные нормы.

§ 2.6. Этнопсихологическая школа

Вплоть до 1930-х гг. развитие американской этнологии шло исключительно под влиянием школы Ф. Боаса. В ходе регулярных полевых исследований американские этнологи часто использовали различные психологические и психиатрические методики, что позволило накопить большой материал в области психологической антропологии. При этом все острее чувствовалась потребность в общей психоантропологической теории, которая позже получила название этнопсихологической школы.

В обращении этнологов к психологии не было ничего нового. Еще эволюционисты, начиная с Бастиана, постоянно ссылались на психику человека как фактор зарождения и развития религиозных идей и мифологии. Французская социологическая школа в лице Леви-Брюля также обращалась к социальной психологии, пытаясь установить природу коллективных представлений и дологического мышления. Однако принципиальное своеобразие этнопсихологической школы состояло в новом понимании категорий «куль-

тура» и «личность». Для представителей исторической школы культура была основным понятием этнологической науки и главным предметом ее исследований. Сторонники же этнопсихологической школы утверждали, что культура есть не более чем абстракция, в то время как подлинной и первичной реальностью является индивид, личность, а потому с его изучения и следует начинать изучение культуры каждого народа. Этнопсихологическое направление получило наибольшее распространение в США (Р. Бенедикт, М. Мид, А. Карди-нер). Изначально центральной темой исследований стало изучение процесса вхождения в культуру (инкультурация), а также роли детства в формировании взрослой личности.

Первым теорию этнопсихологического характера попытался сформулировать не этнолог, а психиатр **Абрам Кардинер** (1891— 1981). Он предложил свою модель взаимосвязи практики детского воспитания, типа личности, доминирующих в данной культуре, и социальных институтов, присущих этой же культуре. В двух его трудах, «Индивид и его общество» (1939) и «Психологические границы общества» (1943), в обобщенном виде изложены главные идеи, которые легли в основу этнопсихологической школы. Согласно представлениям Кардинера, личность человека начинает формироваться сразу после рождения, с первых дней жизни. Это происходит под действием внешней среды и, прежде всего, через конкретные способы ухода за младенцем, принятые в обществе: способы кормления, ношения, укладывания, позже — обучения ходьбе, речи, чистоплотности и пр. Эти впечатления раннего детства накладывают свой отпечаток на личность человека на всю его жизнь. Формирование психики идет первые 4-5 лет жизни человека, после чего она остается практически неизменной, определяя судьбу, успехи и неудачи человека. Психика людей следующего поколения опять формируется под влиянием тех же первичных опытов, что и у предыдущего поколения, и такой процесс повторяется беспрерывно, передаваясь по наследству.

Так как в среде каждого народа способы ухода за детьми приблизительно одинаковы, но отличаются от других народов, то любой народ обладает своей «средней» психикой, которая проявляется в форме базовой, или основной, личности — центрального понятия этнопсихологии. Какова основная личность данного народа, такова и его культура. С этим связан интерес представителей этнопсихологической школы к исследованию детства, детской психологии, что составляет главную заслугу этнопсихологической школы.

Таким образом, но Кардинеру, основная личность формируется на основе единого для всех членов данного общества опыта, включает в себя такие личностные характеристики, которые делают индивида максимально восприимчивым к данной культуре и позволяют достигнуть в ней наиболее комфортного и безопасного состояния. Иными словами, основная личность представляет собой некий средний психологический тип, преобладающий в каждом данном обществе и составляющий базу этого общества и его культуры. Поэтому вполне закономерно распространить данные психологического изучения личности на общество в целом. Так произошел существенный сдвиг

в направлении исследований американских этнологов: центр тяжести был перенесен с изучения собственно культуры народа на изучение его психологических особенностей, а корни и причины этих особенностей стали искать в различиях индивидуальной психики человека, в свою очередь порождаемых различиями в «раннем опыте» человека.

Основная личность, по Кардинеру, формируется посредством так называемых первичных общественных институций, которые включают в себя способы жизнеобеспечения, семейной организации, воспитания и социализации — формирования человека в качестве члена определенного общества, усвоения им черт характера, знаний, навыков и т.п., принятых в данном обществе. Первичные общественные институции различны для разных культур и относительно единообразны в рамках одной культуры, а потому способствуют выработке схожих черт характера и психологических особенностей у всех членов того или иного общества. Адаптируясь к этим институциям, человеческая психика получает специфическую коррекции), особым образом деформируется ее психологическая структура, ее эгоструктура. Результатом этой деформации и является основная личность данного общества.

Исходя из своей концепции, Кардинер попытался организовать сравнительные исследования общественных институций и типов личности в разных культурах, а также изучение процессов социальных изменений, коррелируя последние с личностными изменениями членов культуры. Эти изменения, в свою очередь, по его предположению, являются следствием изменения первичных общественных институций. Он утверждал, что перемена хотя бы одной из первичных общественных институций вызовет изменение структуры личности, доминирующей в данной культуре. Однако существование непосредственной связи между практикой детского воспитания и структурой личности доказать не удалось, и сама эта связь в конце концов была поставлена под сомнение.

Значительный вклад в этнопсихологические исследования внесли труды **Рут Бенедикт** (1887—1948) «Психологические типы культур Юго-Запада» (1928), «Конфигурации культур в Северной Америке» (1932), «Модели культуры» (1934). Главный постулат ее концепции — каждый народ имеет специфическую «базовую структуру характера», передающуюся из поколения в поколение и определяющую его историю. В соответствии с этим постулатом Бенедикт развивала мысль, что каждая культура отличается уникальной конфигурацией внутрикультурных элементов, объединенных этосом культуры, который определяет не только соотношение элементов, но и их содержание. Религия, семейная жизнь, экономика, политические структуры — все они, вместе взятые, образуют единую неповторимую структуру. Причем в каждой культуре присутствуют только такие варианты этих элементов, которые соответствуют ее этосу. Таким образом, этос культуры проявляется во всевозможных сферах человеческой жизни: в системах распределения собственности, в социальной иерархии, в формировании союзов и кланов внутри общества, в способах экономического обмена и т.п. Элементы, чуждые данному народу, не получают возможности для своего развития. Те аспекты жизни, которые кажутся нам наиболее важными с точки зрения нашей культуры, могут играть незначительную роль в других культурах. А какие-либо черты нашей культуры могут быть переосмыслены в других культурах таким образом, что покажутся нам фантастическими.

Каждая из культурных конфигураций является следствием уникально-

го исторического процесса. Термин «культурная конфигурация» означает у Бенедикт особый способ соединения (сцепления) элементов культуры, создающих единое целое культуры. Каждой культуре присущ свой специфический тип личности. В каждом типе личности есть некая доминантная модель поведения, или определяющая психологическая черта. Основываясь на данных полевых исследований племен Северной Америки и Малайзии, Бенедикт выделила следующие типы культурных конфигураций:

— аполлонийский, отличающийся подчинением индивидов традициям группы (возрастной, половой) и воздержанием от экстремально-эмоциональных проявлений своего характера. В данном типе культуры воплощается идея меры во всем: не приветствуется явное выражение гнева, насилия, ревности; кооперация и терпимость воспитываются с детства, норма поведения устанавливается общественными структурами, а не индивидами. Поэтому эта культура ориентирована на традиции, а не на авторитетные санкции вождя;

— дионисийский, представляющий противоположный тип конфигурации и ориентированный на индивидуализм. Здесь нередки проявления открытых форм насилия, в обществе высок престиж тех, кто показал себя бесстрашным и агрессивным, не останавливающимся перед насильственным достижением целей;

— параноидальный, характеризующийся конфликтами и подозрительностью. В этом типе культуры аккумулируется враждебность в отношениях между мужем и женой, соседями и деревнями; распространено убеждение, что удача, успех одного означают неудачу другого; широко практикуется вредоносная магия.

Довольно скоро практические исследования показали несостоятельность основных положений этнопсихологической школы и поэтому в 1940—1950-х гг. ее установки несколько изменились. Доминирующей темой исследований стало изучение национального характера, предусматривающее анализ сообщества людей, объединенных общими социальными традициями и являющихся субъектами «-нации».

Наиболее видным представителем данного направления стала еще одна ученица Ф. Боаса **Маргарет Мид** (1901—1978). Ей принадлежит разработка метода исследования национального характера (национальной культуры) на основе изучения современных документов таким образом, словно изучается культура прошедших веков. По сути дела, это продолжение методического подхода Бенедикт, рассматривавшей каждую культуру как конфигурацию элементов, определяемую этосом культуры. Мид выделяет три основных аспекта исследования национального характера: 1) сравнительное описание некоторых культурных конфигураций, характерных для той или иной культуры; 2) сравнительный анализ ухода за младенцами и детского воспитания; 3) изучение присущих тем или иным культурам моделей межличностных отношений, таких, например, как отношения между родителями и детьми или отношения между ровесниками. Таким образом, в рамках данной парадигмы национальный характер определялся как особый способ распределения и ре-

гулирования внутри культуры ценностей или моделей поведения, детерминированных принятыми в ней способами детского воспитания.

В соответствии с особенностями детства, Мид различает три типа культур: постфигуративный, конфигуративный, префигуративный.

Постфигуративная культура (где дети учатся у своих предшественников) распространена в примитивных и традиционных обществах, в небольших религиозных и прочих анклавах. Любое изменение в ней протекает медленно и незаметно. Прошлое взрослых — это схема будущей жизни для их детей. Без письменных форм фиксации прошлого люди постфигуративных культур были вынуждены включать всякое изменение культуры в свое сознание и хранить его в памяти вместе с различными формами действий. Определяющую роль в таких культурах играло старшее поколение. Оно служило образцом жизни, символом культуры. Данный тип культуры основан на реальном присутствии в обществе представителей трех поколений и предполагает передачу из поколения в поколение определенных культурных форм.

В условиях доминирования постфигуративной культуры любые изменения проявляются в виде не согласующихся с установленным порядком действий или представлений людей — инакомыслящих, иноверцев, инородцев, девиантов и т.д. Главным компонентом такой культуры служит традиция, освящающая и закрепляющая авторитет старших, а также их право вершить судьбы своих детей и внуков. Повседневная реальность воспринимается как постоянное воспроизводство опыта старших и обращение к ценностям прошлого, а; новое — как переоценка и переосмысление такого опыта и выращивание новых ценностей.

Конфигуративной называется культура, в которой преобладающей моделью поведения для людей служит поведение их современников. Идеалом для подражания становится уже не прошлое, а настоящее. Конфигурация предполагает непосредственную передачу знаний, навыков от представителей активно действующего поколения. В самом простейшем виде — это общество, в котором отсутствует третье поколение (старики). Они не проживают вместе с внуками, и поэтому нет преемственности поколений. Здесь присутствует установка, что дети, повзрослев, самостоятельно, без влияния родителей, выработают свой стиль жизни. Конфигуративная культура предполагает изменения в образе жизни, не исключает изменения места жительства, в том числе в новом культурном окружении.

В условиях господства конфигуративной культуры возникновение новых элементов вызывает дискуссии, формально-правовые споры, парламентские и иные дебаты, допускающие и поощряющих разные взгляды и точки зрения. Определяющим компонентом данной культуры выступает рациональность, ориентирующая людей на достижение установленных целей и норм и закрепляющая формальное равенство всех участников взаимодействия. Нормой повседневного общения выступает здесь партикуляризм, закрытость и ограниченность круга участников, а в качестве необычного и событийного рассматривается открытость и универсализм.

Префигуративная культура, по мнению Мид, родилась в середине

XX в. Она отличается неопределенностью будущего развития общества, способы передачи знаний и навыков таковы, что дети могут передавать их родителям. Для нее характерны нерациональные, спонтанные формы взаимодействия. Результаты детского творчества (их фантазии, догадки, наблюдения и т.д.) становятся условиями дальнейшего поиска оптимальных решений в разных сферах взрослой жизни. Ребенок воспринимается как полноправный участник и партнер по общению. Любое изменение в префигуративной культуре выражено в форме построения и проигрывания сценариев жизни. В ее рамках повседневность характеризуется в терминах «дилетантизм» и «импровизация», а необычное — в терминах «профессионализм» и «точный рациональный расчет», предполагающий экспериментальную проверку исходных данных.

Таким образом, в разных типах культуры то или иное новшество получает соответствующее символическое содержание. По мере продвижения к префигуративной культуре общение между людьми как носителями разных культурных стилей теряет жесткий и формальный характер, уступая место все более гибким «горизонтальным» связям.

Мид не только создала учение о трех типах культур, она участвовала и во многих исследованиях различных феноменов культуры. Например, показав условность наших представлений о мужских и женских чертах характера, материнских и отцовских ролях в воспитании детей, ей удалось доказать уникальность различных культур.

Этнопсихологическая школа много внимания уделяет изучению двух явлений в культуре современной эпохи. Прежде всего, это феномен национального экстремизма, искаженной формы этнической идентичности. Обостренное чувство ценности своей культуры и этнической истории становится гипертрофированным и оборачивается в ненависть к другим народам и культурам. Нередко это происходит в результате сознательных компаний по созданию образа врага — источника бед и несчастий данной общности. Национальному экстремизму соответствует гиперэтнический тип личности. Общество, состоящее из таких личностей, не в состоянии воспроизводить свою культуру и поэтому деградирует.

Другое явление связано с фундаментализмом, когда идеал будущего формируется на основе идеализированного представления о прошлом и модели поведения последнего внедряются в жизнь. Это означает возвращение к «добрым старым» временам, возрождение культурных стереотипов прошлого. Сегодня оно наиболее ярко проявляется в исламских странах.

Таким образом, заслуга этнопсихологической школы в развитии этнологии состояла в следующем.

- Была высказана и обоснована идея о существовании определенных психологических особенностей, характерных для членов той или иной культуры.
- Впервые было показано действие психологических защитных механизмов применительно не к индивиду, а к обществу.
- Были начаты исследования национального характера и нацио!

нальных культур с психологической точки зрения, в ходе которых удалось доказать, что национальный характер отражает психологические особенности представителей той или иной нации.

- Была выдвинута важная для последующего развития этнологии! идея о возможности описания национального характера как особого способа распределения и регулирования внутри культуры ценностей или поведенческих моделей.

§ 2.7. Структурализм

Зарождение структурализма произошло в рамках функционализма, и поэтому первая его форма получила название «структурного функционализма». Как уже было отмечено, основоположником нового направления в этнологии стал английский ученый А. Радклифф-Браун (§ 2.4.). Его идеи быстро стали популярны в английской социальной антропологии и нашли многочисленных последователей, среди которых наибольшую известность получил **Эдуард Эванс-Причард** (1902—1972). Будучи видным исследователем африканских культур, он строил их изучение на основе структуралистского подхода, в соответствии с которым описание конкретных фактов подчинялось определенной социологической теории. С помощью этого подхода можно понять структурное устройство общества и существующие в нем межличностные отношения, и в итоге более ясно представить систему общества в целом.

Выдвигая такую цель, Эванс-Причард исходил из убеждения, что элементы системы влияют друг на друга, социальные и культурные системы составляют единое целое, поскольку создаются человеком. Эти системы отвечают его потребностям в упорядоченных отношениях с окружающим миром. Структуралистский метод предполагает определение существенных черт структурных форм однородных объектов и причин их изменений путем сравнения. Для этого сначала нужно извлечь «социальный факт из культурной формы». Каждый такой факт обладает первичными и вторичными качествами. Первичные качества — структура — это то, что действительно существует и играет роль причины. Вторичные качества — культура — порождаются, с одной стороны, путем воздействия окружающего мира на органы чувств человека, а с другой — выбором символических знаков в данном обществе. Во взаимоотношении этих качеств первые составляют основу вторых, т.е. культура имеет также свою структуру, и это позволяет понять и объяснить связь всех культурных явлений.

Развивая свои структуралистские идеи, Эванс-Причард приходит к выводу, что любые отношения людей представляют собой своеобразную структуру, а взятые все вместе, эти структуры образуют определенную иерархию в форме социальной системы. По его мнению, современная социальная антропология (т.е. этнология) не может оперировать только такими понятиями, как племя, клан, род, семья и т.п. — они не являются основополагающими для деятельности социальной системы. Для этнологии наиболее важны понятия, обозначающие социальные ситуации, различные виды отношений и

отношения между этими отношениями. Только таким путем можно сформулировать общие законы социального развития.

Иным путем шло развитие идей структурализма во Франции. Французский структурализм в этнологической науке представлен именем выдающегося ученого **Клода Леви-Строса** (р. 1908). Его научные взгляды формировались под влиянием учения Э. Дюркгейма об обществе и теории структурной лингвистики Ф. де Соссюра. Леви-Строс получил известность в науке как исследователь культуры и быта индейцев Бразилии, а также систем родства примитивных народов. Позже главным предметом его интересов стало сравнительное изучение мифологии отсталых этнических групп, а также тотемических и других верований. Этим вопросам посвящены его сочинения: «Структурная антропология» (1958—1973), «Тотемизм сегодня» (1962), «Печальные тропики» (1975) и др.

В основе теории Леви-Строса лежит положение о возможности создания системы символов, отражающих структуру той или иной сферы культуры, путем применения методов структурной лингвистики. Концепция структурализма исходит, прежде всего, из представления о некой вечной, в неисторической структуре, не имеющей причинно-следственных связей, структуре, которая является плодом непознанного, существующего вечно человеческого сознания.

В контексте этой исходной идеи Леви-Строс стремился показать, что все многообразные явления нашего мира есть модификации, раскрытие некой исходной единой модели и потому все они могут быть строгим образом систематизированы и классифицированы. Между ними можно установить связи и соответствия, показывающие их положение по отношению и друг к другу, и к исходной модели. Для этого необходимо составить максимально полный перечень отдельных частных фактов, затем установить взаимосвязи между ними, выявить их взаимоотношения и сгруппировать в единое целое.

Через все сочинения Леви-Строса проходит центральная идея: человеческий разум един на всех стадиях исторического развития. Для него вся человеческая деятельность и все формы сознания людей подчинены строгой логике. При этом в человеческом сознании преобладает именно разумное, а не эмоциональное и не подсознательное начало. Поэтому Леви-Строс рассматривал каждую сторону быта и культуры как замкнутую систему, стараясь в каждой из них обнаружить свои логические закономерности, и чаще всего находил их в бинарных оппозициях — парных противоположностях, главной из которых являлась оппозиция «природа — культура». Основной целью развиваемого им структурного анализа было обнаружение логических закономерностей, лежащих в основе всех социальных и культурных явлений. При этом он опирался на тезис Ф. де Соссюра о том, что феномены не обладают каким-либо значением и только их комбинация (слово) имеет смысл[1].

---

[1] Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857—1913) и его последователи совершили переворот в сравнительном языкознании, когда, отказавшись от господствовавшего диахронного подхода к языкам, стали описывать их как синхронные знаковые системы, которые обнаруживают в своем строении определенное структурное сходство. Такой подход был обусловлен прежде всего разницей между речью и языком. Язык де Соссюр определил как согласованную систему знаков, каждый из которых представляет собой сочетание двух компонентов: сигнификанта, или «означающего», и сигнификата, или «означаемого». Минимальной звуковой

Леви-Строс стал искать значение каких-то явлений культуры не в эмпирически устанавливаемых факторах, а в их отношениях. Так, он рассматривал системы родственных и брачных связей как особый язык, а именно как систему действий, предназначенную для обеспечения определенного типа коммуникации между индивидами и группами. Однако, применение этого метода в этнологии свелось к доказательству, что в основе всех социальных и культурных достижений лежат сходные структурные принципы. При этом понятие «структура» у Леви-Строса носит абстрактный характер, и оно скорее соответствует не самой эмпирической действительности, а моделям этой действительности. Социальные отношения являются для Леви-Строса своего рода строительным материалом для создания моделей, с помощью которых познается социальная структура. В соответствии с этим сущность структурного анализа состоит в том, чтобы в едином акте разложения исследуемого этнографического материала на компоненты получить какие-то минимальные инвариантные единицы, позволяющие конструировать модели разных сторон социальной и культурной жизни.

Опробовав метод структурного анализа при изучении родства, Леви-Строс затем применил его в исследованиях тотемизма для объяснения процесса мышления. В своем четырехтомном труде «Мифо-логики» (1964—1971) он использовал структурный анализ для сравнительного исследования мифов, которые он рассматривал как фундаментальное содержание коллективного сознания, основу устойчивых социальных структур. Это позволило расшифровать коды, лежащие в основе различных форм мышления. Люди всегда думали одинаково, различными были лишь объекты мышления, писал Леви-Строс. Структурализм, как и функционализм, ищет причины подобия человеческих культур в определенных антропологических константах. Но если в функционализме единообразие культур объяснялось единообразием основных человеческих потребностей, то в структурализме оно выводилось из единообразия человеческого духа.

Попытка Леви-Строса свести этнологию к структурной антропологии получила широкий резонанс в смежных науках и сделала это научное направление ведущим интеллектуальным течением во Франции 1960-х гг. В английской социальной антропологии его идеи развивала Мэри Дуглас (р. 1921), но широкого распространения они не получили в культурной антропологии США представители школы когнитивной антропологии, разрабатывая сходный со структурализмом методологический подход, ограничились исследованием совокупности географических названий какой-либо определенной территории. Поэтому влияние структурализма оказалось очень ограниченным, а его теория об универсальности человеческого мышления вызвала лишь множество споров.

единицей в лингвистике является фонема. Замена одной фонемы на другую не обязательно меняет значение слова. Однако в каждом языке есть фонемы, которые образуют оппозиционные пары. Поэтому изменение в пределах одной звуковой последовательности приводит к изменению значения слова (например, «дом» и «том»).

§ 2.8. Культурный релятивизм

В мировой этнологии рубеж 1940—1950-х гг. был ознаменован рождением новых научных школ, среди которых видное место занял культурный релятивизм. Эта школа возникла как отрицательная реакция на европейский этноцентризм, видевший в неевропейских народах прежде всего черты варварства и дикости. Главная идея культурного релятивизма заключается в признании равноправия различных культур, созданных и создаваемых разными народами (независимо от уровня их развития, сложности и самобытности), и абсолютном отрицании этноцентризма в любой его форме, в том числе и господствующего до сих пор европо- и американоцентризма. Сторонники культурного релятивизма провозглашают идею несравнимости культурных типов разных народов, невозможности их измерения единым масштабом, поскольку каждая культура представляет собой уникальную систему ценностей. Любая культура по-своему сложна и самобытна, так как является особым способом приспособ-< ления к данным условиям, вполне адекватным любому другому. Каждая культура должна рассматриваться в своих собственных рамках — как закрытая система специфических форм существования.

Исходные идеи релятивизма были сформулированы еще Боасом, который первым высказал мысль о самоценности отдельных культур. Одним из основоположников школы культурного релятивизма стал ученик Ф. Боаса и А. Гольденвейзера (1880—1940), видный американский антрополог **Мелвилл Херсковиц** (1895—1963). В обобщенной форме он изложил свои взгляды в работах «Аккультурация» (1938), «Человек и его творения» (1948), «Культурная антропология» (1940). Отделив свои идеи от всех предшествующих теорий культуры, он решительно высказался против трех главных детерминант культуры: расистских теорий, сводящих все культурное многообразие к телесной организации индивида; географического детерминизма, объясняющего своеобразие культур особенностями природной среды обитания; экономического детерминизма, согласно которому определяющим фактором культуры является способ производства материальных благ.

Этим теориям Херсковиц противопоставил отказ от этноцентризма и европоцентризма в описании и объяснении культур разных народов. Общий культурно-исторический процесс представлялся ему в виде суммы разнонаправленно развивающихся культур. Культуру он понимал в самом общем плане как созданную человеком среду обитания, неповторимую уникальную модель, определяемую постоянной традицией, которая проявляется в присущих каждому народу специфических системах ценностей, часто несопоставимых с системами других народов. В культуре каждого народа, считал Херсковиц, всегда есть некий «культурный фокус» — самая существенная черта этой культуры.

Историю человечества Херсковиц понимал как сумму самостоятельно развивающихся культур и цивилизаций. При этом источник динамики культур он видел в их единстве и изменчивости. Он особенно подчеркивал, что любая культура должна быть одновременно и стабильной и изменчивой. Но

всякое ее изменение возможно лишь при сохранении некоторых консервативных структур, которые являются субъектом культурного развития. Отсутствие изменений вообще означает смерть культуры. С другой стороны, разрушение устойчивых структур в культуре в угоду ее быстрым изменениям означает ее деградацию, утрату самобытности.

Следуя американской антропологической традиции, Херсковиц отделяет понятие «культура» от понятия «общество». По его представлению, культура — это способ жизни людей, в то время как общество есть организованный взаимодействующий агрегат индивидов, ведущих определенный образ жизни. В более простых терминах — общество состоит из людей, а способ поведения, ими избираемый, есть их культура.

Одно из главных понятий культурно-антропологической концепции Херсковица — «инкультурация», под которой он понимал вхождение индивида в конкретную форму культуры. Основное содержание инкультурации состоит в усвоении особенностей мышления и действий, моделей поведения, составляющих культуру. Инкультура-цию необходимо отличать от социализации как освоения в детском возрасте общечеловеческого способа жизнедеятельности. Оба этих процесса сосуществуют, развиваются одновременно и реализуются в конкретно-исторической форме.

Понятие «инкультурация» составляет у Херсковица ядро принципа культурного релятивизма, сущность которого заключается в том, что суждения человека основаны на опыте, а опыт интерпретируется каждым индивидом в терминах собственной инкультурации. Относительность представлений, обусловленная различными культурами, касается также и фактов физического мира: времени, расстояния, веса, размера и др., которые тоже рассматриваются через призму данной инкультурации. Херсковиц утверждает, что окончательное определение того, что нормально и что ненормально, зависит от организации отношений в культуре. Некоторые стереотипы поведения, формы брака, обычаи, не вписывающиеся в евроамериканские культурные стандарты, тем не менее совершенно нормальны для других культур (полигамия, полиандрия, инициации и т.д.). Раскрывая сущность культурного релятивизма, Херсковиц выде ляет три его аспекта: методологический, философский и практиче ский. Методологический аспект означает способ познания культ на основе ценностей, принятых у данного народа, т.е. описание жизнедеятельности индивидов необходимо производить в терминах ихI собственной культуры. Философский аспект состоит в признании множественности путей культурного развития, в плюрализме взглядов при оценке культурно-исторического процесса. Он отрицает; обязательную эволюционную смену стадий культурного роста и доминирование одной тенденции развития. И, наконец, практический аспект предполагает вовлечение в индустриальную цивилизацию архаических культур при сохранении их культурной самобытности. При этом некоторые культуры желательно оставлять в неприкосновенности. Время подтвердило плодотворность этих идей Херсковица, поскольку искусственное создание «культурных» условий существования отсталых народов нередко приводило к массовой деградации населения, алко-

голизму, воровству и пр.

§ 2.9. Неоэволюционизм

В конце 1940-х гг. в этнологии возродился интерес к идеям эволюционизма. Однако ученые стремились преодолеть его упрощенную прямолинейность, да и сам термин «эволюция» они интерпретировали по-разному: означает ли он непременно прогресс или необратимое изменение; переход от низшего к высшему либо от простого к сложному или возрастание адаптации; однолинейна или многолинейна эволюция; можно ли вообще прилагать дарвиновское учение об эволюции видов к человеческой культуре? В зависимости от понимания этого термина и создавались те или иные теоретические выводы и положения.

Большинство приверженцев идей обновленного эволюционизма не признают универсальной исторической закономерности, поэтому понятие эволюции они трактуют как поступательное развитие вообще, происходящее по неопределенным причинам. Вместо учения об однолинейном развитии культуры неоэволюционисты разработали несколько теорий эволюции: теорию общего и частного развития, теорию микро- и макропроцессов, закон культурной доминанты, закон потенциала развития и др. В своих исследованиях они представляют историю человеческого общества как сумму многолинейно развивающихся замкнутых систем и эта многолинейность объясняется как результат приспособления человека к различным экологическим средам.

Идеи неоэволюционизма приобрели особое влияние в США и наиболее полно были разработаны в трудах видного американского культуролога и этнолога **Лесли Элвина Уайта** (1900—1975). Основные идеи и общая концепция культуры Уайта изложены в трех фундаментальных работах: «Наука о культуре» (1949), «Эволюция культуры» (1959) и «Понятие культурных систем: ключ к пониманию племен и наций» (1975).

Не соглашаясь с точкой зрения, согласно которой есть только два способа исследования социокультурных явлений и процессов: исторический и функциональный (первый представляет собой анализ явлений, имеющих большое общественное значение, а второй — изучение общих свойств процессов и явлений культуры вне зависимости от их хронологической последовательности), Уайт предложил различать три вида процессов в культуре и соответственно три способа их интерпретации: временные процессы — хронологическая последовательность уникальных событий, изучаемых историей; структурные и функциональные аспекты развития культуры, исследуемые в рамках функционального анализа; и, наконец, формально-временные процессы, в которых явления культуры предстают как временная последовательность форм, изучаемая эволюционным методом.

Эволюция, по Уайту, — это единый процесс развития трех основных форм действительности, при котором одна форма вырастает из другой в хронологической последовательности. Каждая форма, в свою очередь, образуется из сочетания различных элементов культуры. А культура представляет собой независимую систему, функция и цель которой делать жизнь безопасной

и пригодной для человечества. Она имеет свою собственную жизнь, управляется собственными принципами и законами. На протяжении веков она окружает индивидов с рождения и превращает в людей, формируя их убеждения, модели поведения, чувства и отношения.

Мерой и источником любого процесса развития Уайт считает энергию. Все живые организмы преобразуют свободную энергию космоса в другие виды, которые поддерживают жизненные процессы организмов. Как растения вбирают в себя энергию солнца для роста, воспроизводства и жизнедеятельности, так и люди должны потреблять энергию, чтобы жить. Это в полной мере относится и к культуре. Любое культурное поведение требует расхода энергия при этом определяющим фактором и критерием развитости культуры является ее энергонасыщенность. Культуры отличаются количеством используемой энергии, и культурный прогресс можно измерить количеством энергии, ежегодно используемой на душу населения. Самые примитивные культуры зависят только от энергии физических усилий человеческого организма, а более развитые используют энергию ветра, пара, атома. Таким образом, эволюцию культур Уайт связывал с ростом количества используемой энергии и видел смысл всей культурной эволюции в улучшении адаптации человека к миру.

Значительное место в концепции Уайта занимает теория символов. Он определяет культуру как экстрасоматическую (внетелесную); традицию, ведущая роль в которой принадлежит символам. Символическое поведение он считает одним из самых главных признаков культуры, поскольку способность использовать символы является важнейшей особенностью человека. Символ Уайт рассматривал как идею, сформулированную словами, которая делает возможным распространение и продолжение человеческого опыта, а его роль в человеческой культуре он видел в том, что символ превратил человека из простого животного в «человеческое животное».

Другое направление развития неоэволюционизма связано с теорией многолинейной эволюции **Джулиана Стюарда** (1902—1972), сформулированной в его книге «Теория культурных изменений» (1955). Стюард рассматривает каждую культуру как особую систему, эволюция которой определяется потребностью адаптации к специфическим для каждой культуры природным условиям. Эволюция природы может происходить различными путями, но общества, находящиеся в близких природных условиях и примерно на одинаковом уровне технологического развития, эволюционируют сходным образом. Этот феномен «параллельной эволюции» объясняет совпадение процессов развития обществ, расположенных далеко друг от друга и не контактирующих между собой. По убеждению Стюарда, схожесть различных обществ нельзя объяснить посредством концепции культурной диффузии, судить о происхождении тех или иных культурных форм можно, лишь проанализировав взаимосвязи между природным окружением, уровнем технологического развития общества и его функционированием. Таким образом Стюард обосновывает свою концепцию множественности эволюции, а на ее основе — теорию культурных изменений.

По мнению Стюарда, есть три пути исследования законов развития культуры: теория однолинейной эволюции, исходящая из идеи единства развития культуры всех народов и признающая лишь различия в стадиях этого развития; теория культурного релятивизма, делающая акцент на качественных различиях между культурами разных народов; и теория многолинейной эволюции, согласно которой развитие отдельных культур может идти совершенно различными путями, так как зависит от форм их приспособления к условиям окружающей среды.

Будучи основоположником и сторонником последней точки зрения, Стюард был убежден, что различные виды окружающей среды требуют различных форм адаптации. Поэтому и развитие культур идет в разных направлениях. Отсюда следует вывод о необходимости рассматривать много как видов культурной эволюции, так и ее факторов. Для понимания процессов культурных изменений Стюард вводит понятие «культурная экология», под которым понимает процесс адаптации и взаимоотношения культуры с окружающей средой. Это понятие он противопоставляет «человеческой» экологии и «социальной» экологии, выражающим, по его мнению, просто биологическое приспособление человека к среде.

Главная цель концепции культурной экологии Стюарда заключается в выяснении того, влечет ли за собой адаптация внутренние социальные отношения эволюционного характера. Культурная адаптация, по его мнению, процесс непрерывный, поскольку ни одна культура не смогла совершенно приспособиться к окружающей среде. При этом, подчеркивает Стюард, основные черты культуры зависят от природной среды, но эта зависимость детерминирована культурными факторами. Важную роль в теории Стюарда играет понятие «культурный тип», определяемое им как совокупность черт, образующих ядро культуры.

Хотя Стюард считал экологию важным фактором, он был уверен, что не все черты культуры можно объяснить с точки зрения экологической адаптации. На основе целого ряда примеров он показывает, что зависимость от природной среды не такая уж прямая. Реальная историческая практика убеждает: чем проще культура, тем сильнее прямое влияние географической среды и наоборот.

Развивая свою эволюционную теорию, Стюард приходит к концепции уровней социокультурной интеграции. Он был уверен, что различия между простыми и сложными обществами имеют не только количественный характер. Системы более высокого уровня состоят не просто из более многочисленных и разнообразных частей, и они качественно отличаются от простых систем, так как различные степени сложности влекут за собой существенно различные формы интеграции и адаптации.

Детально исследуя роль окружающей среды в эволюции культуры, Стюард отмечает, что она имеет двойственный характер: может выступать и как творческая сила, и как ограничивающий фактор. Последнее имеет важное значение, поскольку каждая система изменяется лишь в определенных пределах, иначе люди не выживут. Эти пределы могут быть узкими или широ-

кими и, в свою очередь, допускать меньший или больший диапазон зависимых от них культурных действий. При этом общество с развитой технологией меньше зависит от ограничений окружающей среды и, следовательно, отличается более широким культурным диапазоном.

В 1950—1960-е гг. неоэволюционизм превращается в ведущее теоретическое направление американской этнологии. Это было вызвано тем, что предложенные им концепции развития культуры оказались более сложными и разнообразными, чем модели классического эволюционизма. В отличие от других теорий неоэволюционизм использует факты из современных культур, делая на их основе заключения о более ранних процессах развития культуры.

Самый значительный современный представитель неоэволюционизма — **Марвин Харрис** (р. 1929) считает себя продолжателем идей Уайта и Стюарда. Согласно его точке зрения, изложенной в труде «Культурный материализм» (1979), сходство и различие культур в конечном счете объясняются тем, что потребности человека удовлетворяются с помощью технологий, которые соответствуют данным условиям окружающей среды в данный момент времени. Каждая технология соотносится со спецификой окружающей среды и предполагает оптимальную эксплуатацию имеющихся ресурсов при возможно малом применении труда и энергии. Подобным образом возникают равновесные системы, остающиеся устойчивыми до тех пор, пока не изменятся их отдельные показатели.

На примере различных культур Харрис пытается доказать, что за многими обычаями, которые мы считаем абсурдными и иррациональными, стоит экономический расчет. Например, в древнеиндийских ведах говорится о жертвоприношениях крупного рогатого скота, в то время как сегодня у индусов действует строгое табу на умерщвление коров. Согласно Харрису, почитание коров в современной Индии является результатом долгого исторического процесса, отмеченного взаимовлиянием экономических, экологических, демографических и технических факторов. При этом культура и окружающая среда испытывают взаимное влияние.

§ 2.10. Новейшие концепции в этнологии

В последние четыре десятилетия все наиболее значительные теоретические новации в этнологии формировались в США. В европейских странах с потерей колоний интерес к этнологической науке значительно уменьшился, что привело к сокращению средств, выделяемых на этнологические исследования, и к закрытию целого ряда исследовательских институтов. Однако это не означает, что европейская этнология вообще не создала никаких новых теорий. В Великобритании, например, **Макс Глюкман** (1917—1975) стал родоначальником манчестерской школы неофункционализма, а **Родней Нидхем** (р.1923) разработал новую концепцию социального структурализма. Французская этнология в послевоенное время находилась под определяющим влиянием идей Леви-Строса, но все же **Морису Годелье, Клоду Мелиссо** и другим этнологам их поколения удалось развить собственные идеи, привнеся

в этнологию некоторые положения исторического материализма.

В 1980-х гг. в США отмечается короткий расцвет *школы социальной биологии*, довольно быстро уступившей ведущие позиции *культурной экологии*, которая до сих пор остается последней «большой теорией» американской культурной антропологии. Вместе с функционализмом, структурализмом и неоэволюционизмом ее причисляют к тем теориям, которые определяют развитие американской культурной антропологии в современных условиях.

Из плеяды американских этнологов последних двух десятилетий следует выделить **Клиффорда Гирца** (р. 1926) и **Рихарда Тернера** (1920—1983) — основателей герменевтического направления, исследующего роль символов в социальной коммуникации, их мировоззренческую, ценностную и нравственную значимость в современных культурах. При этом для Тернера наиболее важен прагматический аспект символов, в соответствии с которым они функционируют в социальном процессе как активная сила. Гирц же сконцентрировал свое внимание на роли символов в социальной жизни и их влиянии на восприятие, чувства и мышление человека. Свои идеи он развивает в русле общей *интерпретативной антропологии*, которая рассматривает отдельные культуры как закрытые системы зыачений и пытается читать, анализировать и истолковывать их как тексты. В одной из своих работ, ставшей своего рода манифестом интерпретативной антропологии, Гирц выдвинул требование к этнологам не ограничиваться только описанием эмпирических данных, а стремиться вскрывать «глубинные значения», лежащие в основе поступков и мыслей носителей данной культуры.

Начиная с 1970-х гг. в гуманитарных науках происходит смена парадигмы познания человека, общества и культуры. Те общие концепции социокультурной жизни, которые были популярными и казались исчерпывающими в первые полтора десятилетия после Второй мировой войны, сейчас представляются лишь частными случаями более широкого познавательного контекста. Современный процесс взаимодействия и сближения все больше превращает отдельные культуры в единую глобальную культурную систему. В связи с этим лучшие перспективы для развития получает то направление в этнологии, которое не просто воспринимает другие культуры как объект исследования, а признает их равноправными участниками культурно-исторического процесса, придает приоритетное значение пониманию чужих форм жизни, систем ценностей и образа мыслей и отводит второстепенное значение объяснению социальных и культурных взаимосвязей. В современных дискуссиях о путях развития этнологии в наступившем столетии большинство западных этнологов отдают приоритет герменевтической антропологии. Этот прогноз обосновывается полным отказом представителей данного направления от принципа европоцентризма. В любом случае можно с уверенностью утверждать, что сциентизм в современной этнологии утратил свои позиции. На месте единой «сциентистской» теории культуры в этнологии сложился плюрализм различных теоретических направлений.

Одной из характерных черт современного научного мировоззрения

является сомнение в возможности построения общей универсальной антропологической теории, позволяющей объяснить все многообразие человеческих проявлений. Кроме того, стало совершенно очевидным, что все теоретические этнокультурные построения далеко не изоморфны (однозначно соответствующи) описываемой ими реальности, они являются только ее моделями и инструментами познания. Поэтому сейчас в этнологии не ставится задача описать существование и движение всего человечества в глобальном масштабе и исчерпывающим образом понять путь его становления от момента зарождения до настоящего времени. Очевидно, что при изучении и локальных, и глобальных процессов происходит отбор, в соответствии с которым исследуются лишь наиболее значимые с точки зрения репрезентативности для этноса и его культуры. Поэтому современная познавательная ситуация характеризуется проблемной ориентированностью. Речь идет о том, что научные исследования концентрируются вокруг социально значимых проблем, и для их решения используются наборы уже существующих теорий или, в случае необходимости, разрабатываются новые концептуальные модели.

Такая идеология социокультурных исследований получила в науке название постмодерна. В нем приоритет отдается непосредственному восприятию перед рациональным конструированием, переименованию перед законченной логической схемой. Многообразие ощущений и переживаний образует одну из основных черт постмодерна — его плюрализм. Плюрализм постмодерна основывается также на осознании множественности сосуществующих и неустранимых этнокультурных идентичностей и самоидентификации людей. При этом важно то, что постмодерн исходит из признания множества принципов и форм самоорганизации этнокультурной жизни. Поэтому постмодернизм следует рассматривать как последовательную доминанту, которая исходит из присутствия и сосуществования в мире совершенно различных этнокультурных реальностей.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в задачи этнологии, связанной с идеологией постмодерна, входит изучение внутриэтнических и межэтнических процессов, порождающих этнокультурные отношения. Соответственно акцент смещается на ранее не замеченные, но существенные свойства человека, определяющие его отношения с окружением. Речь идет о тех неотрефлексированных механизмах, которые определяют содержание этнических культур в повседневных контактах людей, сохраняют устойчивость в динамичной жизненной среде и являются основным предметом исследования в рамках постмодернистской этнологии.

ЛИТЕРАТУРА

Велик А.А. Культура и личность.М., 2001.
Велик А.А.,РезникЮ.М. Социокультурная антропология. Историко-теоретическое введение. М., 1998.
Емельянов Ю.Н. Основы культурной антропологии. СПб., 1994.
Козлова Н. Социально-историческая антропология. М., 1999.
Культурная антропология: Учебное пособие / Под ред. Ю.Н. Емельянова и Н.Г. Скворцова. Спб., 1996.
Лурье С.В. Историческая этнология. М.,1997.
Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998.
Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М., 2003.
Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
Этнология в США и Канаде. М., 1989.

Глава 3. ЭТНОС И ЭТНИЧНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

§ 3.1. Понятия «этнос» и «этничность». § 3.2. Примордиализм. § 3.3. Инструментализм. § 3.4. Конструктивизм. § 3.5. Теории этноса в отечественной этнологии

§ 3.1. Понятия «этнос» и «этничность»

Люди, населяющие нашу планету, образуют множество разнообразных общностей. Особое место среди них как но значимости в культуре, так и по устойчивости в истории занимают общности, именуемые в повседневном русском языке народами, а в научной литературе — этносами. Сам по себе термин «этнос» используется в этнологической литературе уже довольно давно, однако научное осмысление его как специального понятия для обозначения особой общности людей произошло, по существу, лишь в последние десятилетия. Это понятие в современной этнологии неразрывно связано с понятием этничности. В 1960—90-х гг. в мире появилось огромное количество научных публикаций по этой проблеме. Благодаря им термин «этничность» прочно закрепился в категориальном аппарате политологии, истории, этнологии, социологии и других социальных наук.

Возросший интерес к проблемам этноса и этничности объясняется прежде всего значительным повышением роли этнических отношений в общественной жизни многих государств и народов, в связи с чем игнорировать их было уже просто невозможно. Так сама жизнь опровергла господствовавшее с начала XX столетия в мировом общественном мнении и этнологической науке убеждение, что фактор этничности будет постепенно терять свое значение вследствие процессов модернизации, индустриализации, демократизации, развития гражданского общества. Та же точка зрения преобладала в отечественном обществоведении. Однако историческая практика показала, что этничность, а также связанные с ней различные формы этноцентризма и даже национализма не только не утратили, но и значительно усилили свои позиции в современной социальной, политической и культурной жизни. Этнические проблемы стоят в настоящее время чрезвычайно остро во многих регионах мира, в том числе в республиках бывшего Советского Союза.

Однако, несмотря на остроту современных этнических процессов и пристальное внимание к ним представителей самых разных наук, как отечественная, так и мировая этнология до сих пор не выработала общепринятого понимания сущности ее основных понятий — этноса и этничности.

Вплоть до конца XVIII в. термин «этнос» употреблялся очень ограниченно. И лишь в XIX в. он стал применяться в научной литературе в значении «народ». Во многом это является заслугой известного немецкого этнолога А. Бастина, который рассматривал понятия «народный» и «этнический»

как синонимы, а под понятием «этнический» подразумевал культурно-специфический облик народа.

Значительный вклад в разработку теории этноса в 1920-х гг. внес русский этнограф С.М. Широкогоров. Согласно его определению, «этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающих! его от таковых других групп» (Широкогоров С.М. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 13).

Широкое обращение к этнической проблематике произошло в 1960-х гг. К этому времени в научный обиход вошли многие термины. В частности, в англоязычной литературе широкое распространение получил термин «ethnicity» (русский перевод — «этничность»). Наряду с ним за рубежом стало использоваться понятие «ethnic» для обозначения индивида в качестве представителя определенной этнической группы.

В отечественной этнологии за термином «этнос» с самого начала утвердилось значение «народ». Вместе с тем для обозначения различных форм этнических общностей и отношений употребляются производные от этого слова термины, среди них — понятие «этничность» как некая категория, обозначающая наличие отличительных черт этнических групп или идентичностей. Этот термин акцентирует внимание прежде всего на полиэтническом характере большинства современных обществ. Среди этнологов также нет единства в определении содержания этого понятия. Достоверно только то, что термин «этничность» пришел в отечественную этнологию из западной науки, где под ним понимают что-то вроде совокупности характерных культурных черт этнической группы. Это соответствует англоязычной трактовке этого термина, согласно которой этническая группа рассматривается как часть более широкого социокультурного окружения, находящаяся с этим окружением в конфликтных отношениях, что находит свое выражение в специфике тех культурных черт, которые определяются как этничность.

Для отечественной этнологической науки характерно преобладание взглядов на этнические общности как на реально существующие объекты, которым свойственно, как любым биосоциокультурным системам, строго последовательное поэтапное развитие: рождение, функционирование, взаимодействие, эволюция, смерть или трансформация. Подробно эти теории освещены в § 3.5. Здесь лишь отметим, что внимательный и строго научный анализ этнологических теорий и концепций позволяет представить этнос как биосоциальную общность людей, обладающую следующими этнодифференцирующими признаками:

— этнонимом — самоназванием этноса. При этом следует отличать этнонимы от политонимов (наименований общегосударственных и областных), топонимов (названий местности), лингвонимов (названий языков), конфессионимов (названий религий). В некоторых случаях они взаимосвязаны или совпадают друг с другом. Так, слово «японец» может быть этнонимом, лингвонимом (японский язык), политонимом (Япония), топонимом

(Японские острова);

— этнокультурными особенностями, которые проявляются в языке, религии, обычаях, обрядах, народном искусстве и фольклоре, нормах этики и т.п. Благодаря этим особенностям все люди разделяются на две группы: «мы» — «они»;

— антропо-психологическими признаками, т.е. отличительными чертами во внешнем физиологическом облике и в психологическом складе характера человека, что, в свою очередь, осознанно или неосознанно, в массовом или индивидуальном сознании может идентифицироваться с общностью происхождения. Зачастую именно эти признаки являются исходными, начальными при определении этнической принадлежности;

— единством территории, что сыграло в свое время важную роль в этногенезе и формировании современной этнической карты мира, но утратило свое этнодифференцирующее значение в настоящее время из-за массовых миграций.

В силу различных комбинаций и соотношений этих признаков в этнологии принято выделять три основных исторических типа этноса: племя, народность, нация. Каждый из них соответствовал определенной стадии исторического процесса: племя — первобытной; народность — рабовладельческой и феодальной; нация — капиталистической формации. А поскольку сегодня в мире одновременно существуют все эти типы общественных отношений, то и в современной этнической картине мира мы можем наблюдать все типы этносов.

Структура этноса. Структура этноса в каждой теории определяется по-своему в зависимости от понимания его сущности. При этом большинство исследователей согласны с тем, что структура этноса иерархична — представляет собой иерархическую соподчинен-ность, включающую следующие уровни: а) собственно этнический, состоящий из этнических общностей и этносоциальных организмов, т.е. совокупности людей, обладающих наибольшей интенсивностью этнических свойств и выступающих в качестве самостоятельных единиц этнических процессов; б) микроуровень, состоящий из микроэтнических единиц, т.е. наименьших составных частей этнических общностей, в качестве которых выступают отдельные индивиды как носители этнических признаков и семья как, наименьшая по численности этносоциальная группа, воспроизводящая основные элементы этнической культуры; в) макроуровень, объединяющий «субэтнические» подразделения (субэтносы) — общности, у которых этнические свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основных этнических единиц, но которые осознают свою этническую общность и имеют специфические черты культуры; г) метауровень, охватывающий суперэтносы, т.е. этнические образования, сложившиеся из нескольких основных этнических общностей, но обладающие этническими свойствами меньшей интенсивности, чем каждая из общностей в отдельности (например, европейское сообщество, исламский мир и т.д.).

Каждый из отмеченных уровней обладает своими особенностями. Так, основным объективным критерием для выделения этно-культурных мета-

общностей служат те или иные компоненты культуры. Поэтому они могут быть металингвистическими, метаконфессиональными, метахозяйственными и т.н. При этом, помимо общности по соответствующему основному компоненту культуры (языку, религии, тину хозяйства), такие образования имеют сходные черты в некоторых смежных сферах повседневной культуры.

Особое место в этнической иерархии занимают микроэтнические единицы — неделимые далее основные этнические общности. Поскольку предел делимости этноса, при котором его свойства в основном сохраняются, представляет отдельный человек, то, очевидно, он и является собственно этнической микроединицей. К последней следует, видимо, отнести и основную элементарную общественную ячейку — семью, которой принадлежит важная роль в воспроизводстве этноса и главных этнических свойств.

Специфические особенности субэтносов обычно связаны с их происхождением. В одних случаях это бывшие этносы, постепенно утратившие роль основных этнических общностей, в других — бывшие этнические группы, осознавшие совместно с другими свою общность, в третьих — социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, казачество). Особое место принадлежит субэтносам, образовавшимся на основе расовых групп. Например, американские негры, которых можно рассматривать в качестве субэтноса североамериканской нации.

Исходя из такой структурной организации этносов, один и тот же человек может одновременно входить в несколько этнических общностей разных уровней. Так, можно считать себя русским (основная этническая общность), донским казаком (субэтнос) и славянином (метаэтническая общность).

В вопросе о структуре этносов следует учитывать, что многие из них не представляли и не представляют собой какие-то монолитные образования. Внутри они различаются локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта, имеют иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание. Например, поморы и различные группы казаков, обладающие самосознанием, будут представлять собой субэтносы русского народа, а северные и южные русские — его этнические группы. Внутренние подразделения этносов часто ведут свое происхождение от вошедших в него племенных компонентов. Нередко они возникают при социально-религиозной дифференциации этноса, а также при сильном расширении этнической территории, когда мигрирующие части этноса попадают в различную природную среду, взаимодействуют с различными этносами и т.д.

Говоря о структуре этноса, не следует забывать, что помимо вертикальной структуры, представляющей собой, как мы уже говорили, иерархическую соподчиненность, этносы обладают и развитой горизонтальной структурой. Речь идет о том, что внутри каждого этноса существуют различные социальные группы, слои и классы. Все они, являясь представителями одного этноса и демонстрируя в силу этого единые стереотипы поведения, восприятия своих и чужих, осознают свою принадлежность к одному народу. Но при этом различие социально-классовых интересов заставляет по-своему

преломлять единые этнические константы, формируя у каждой группы свой собственный образ мира.

Естественно, возникает вопрос о причине существования такой сложной и разветвленной вертикальной и горизонтальной структуры этноса. Можно предположить, что, являясь открытой системой, этнос связан множеством сложных обратных связей с окружающим миром. Некоторая сложность этноса (но не слишком большая) повышает сопротивляемость и приспособляемость народа к этим изменениям. Поэтому, даже если изначально этнос возник как монолитное образование, в процессе этногенеза формируется его сложная структура.

В заключение необходимо подчеркнуть, что все этнические объединения любого уровня представляют собой динамические образования, подверженные различного рода изменениям. Эти изменения нередко сопровождаются трансформацией одного вида общностей в другой. Например, у какой-либо этнической группы может появиться самосознание этнического характера, и она в таком случае превратится в субэтнос. В свою очередь, субэтнос может трансформироваться в этническую группу. Аналогичные превращения могут также иметь место между метаэтническими и теми видами метаобщности, которые не обладают этническим самосознанием. Этническая история человечества знает немало подобных превращений.

Изучение этничности в современной науке. Этнос нельзя искусственно сформировать или произвольно расформировать. Основой любого этноса являются люди, вступающие в разнообразные отношения между собой и осознающие свои этнические признаки и особенности. В связи с этим в этнологии важное значение приобретает понятие этничности.

Важную роль в изучении этничности сыграли работы норвежского ученого **Фредерика Барта** (р. 1928). Он обратил внимание на то, что характеристики, используемые для определения этнических групп, не могут сводиться к сумме содержащегося в пределах этнических границ культурного материала. Этнические группы (или этносы) определяются прежде всего теми характеристиками, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе самосознания. Таким образом, этничность — это форма социальной организации культурных различий.

Как правило, этничность формируется и существует в контексте того социального опыта, с которым идентифицируют себя сами люди или их идентифицируют другие люди как члены определенной этнической группы. С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены данной этнической группы отличают себя от всех других групп, даже если они в культурном отношении близки. Различия, проводимые по отношению к другим, обычно довольно определенны, тогда как внешние представления о группе часто обусловлены стереотипными характеристиками. При этом кровная родственность или другие объективные критерии не играют определяющей роли. Так, цыгане в разных странах мира отличают себя не только от нецыган, но и от других групп цыган; проживающие в России и Китае эвенки считаются одним народом, хотя сами

они осознают прежде всего свою принадлежность к различным локальным группам.

Первое необходимое условие существования этничности — наличие дихотомического отношения «мы — они». Если такого отношения нет, говорить об этничности бессмысленно, поскольку она предполагает отношение между группами людей, члены которых рассматривают друг друга как различающиеся но каким-либо культурным характеристикам. При этом границы этничности первоначально проходят по антропологическим признакам самоидентификации людей, имеющих общие родовые корни, которые уходят в историческую почву генетического и социального единства. Характерные фенотипические и фенотипические черты, но особенно, историческая родина — все это отличает «нас» от «не нас» в этническом отношении.

Кроме того, этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации. Только в ходе взаимодействия с иной этнической группой проявляется своя этническая «индивидуальность». В этом заключается основной признак этничности, так как многие характеристики группы могут меняться, но дихотомия между членами данной общности (т.е. «нами») и членами других общностей («йенами») всегда остается. Именно поэтому этническая идентичность может сохраниться даже без единого языка, территории, устойчивых признаков общей культуры, как, например, у цыган. Пока цыгане осознают свою особость, сравнивая себя с представителями других народов нет оснований сомневаться в наличии цыганской этничности.

Этничность включает в себя также идентификационный, культурный и символический аспекты. Что касается первого, то на личностном уровне этничность выступает в качестве особой формы «я»-концепции. Степень выраженности этнического «я» зависит от того, как человек определяет самого себя. В структуре характеристик личности этническая принадлежность занимает существенное место. При этом в кризисной, нестабильной ситуации значимость этнического «я» существенно повышается, а в период социальной устойчивости ослабевает, уступая место сугубо социальным характеристикам.

Культурный и символический аспекты обусловлены наличием в современном обществе различных областей культуры, границы которых определяются не территорией или государством, не формальным членством в группе, а возможностями коммуникационных систем. По мере развития общество становится все более структурированным и социально дифференцированным, различия начинают преобладать над подобием, и в этих условиях объединяющим культуру началом служит совместная символическая среда. Общепринятая и понятная всем членам этнической группы, система символов способствует культурной консолидации в пределах данной этнической группы и осознанию своего единства.

Исходя из сказанного, этничность может быть определена как особая характеристика личности, состоящая в ощущении, переживании своей принадлежности к определенной группе или общности людей, формирующаяся на основе их генетического и социального единства и проявляющаяся в фор-

ме сравнения «нас» с «не нами» в ходе группового взаимодействия с другими этносами.

Каждому этносу свойственна совокупность обязательных специфических признаков, которые в своем единстве и образуют понятие «этничность». Ранее этот термин практически не встречался в этнологической литературе. Однако с начала 1970-х гг. в связи с резким ростом активности этнических меньшинств и обострением межэтнических отношений не только в странах третьего мира, но и в индустриально развитых государствах Запада вокруг проблемы этничности стала развертываться острая дискуссия. В результате появились многочисленные теории, предлагаемые для объяснения природы и сущности этноса, этнической идентичности, ассимиляции, дискриминации, этнических конфликтов и т.д. Однако все существующие на сегодняшний день теории и концепции могут быть ведены к трем основным подходам к пониманию этнического феномена — примордиалистскому, инструменталистскому и конструктивистскому.

§ 3.2. Примордиализм

В последние годы среди исследователей причин существования этничности идет активная дискуссия по поводу характера этничности как этнической идентичности — является ли она примордиальной по своей природе или же представляет собой инструментальный конструкт[1].

Примордиалистский (от англ, primordial — изначальный, исходный) подход к анализу этничности был сформулирован и развит в работах К. Гирца, Р. Гамбино, У. Коннора, Ю.В. Бромлея, Э. Стюарта, П. ван ден Берге. В концепциях этих авторов этнос и этничность рассматриваются как врожденное свойство человеческой идентичности, имеющее свою объективную основу либо в природе, либо в обществе. Тем самым этничность понимается как фундаментальный аспект идентичности человека — безусловный и не подверженный изменениям.

Примордиалистский подход возник в XIX в. в Германии. А сам термин «примордиальные связи» ввел в научный оборот в середине XX в. американский социолог Э. Шилз, употребив его для характеристики внутрисемейных отношений. Однако наиболее распространенная формулировка примордиалистского подхода к анализу этничности принадлежит основателю интерпретативной антропологии, американскому антропологу К. Гирцу: «В каждом обществе во все времена некоторые привязанности проистекают больше из чувства естественной, некоторые сказали бы — духовной близости, чем из социального взаимодействия» (цит. по: Винер Б.Е. Этничность; в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 5). Таким образом, по мысли Гирца, во все времена в любом обществе некоторые привязанности человека вытекают из ощущения естественного родства, а не из социального взаимодействия.

---

[1] Конструкт — результат целенаправленно созданных объективированных представлений о социальном мире.

Это относится прежде всего к этническим связям и отношениям, что и придает им характер примордиальных.

Сторонники примордиализма признают, что «осознание групповой принадлежности будто бы заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания» (Тишков В.А. Очерки теории этноса и политики этничности в России. М., 1997. С. 92).

Исходя из двух объективных оснований существования этноса (природы и общества) все теории примордиалистского подхода можно разделить на два направления: природное и эволюционно-историческое.

Природное направление. Сторонники этого направления объясняют этничность с помощью эволюционных идей (т.е. как явление, детерминированное генетическими и географическими факторами), интерпретируя ее как «расширенную родственную группу» или как «расширенную форму родственного отбора и связи».

Излагая эту точку зрения, Пьер ван ден Берге предложил понимать этничность как следствие генетической предрасположенности человека к родственному отбору, называемому в социобиологии непотизмом. Суть его заключается в том, что альтруистическое поведение (способность приносить себя в жертву) уменьшает шансы данной особи на передачу своих генов следующему поколению, но в то же самое время увеличивает возможность их передачи кровными родственниками (косвенная передача генов). Эта тенденция предпочтения родства индивидуализму и была названа в социобиологии родственным отбором или непотизмом.

Чтобы пояснить это положение, приведем в качестве примера пчелиную семью. Жало у рабочих пчел — их защитный механизм. Но использование жала ведет к гибели пчелы. Это та цена, которую платит пчелиная семья за свою безопасность. Такое альтруистическое поведение отдельной пчелы несет гибель ей, но спасение всей семье. Подобное поведение встречается и у высших животных.

Таким образом, непотизм является следствием альтруистического поведения, которое в отношениях иолов уменьшает индивидуальный генетический вклад отдельного индивида в генотип следующих) поколения, но одновременно увеличивает вероятность передачи его генов непрямым путем: помогая родственникам выжить и передать свои гены следующему поколению, индивид тем самым способствует воспроизводству собственного генофонда. Поскольку такой тип поведения делает группу эволюционно более устойчивой по сравнению с аналогичными другими группами, где альтруистическое поведение отсутствует, то «гены альтруизма» поддерживаются естественным отбором. Из этого следует, что непотизм предоставляет группам эволюционные преимущества и закрепляется на генетическом уровне. Родственный отбор, но мнению ван ден Берге, сыграл решающую роль в формировании этнических групп и самого феномена этничности.

Другим важным понятием в социобиологическом направлении исследований этничности является р е ц и п р о к н о с т ь (взаимность, взаимодей-

ствие) — взаимоотношение и сотрудничество между отдаленными родственниками и индивидами, не связанными отношениями родства. Иными словами, в тех социальных условиях, где непотистское (родственное) поведение оказывается по каким-либо причинам невозможным либо опасным, индивид может договориться с другими о скоординированном поведении, что также позволяет увеличить его возможности передачи своих генов.

Применительно к людям это означает, что, когда люди стали жить более многочисленными группами, состоящими не только из кровных родственников, им проще было договориться о поддержке и защите друг друга перед лицом всевозможных опасностей, в том числе и от других подобных групп людей. Соседи воспринимались как «свои», близкие люди в противовес «чужим», пришедшим издалека.

Исходя из сказанного этничность в социобиологии понимается как всеохватывающая форма естественного отбора и родственных связей, которые сохраняют свое значение и в развитых обществах. Некоторые ученые полагают, что осознание индивидом себя частью группы генетически закодировано, является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность узнавать членов семьи имела жизненно важное значение. Суммируя идеи социобиологических концепций в понимании этничности, ван ден Берге писал, что люди, как и другие социальные животные, запрограммированы биологическим образом на непотистское поведение, поскольку, предпочитая родственников, они максимизируют собственную итоговую приспособленность. Вплоть до последних нескольких тысяч лет гоминиды жили относительно небольшими группами — от нескольких десятков до пары сотен индивидов, где преобладала тенденция к заключению внутригрупповых браков, и, следовательно, сами группы характеризовались высокой степенью родства и состояли из близких и отдаленных родственников. Эти солидарные группы являлись по существу, примордиальными «этниэ» (этносами). Таково эволюционное происхождение этничности — расширенная родственна группа. И хотя затем родственные связи размывались, потребность коллективной поддержке, более широкой, чем непосредственный круг родственников, осталась, даже в современных индустриальных обществах.

Эволюционно-историческое направление. Примордиализм не обязательно тяготеет к эволюционно биологическим трактовкам этнических феноменов. Теоретические подходы к изучению этнической реальности, практиковавшиеся в некоторых странах советского блока, а также в ФРГ и Финляндии, могут рассматриваться как отдельный тип иримордиалистских концепций, в которых место эволюционно-биологических занимают эволюционно-исторические трактовки. Эта тенденция восходит еще к И.Г. Гердеру с его неоромантической трактовкой народа, понимаемого как общность, возникающая на основе единства «крови и почвы». Так еще в 1923 г. возникло известное определение С.М. Широкогорова (см. § 3.1).

Этот подход был позднее развит в работах Ю.В. Бромлея, предложившего во многом сходное определение этноса как исторически сложившейся на определенной территории совокупности людей, обладающих об-

щими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме). При этом ни один из признаков не является этнодифференцирующим, лишь их совокупность позволяет определить этнос. Таким образом, этносы, оставаясь примордиальными группами, носят характер социальных, а не биологических сообществ, поскольку этнические связи рассматриваются как сущностно зависимые от исторических изменений.

Этнос в примордиализме — это общее понятие, научный термин, призванный характеризовать общности людей, выступающие в истории и реальной жизни в своих конкретно-исторических формах. Формирование этносов представляет собой длительный исторический процесс, определяющую роль в котором играет целая группа факторов. Важнейшие среди них естественные предпосылки — общность языка и территории.

Общность территории создает условия для сосуществования людей и содействует самовоспроизводству этноса, обеспечивая различные взаимосвязи между его частями. Кроме того, природные условия общей территории определяют жизнь людей, диктуя общие особенности их хозяйственной деятельности, культуры, быта и нормативных систем. Этническая территория является не только необходимым условием формирования этноса, но и со временем становится основой формирования этнического самосознания, идентичности. В то же время, истории известно много примеров, когда территориально разобщенные группы этноса длительное время сохраняют свои специфические черты в области культуры и собственный этноним.

Общность языка выступает не только условием формирования этноса, но и итогом этногенеза. Последнее особенно очевидно, когда этнос формируется путем интеграции отдельных этнических групп. В таком случае язык обычно выступает как одно из важнейших объективных свойств этноса, а также как символ этнической принадлежности.

Наряду с языком большое значение в процессе формирования любого этноса имеют специфические компоненты его материальной и духовной культуры, прежде всего такие, для которых характерны традиционность и устойчивость: обычаи, обряды, нормы поведения (религия и т.п.).

Культурное единство этнических общностей, в свою очередь, всегда дополняется особенностями их психики, проявляющимися, в частности, в оттенках характеров людей, специфике ценностных ориентации, вкусов, предпочтений и т.н.

В конечном счете этносом становится только та группа людей, которая осознает себя особым объединением, отличным от других аналогичных общностей. Это осознание своего группового единства принято называть этническим самосознанием, его внешним выражением является самоназвание (этноним). Этническое самосознание служит интегративным показателем этноса, включающим представления об общности территории, общности происхождения и исторических судьбах составляющих его людей.

Сформировавшись в ходе этногенеза, этническое самосознание вы-

ступает не только важнейшим показателем этнической принадлежности, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их другим этносам. Таким образом, понятие «этнос» относится к группам людей, обладающих едиными идентификационными признаками, традиционно передаваемыми из поколения поколение. В современном русском языке такому пониманию этноса в известной мере соответствует понятие «народ».

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что все примордиалистскис концепции трактуют этнические группы как реально существующие группы людей, которые характеризуются биологическим воспроизводством; разделяют базовые культурные ценности, выражающиеся во внешнем единстве культурных форм; образуют единые поля коммуникаций и взаимодействий; обеспечивают идентификацию для членов своей группы и признание их другими группами, отличаясь от других категорий того же порядка.

В соответствии с этим подходом существование этнической группы может быть определено объективно; этнические группы тоже объективно можно отличить от других социальных и биологических сообществ: классов, сословий, конфессиональных групп, рас, каст и т.д. Этнические группы рассматриваются как базирующиеся на культурном единстве и, следовательно, онтологически реальные.

Такое понимание этничности было распространено на Западе в 1960-х гг. в контексте теорий модернизации. Но уже следующее десятилетие показало непригодность этих концепций. Рухнули они после того, как массовые этнические движения в США 1970-х гг. опровергли теорию «плавильного котла», развившуюся на базе примордиальной трактовки этничности и утверждавшую, что этничность будет преодолена в процессе создания национального государства.

§ 3.3. Инструментализм

В середине 1970-х гг. в западной этнологии широкое распространение получила другая трактовка этничности, в соответствии с которой она рассматривалась в качестве инструмента, используемого в борьбе за благосостояние, статус, власть. В этом случае этничность понималась как чувство солидарности группы людей, формируемое в результате определенных обстоятельств. Речь идет о том, что этничность — это «средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу на социополитической арене, а наблюдаемая в различных формах этническая мобилизация диктуется требованиями тех или иных материальных факторов, которые определяют социальное поведение» (Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. №1. С. 4). Таким образом, этничность превращается в некую социальную роль, сознательно избираемую человеком или группой под воздействием тех или иных материальных факторов.

Создатели инструменталистского подхода исходили из того, что различия между группами людей в обществе могут служить основой для фор-

мирования этнической идентичности каждой группы, определяющей, в свою очередь, характер межгрупповых отношений и мобилизующей этнические группы на целенаправленную политическую деятельность. Поэтому инструменталистскис концепции часто опираются на социально-психологические теории, трактующие этничность как эффективное средство для преодоления отчуждения и восстановления этнического равноправия, как социальную терапию.

Некоторые исследователи, придерживающиеся этого подхода, ограничиваются анализом того, каким образом этническую солидарность усиливают те социальные обстоятельства, которые они называют «структурными условиями» (Д. Хоровитц, Дж. Ротшильд, С. Олзан, Дж. Нейджел и др.). Другие идут дальше и анализируют, как определенные социальные обстоятельства ведут к рациональному стратегическому выбору этнической идентичности как средству достижения желаемых политических, экономических и иных социальных целей, в свою очередь усиливающих групповую солидарность (Э. Смит, Дж. Окамура, А. Коэн, К. Янг и др.).

Существенной чертой всех инструменталистских теорий является их опора на функционализм и прагматизм. Исходя из положений социологического функционализма, сторонники инструментализма считают этничность продуктом этнических мифов, которые создаются элитой общества и используются ею для достижения определенных выгод и получения власти. Культурные особенности, ценности и деятельность этнических групп служат элите орудием для достижения этих целей. Ради реализации на практике идей равенства, справедливости и человеческого достоинства этнические группы поддерживают элиту в ее устремлениях, мобилизуясь на их осуществление.

Все концепции этничности этого направления подразумевают выполнение какой-либо потребности индивида или группы, осуществление их интересов, достижение целей и т.н. Существование этничности, таким образом, здесь мыслится как способ достижения более комфортного состояния, в категориях пользы, что и позволяет обозначить эту трактовку этничности как утилитарную.

В отличие от примордиалистского подхода, инструменталистский ориентирован не на поиск объективных оснований этничности (инструментализм принимает этнос как факт, данность), а на выявление тех функций, которые выполняются общностью и этносами. Поэтому, выясняя, каким образом этносы и этничность удовлетворяют потребности индивида или группы, осуществляют их цели и интересы, инструментализм не задается вопросом, есть ли какая-то объективная основа существования этноса. Инструментализм исходит из положения: раз этносы и этничность существуют, значит, они служат определенным целям и конкретным интересам человека, облегчая его жизнь в обществе.

§ 3.4. Конструктивизм

В 1970—1980-х гг. в ответ на обострение этнических проблем социально-политической жизни общества в этнологической науке появляется

конструктивистский подход к этносу и этничности. Наибольшее распространение он получил в США и других эмигрантских странах (Канада, Австралия). Популярность конструктивистского подхода в этих странах объясняется отсутствием в них естественной укорененности этнических групп (за исключением коренных племен), в отличие от полиэтнических государств, сложившихся на основе многообразия коренного населения.

Согласно конструктивистскому подходу, порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины представляют собой интеллектуальный конструкт, сознательно создаваемый писателями, учеными, политиками. Этот подход уделяет особое внимание роли сознания и языка как ключевого символа, вокруг которого формируется понимание этнической отличительности.

Основное теоретическое обоснование конструктивистский иод-ход получил в трудах американского культурного антрополога Дж. Комароффа. Однако наиболее распространенное в мировой науке конструктивистское понимание этничности связывают с именем уже упоминавшегося норвежского этнолога Ф. Барта, который определяет ее как самую широкую категорию социальной идентичности, ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, подчеркивая договорной характер границ между этническими категориями.

Впервые в этнологии в качестве главного критерия этничности Варт предложил этнические границы группы, которыми она сама себя ограничивает. Этот критерий был выбран потому, что этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло и это влечет за собой сложную организацию поведения и социальных отношений. По этой причине в различных этнических границах мы наблюдаем и различные культурные явления, демонстрируемые членами той или иной группы.

Барт не рассматривал «самоприиисывание» к этнической группе как существенную черту этничности. Он считал, что все внутриэтнические отношения строятся на «культурном знании». Именно благодаря этому «знанию» человек ведет себя адекватно своей этнической роли и рассматривается в качестве члена этнической группы.

Сторонники конструктивизма широко и специфическим образом иллюстрируют образование традиций, в частности приводят в качестве примера знаменитую шотландскую юбку, которая была придумана англичанином и благодаря деятельности любителей гэльской культуры стала ассоциироваться с гэльскими кланами.

Таким образом, для конструктивизма этничность — вопрос сознания, членство в этнической группе зависит от того, как индивид представляет себе, что такое эта группа. Поэтому для определения этничности решающее значение имеет не культура этноса вообще, а те ее характеристики, которые в данный момент подчеркивают различия и групповые границы.

Этнос в конструктивизме — это общность людей, формирующаяся на основе культурной самоидентификации (самоопределения) по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях.

Эта концепция этноса и этничности отличается от других не добавлением в определения этих понятий новых признаков, а введением в любой подобный перечень элемента «представления об этих признаках». Так, признаком этнической общности является не общее происхождение, а представление или миф о ее общей исторической судьбе. Другим признаком этноса будет вера в то, что это — наша культура, а не сам по себе очерченный культурный облик, который без такой веры ни о чем не говорит.

Этничность в таком понимании — это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории.

Центральный момент порождения этничности и появления этноса или этнической группы — категория границы. Ее содержание весьма подвижно, поскольку если даже произведенная этническая самоидентификация является результатом внутреннего выбора, то это не всеобщий выбор, а вариант согласия только части социально активного населения, для каждого этот выбор важен по тем или иным причинам.

Современная этнология, основанная на философии постмодернизма, идет еще дальше, подчеркивая неопределенность, бесконечность трансформации и текучесть этничности. Сейчас используется самое широкое определение этноса как группы, члены которой обладают общим наименованием (этнонимом) и комплексом сходных черт в культуре, мифом об общем происхождении и коллективной исторической памятью, связывают себя с определенной территорией и чувством солидарности. Особое значение придается субъективной стороне: коллективному сознанию, мифологии, воображению, а не связи с территорией и историческими процессами в качестве объективной данности, как в прежних теориях.

Необходимо отметить, что все рассмотренные нами подходы к этничности не исключают друг друга, поэтому в ближайшем будущем перспективным способом исследования проблемы этничности будет, видимо, интеграция их наиболее важных аспектов в общую когерентную теорию этничности. Среди этнологов существует мнение, что конструктивистский подход может стать ядром такого синтеза, так как он имеет ряд важных аспектов. Прежде всего, речь идет о значительном влиянии в нем исторического контекста, благодаря которому в теориях этого подхода внимание фокусируется на относительном характере и ситуационной зависимости этничности, это позволяет изучать данный феномен на разных «уровнях» и «срезах». Во-вторых, все теории конструктивистского подхода практически единодушны в трактовке роли родства в формировании этнической идентичности. Это обстоятельство может быть использовано как исходное основание при составлении различных теорий. В-третьих, опыт посткоммунистического развития мира накопил множество примеров меняющейся этничности, что само по себе дает уникальную возможность для интеграции взглядов конструктивистов и инструменталистов.

§ 3.5. Теории этноса в отечественной этнологии

Первым опытом научного осмысления проблемы этноса и этничггости в российской науке стали работы С.М. Широкогорова, написанные в 1920-х гг. Однако из-за эмиграции автора они не получили распространения на родине. Даже в настоящее время его теория полностью не опубликована, и только в отдельных работах встречаются фрагментарные изложения его идей.

В современной российской этнологии распространены четыре теории этноса. Одна из них принадлежит Л.Н. Гумилеву, который рассматривает этнос в качестве природного, биологического явления.

Пассионарная теория этноса Л.Н. Гумилева. Основной акцент автор делает на идее этноса как биофизической реальности, облаченной в социальную оболочку. Для Гумилева этнос — не социальная группа (так как напрямую с производительными силами он не связан), не раса (ведь раса — не форма общежития, а биологическая характеристика), не популяция (сумма особей, живущих в одном ареале и беспорядочно между собой скрещивающихся). Этнос – явление географическое, связанное с кормящим и вмещающим ландшафтом.

Человек — это не только социальное существо, хранящее в себе в определенном смысле весь опыт исторического развития человечества. Мы не должны забывать, что человек еще и часть биосферы нашей планеты, закономерный итог ее длительного, в течение миллионов и миллиардов лет, развития. Согласно В.И. Вернадскому, создателю учения о биосфере-ноосфере, биосфера Земли — это совокупность живого вещества (всех живых организмов нашей планеты) и преобразованной им окружающей среды. Не будем забывать, что современный облик нашей планеты создан именно в результате этого взаимодействия. Человек, являясь частью живого вещества Земли, не может не принимать участия в биогеохимических процессах, обеспечивающих функционирование биосферы. Как же человек «входит» в биосферу, становится ее составной частью? Как считает Гумилев, — в виде этносов, которые в совокупности становятся антропосферой, или этносферой. Поэтому понятна роль ландшафта в жизни этноса — это необходимый элемент антропосферы. Но человек в отличие от растений и животных, также неразрывно связанных с окружающей средой, способен к сознательному и целенаправленному изменению условий своего существования. Эта способность может стать как величайшим благом, так и величайшим злом. Ведь своей деятельностью человек нарушает тщательно отлаженные механизмы саморегуляции биосферы и вместо ожидаемого улучшения условий своей жизни может спровоцировать экологическую катастрофу. Свидетельство тому— те пустыни, что оставили после себя многие великие цивилизации древности (например, Месопотамия или Египет). Как считает Гумилев, такой экологический кризис стал одной из причин гибели этносов.

Другая сущностная характеристика этноса заключается в его тесной связи с энергией. Будучи частью биосферы, этносы участвуют во всех биосферных процессах. Чтобы представить себе масштаб этих процессов, достаточно упомянуть, что важнейшей функцией биосферы является средообразующая, ее результатом — современный облик нашей планеты (а он сильно отличается от первоначальной Земли — хо-

лодного каменистого шара, покрытого тонкой пленкой атмосферы, в которой практически отсутствовал свободный кислород). Не случайно В.И. Вернадский назвал живое вещество величайшей геологической силой, перед которой меркнут такие потрясающие процессы, как извержения вулканов, землетрясения, подвижки материков. Но мощнейшие процессы требуют гигантских энергетических затрат (ведь в природе действует закон сохранения энергии). Природа этой энергии также была открыта В.И. Вернадским, назвавшим ее биогеохимической энергией живого вещества. Источник ее — космические излучения и радиоактивный распад, но главное — энергия Солнца, излучения которого буквально пронизывают всю биосферу.

Гипотеза Гумилева заключается в том, что несколько раз за тысячелетие Земля подвергается воздействию какого-то специфического космического излучения, которое своим энергетическим воздействием вызывает определенные мутации, способствующие появлению у некоторых людей повышенной тяги к действию. Это свойство Гумилев назвал пассионарностью, а людей—носителей этого свойства — пассионариями. Собираясь вместе, такие люди ставят какие-то общие цели, добиваясь их осуществления, вырабатывают единые стереотипы поведения и единое самосознание, образуя таким образом новый этнос.

Существенно важным для характеристики этноса Гумилев также считает системный подход, в соответствии с которым весь мир рассматривается как совокупность систем — множества внешне и внутренне упорядоченных элементов. Системы могут быть открытыми (постоянно обменивающимися веществом и энергией с окружающей средой) и закрытыми (однократно получающими заряд энергии и затем растрачивающими его); жесткими (работающими при наличии всех элементов, изъятие даже одного из них нарушает работу всей системы) и дискретными (нет столь жесткой связи элементов). Этнос, по Гумилеву, закрытая система дискретного типа. Он получает заряд энергии в момент пассионарного толчка (той самой вспышки космической энергий, приводящей к мутациям) и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части. Именно так существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения (этот признак Гумилев считает самым главным для этноса) и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющей себя всем другим подобным коллективам, на основе дихотомии «мы — они». Это явление противопоставления и есть тот механизм, с помощью которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру.

Объединение людей в этносы, по мнению Гумилева, происходит по принципу комплиментарности — неосознанной взаимной симпатии к одним людям и антипатии к другим. Действуя внутри этноса, он формирует такое чувство, как патриотизм, являющийся мощной охранительной силой народа. Принцип комплиментарности не относится к числу социальных явлений. На нем основано приручение животных, а также семейные связи (почему мы любим одних людей и не любим других). Он также зависит от процессов энергетического обмена. Энергия живого вещества биосферы, разновидностью которой является энергия пассионарности, очевидно, должна иметь определенные физические характеристики. У человека — это, видимо, его биополе с определенной частотой колебаний силовых линий. Таким образом, этнос становится системой колебаний пассионарного поля. Создают его пас-

сионарные особи, связанные положительной комплиментарностью (очевидно, частота колебаний их индивидуальных полей совпадает или гармонична). При этом охватываются особи не пассионарные, но получившие тот же настрой путем пассионарной индукции.

При взаимодействии этносов ритмы их пассионарных нолей накладываются друг на друга. При этом возникает либо гармония, когда фазы колебания идут в унисон, либо дисгармония. В первом случае возможно этническое слияние, ассимиляция либо плодотворные этнические контакты; во втором — нарушение ритма одного или обоих полей, что расшатывает системные связи этносов и при неблагоприятных условиях способно привести к гибели участников такого контакта. Так Гумилев подводит объективную основу под чувство комплиментарности — деления на «своих — чужих», являющегося важнейшей характеристикой этноса (см. также § 5.3).

Дуалистическая теория этноса. Разработана коллективом ученых Института этнологии и антропологии во главе с Ю.В. Бромлеем. Согласно взглядам авторов этой концепции, человечество, будучи единым целым в биологическом отношении, развиваясь по общим социальным законам, вместе с тем распадается на множество исторически сложившихся общностей. Среди этих общностей особое место занимают этносы, которые представляют собой особую форму человеческой групповой интеграции и отличаются чрезвычайно устойчивыми связями и отношениями, сохраняющимися при различных: формах социальной организации.

В обоснование своей теории Бромлей и его коллеги выделяют два основных понятия, которыми оперируют при разработке всех положений концепции, — этнос и этникос. Этнос (этническая общность) трактуется ими как особый исторически возникший тип социальной группы, особая форма коллективного существования людей, складывающаяся и развивающаяся естественно-историческим путем. Она не зависит непосредственно от воли отдельных входящих в нее людей и способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства. К этому очень абстрактному определению этноса добавляется его определение в узком смысле, называемое этникосом: исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), зафиксированным в самоназвании (этнониме).

Характер этносов в значительной степени определяется социально-экономическими условиями их жизнедеятельности. Термин «этносоциальный организм», введенный Бромлеем, устанавливает связь этноса с исторической стадией его развития, в первую очередь с общественно-экономической формацией. Этносоциальный организм есть ядро этноса, проживающего в условиях того или иного социума. Внешние социально-экономические, естественно-географические и иные факторы сами по себе не зависят от этноса, но действуют таким образом, что могут изменять отдельные этнические характеристики.

Исходя из основных положений своей теории, авторы пытаются объяснить некоторые этнические явления и проблемы. В частности, анализируются понятия расы, класса и этноса. Рассматривая соотношение классов и этносов, они отмечают, что по своей сущности класс и этническая общность не совпадают, поскольку этносы состоят обычно из нескольких классов. Да и отдельные этнические группы, как правило, включают представителей разных классов. Тем самым этнос и класс являются как бы взаимодополняющими элементами социума.

Рассматривая «расово-этническую» проблему, Бромлей отмечает, что расы характеризуются общими наследственными физическими особенностями, связанными с единством происхождения и определенной областью распространения. В этом вопросе центральным является тезис о «несовпадении расового и этнического деления человечества». «Совершенно неправомерно положение о том, что расовое единство является обязательным единством любой этнической общности, любого народа» (Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 278). Эта точка зрения весьма значительно отличается от подхода западной антропологии, согласно которому восприятие физических (внешних) различий служит основанием для маркирования этнических границ.

Информационная теория этноса. Примером инструменталистского подхода к этничности в отечественной этнологии служит информационная концепция этноса Н.Н. Чебоксарова и С.А. Арутюнова. Они предлагают описывать механизм существования всех этнических общностей на основе связей, которые могут быть описаны в рамках понятий информации. Эти информационные связи существуют в виде различных форм коммуникаций. Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации. Информация передается разными путями — в форме речи, показа, подражания. Также в понятие «информация» входит культурная традиция народа, его творческое наследие.

Информационная модель очень удобна для объяснения сегодняшнего всплеска этничности. Она позволяет взглянуть на этнос не только как на средство достижения экономических и политических целей, но и как на способ удовлетворения фундаментальной потребности в определенной психологической стабильности. Исследователи все больше соглашаются с тем, что обращение к глубинным этническим ценностям — это защитная реакция человеческой психики на сложность, обезличенность, суетность и неустойчивость современной жизни. Этнос играет роль как бы информационного фильтра, необходимость в котором возникает в связи с особенностью современной жизни усиливать психологическую потребность в устойчивых жизненных ценностях.

Эта потребность объясняется тем, что человек как вид сформировался в принципиально иной информационной ситуации, нежели та, в которой он оказался сейчас. На протяжении всей истории человек обычно получал социально-значимую информацию от достаточно малочисленной, четко определенной по составу группы. Он привык жить в небольших поселках, жители которых знают друг друга в лицо. Стабильность состава группы, наследование принадлежности к ней из поколения в поколение способствовали тому, что среди ее членов преобладало общее видение мира, Т общее представление о ценностях, нормах поведения, смысле жизни. Вследствие этого социальная информация, поступавшая к человеку, была относительно однородна, циклична, упорядочена и требовала более однозначной реакции, чем сейчас.

В современном обществе человек одновременно входит во множество слабо связанных друг с другом групп, каждая из которых предъявляет свои требования к его поведению, не только не согласующиеся, но часто противоречащие друг другу. Поэтому психологические механизмы реакции, сформировавшиеся в процессе становления человека как вида, не соответствуют новой информационной ситуации. Как известно из результатов исследований психологов, информационные возможности человека лимитированы и не могут развиваться беспредельно без нанесения непоправимого урона личности. В силу этого обстоятельства его стремление к стабильности становится значимым мотивом поведения. И здесь этнические ценности с их стабильностью, наследуемым статусом, имеют неоспоримое преимущество перед другими. Чем больше расхождение между информационными возможностями среднего человека и сложностью информационной ситуации, тем сильнее эмоциональная сторона этнического самосознания — чувство принадлежности к своему народу, стремление к использованию национального языка, к возрождению моральных ценностей, традиционных трудовых навыков.

Ведь человек воспринимает мир не как хаотичный поток образов, символов и понятий. Вся информация проходит через картину мира, представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко зафиксированную в нашем сознании. Эта картина мира пропускает только ту информацию, которая ею предусмотрена. Ту информацию, о которой у нас нет представления, нет соответствующего термина (названия), мы просто не замечаем (например, до открытия элементарных частиц ученые и философы считали, что мельчайшей частицей вещества являлся атом; пока не появились соответствующие понятия, существование этих частиц не оказывало никакого влияния на жизнь человека). Весь остальной поток информации структурируется картиной мира: отбрасывается неважное с ее точки зрения, фиксируется внимание на важном. Основу картины мира составляют этнические ценности, поэтому важность информации оценивается с этнических позиций. Именно так этничность выступает в роли информационного фильтра, сужая спектр допустимых и желаемых реакций человека на ту или иную жизненную ситуацию.

Поэтому пока существуют естественные ограничения воспроизводства и переработки информации каждым индивидом, сохраняются и объективные основания этнокультурного многообразия человечества. Именно функция этноса как стабилизатора соционормативной информации, базирующейся на ограниченности личностных информационных возможностей, делает этнос важнейшим элементом социальной культуры современного общества.

Системно-статистическая, или компонентная, теория. В соответствии с этой теорией, предложенной Г.Е. Марковым и В.В. Пименовым, этнос рассматривается как исторически возникшая и эволюционирующая, сложная, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многосоставной композицией (структурой). Структурными образованиями высшего порядка являются компоненты, которые сами имеют сложное строение. К ним относятся: расселение этноса; его воспроизводство

и свойственная ему демографическая структура; производственно-экономическая деятельность и ее характер; система социальных отношений и институтов; язык и разнообразные формы речевой деятельности; создание, использование и сохранение культуры; быт или устойчивые стереотипные способы ритмичного поведения, которые реализуются в обычаях, социальных привычках, обрядах и т.п.; существенные стороны психологического восприятия своего этноса и общей этнической картины мира; и, наконец, система личностного контактирования и взаимодействия.

Число компонент может меняться в зависимости от каждого конкретного случая, но при этом все они связаны друг с другом. Каждая компонента этноса теоретически и инструментально раскладывается на соответствующее количество признаков — индикаторов, с помощью которых описываются разные стороны реальных этносов.

По мнению авторов теории, компонентное описание и изучение каждого конкретного этноса удобны в том отношении, что они открывают возможность применения методов системного подхода и вариационной статистики. Создание инструментария (стандартных вопросников и т.п.), использование выборочного метода, машинная обработка собранных данных и их анализ на основе математической теории информации — все это открывает широкие возможности для моделирования структуры этноса и машинной имитации этнического процесса.

Представленные теории и концепции этноса и этничности позволяют сделать вывод, что этнос и этничность — это одновременно и рациональное, и иррациональное явления, со всеми присущими им атрибутами. Только в совокупности всех точек зрения и подходов можно более или менее составить представление об этничности и этносе, приближенное к реальности.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1992.
Козлов В.И. Проблематика «этничности»//Этнографическое обозрение. 1995. №4.
Краткий этнологический словарь. М., 1995.
Русский этнос и русская школа в XX веке. М., 1996.
Народы и религии: Энциклопедия. М., 1998.
Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. №1-2.
Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.

Глава 4. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

§ 4.1. Этническая история Земли. § 4.2. Этнические процессы XX в. § 4.3. Географическая классификация. § 4.4. Антропологическая классификация. § 4.5. Языковая (лингвистическая) классификация. § 4.6. Хозяйственно-культурная классификация

§ 4.1. Этническая история Земли

Двенадцатого октября 1999 г. в столице Боснии Сараево эксперты ООН провели символическую церемонию в честь появления шестимиллиардного жителя Земли. Сама церемония носила условный характер, так как в этот же день на нашей планете родилось около 260 тыс. младенцев. Ее значение состояло в том, чтобы официально отметить очередной рубеж в развитии процесса антропогенеза, который начался, по оценкам ученых, около 4 млн. лет тому назад.

На протяжении многих тысячелетий население планеты росло чрезвычайно медленно, что может быть объяснено большой зависимостью человека от природы на ранних этапах его истории. К концу палеолита (примерно 15 тыс. лет назад) общая численность людей на Земле достигала приблизительно 3 млн., а средняя плотность населения не превышала 8-10 человек на 100 кв. км. На этом этапе своей истории человек освоил менее трети современной ойкумены (примерно 40 млн. кв. м), на всей остальной территории люди встречались чрезвычайно редко. Это было во многом связано с присваивающим типом хозяйства (собирательство, охота, рыболовство), требовавшим обширной территории для обеспечения жизнедеятельности небольшой группы людей.

Переход к оседлому образу жизни, распространение земледелия и скотоводства, начавшиеся на Ближнем Востоке около 10 тыс. лет назад, существенно ослабили зависимость человека от природной среды и стимулировали рост численности населения. В результате 4—5 тыс. лет тому назад население Земли ориентировочно составляло 25 млн. человек. При этом основные центры расселения находились в Древнем Египте, Месопотамии, Индии, в долинах рек Хуанхэ и Янцзы, в Средней Азии. Вся последующая этническая история непосредственно связана с развитием и совершенствованием хозяйственной деятельности человека (улучшение агротехники, создание новых орудий труда, одомашнивание новых видов животных). В силу этих факторов население стало расти значительно быстрее. К началу нашей эры его общая численность достигла, но предположениям этнологов и антропологов, 150—250 млн. Однако многие регионы оставались совсем не освоенными или освоенными очень слабо. Данные археологии и палеонтологии свидетельствуют, что около 70% населения было сосредоточено в Азии, прежде всего в Китае (50 млн человек) и на юге (35 млн), а также в Римской империи (48 млн). На долю этих трех регионов приходилось около 4/5 жителей планеты.

За двадцать веков нашей эры общая численность населения увеличилась в 10 раз, хотя этот процесс развивался неравномерно. Были периоды, ко-

гда численность не возрастала или даже снижалась из-за многочисленных войн, нашествий, эпидемий. Так, в XIV в. от эпидемии чумы только в Европе погибло более четверти всех жителей. Поэтому за первую тысячу лет нашей эры население мира увеличилось всего в 1,5 раза. На рубеже I и II тысячелетий по-прежнему основная часть населения проживала в Южной Азии (79 млн) и в Китае (66 млн). На долю этих регионов приходилось 55% человечества. В Европе наиболее заселенными странами были Франция, Италия и Испания.

К середине II тысячелетия население земного шара возросло в 1,6 раза. Особенно быстро этот процесс шел в Европе и России (рост более чем вдвое). Китай в этот период стал самой населенной страной (110 млн). Резко возросло население Японии (с 4,5 млн в 1000 г. до 17 млн в 1500-м). Самыми населенными странами Европы оставались Франция (115 млн) и Италия (10 млн), а место Испании заняла Германия (9 млн). Численность населения Африканского континента в это время почти не изменилась.

Резкое ускорение роста населения планеты началось во второй половине XVIII в. В это время произошел первый «демографический взрыв». Если с 1500-го по 1750 г. население увеличилось примерно на 300 млн человек, то с 1750-го но 1900 г. — на 910 млн. Особенно резкое увеличение темпов прироста отмечалось во второй половине XIX в., что объясняется начавшимся снижением смертности, особенно детской, и увеличением средней продолжительности жизни.

За четыре столетия второй половины II тыс. (с 1500-го по 1900 г.) существенно расширилась и география населения. В результате Великих географических открытий сложились интенсивные миграционные потоки, особенно в страны Америки и Австралию, где число жителей увеличилось соответственно в 10,4 и в 19 раз. Население в России и Европе в эти века росло намного быстрее, чем в Азии и Африке. Так, в России численность увеличилась в 8,1, в Европе в 4,1 раза, тогда как в Азии — в 3,4, а в Африке — только в 2,4 раза.

В результате к началу XX в. самой населенной страной оставался Китай (475 млн человек), за ним следовали страны Южной Азии (290 млн). Третье место занимала Россия (130 млн), затем США (76 млн), Япония (45 млн), Германия (43 млн), Франция (41 млн), Индонезия (38 млн), Великобритания (37 млн). Остальные страны по численности населения значительно отставали от них.

§ 4.2. Этнические процессы XX в.

На протяжении XX столетия население Земли увеличилось более чем на 3 млрд человек, или практически в 3 раза. При этом быстрее всего росло население Латинской Америки (в 6,1 раза) и Африки (в 4,7), медленнее всего — СССР (в 2,1) и Европы (в 1,7). Причины этого дисбаланса следует искать в миграционных потоках (они значительно ускоряли рост населения в Северной и Латинской Америке, Австралии и Новой Зеландии), последствиях двух мировых войн, очень быстрых темпах естественного прироста населения в развивающихся странах после Второй мировой войны. Темпы прироста насе-

ления Земли на протяжении всего XX столетия были как никогда ранее интенсивными. Так, численность населения мира в 1 млрд была достигнута примерно в 1820 г.; 2 млрд —в 1927-м (через 107 лет); 3 млрд — в 1959-м (через 32 года); 4 млрд — в 1974-м (через 14 лет); 5 млрд — в 1987-м (через 13 лет); 6 млрд — в 1999-м (через 12 лет). В конце столетия население в двух странах превысило 1 млрд: Китай — 1,2 млрд и Индия — 1 млрд, а в семи странах численность населения составляет более 100 млн человек (США, Индонезия, Россия, Бразилия, Япония, Нигерия, Пакистан).

Всего в мире в настоящее время насчитывается 226 суверенных государств, имеющих постоянное население. Однако распределено это население очень неоднородно. В отмеченных выше государстве проживает более 60% жителей Земли, при этом в 62 крупных и средних государствах (с населением свыше 10 млн человек в каждом) сосредоточено почти 95% всего населения. И наконец, существует 38 карликовых стран (с числом жителей менее 100 тыс.), в которых живет в совокупности около 1 млн человек.

Как и на всем протяжении этнической истории человечества, этнодемографические процессы XX столетия не отличались ритмичностью и устойчивостью. В первые четыре десятилетия население Земли увеличилось всего на 665 млн человек, т.е. ежегодно оно возрастало в среднем на 16,6 млн. В это время в странах Азии и Африки смертность была значительно выше, чем в других регионах, а естественный прирост — сравнительно низким. Высокая рождаемость в странах этих регионов (более 4% в год) была обусловлена ранними браками и традицией многодетных семей. Последнее обстоятельство было вызвано, в свою очередь, высокой детской смертностью, угрожавшей оставить родителей без потомства. Частые неурожайные годы, порождавшие голод и эпидемии, уносили ежегодно сотни тысяч, а иногда и миллионы жизней.

Свое влияние на этнические процессы оказали экономический кризис начала 1930-х гг. и политические отношения ведущих мировых держав. Среднегодовой прирост населения в эти годы в целом по миру сократился до 1%, а в некоторых развитых странах даже появились признаки депопуляции. Например, во Франции в 1935 г. число смертей превысило число рождений. Резко упал прирост населения в США, почти на 30% снизились темпы прироста населения в Азии. Избежали этого процесса лишь страны Латинской Америки – там среднегодовой прирост населения составил 1,8%).

Среди причин, значительно повлиявших на этнические процессы 1940-х гг., самой значительной, безусловно, стала Вторая мировая война. Одни только прямые людские потери превысили 50 млн. человек, из которых примерно половина пришлась на Советский Союз. Что же касается косвенных потерь, связанных со снижением рождаемости и увеличением смертности (во многих странах рождаемость в военные годы была ниже смертности), то они, по приблизительным подсчетам, были в 2,5 раза выше прямых потерь (человечество «недосчиталось», по крайней мере, 175 млн.). Довоенный уровень численности населения в странах Европы был достигнут в 1947 г., а в Советском Союзе — в 1955 г.

Однако в странах Америки и в Австралии в военные годы численность населения росла ускоряющимися темпами. Прежде всего это относится к Латинской Америке, где среднегодовой прирост достиг 2,5% за счет иммигрантов, переезжавших туда в первые послевоенные годы из разоренной Западной Европы.

Этнические процессы середины столетия коренным образом отличались от двух предыдущих десятилетий. Главным фактором, определяющим этническую ситуацию в мире, стал глобальный демографический взрыв 1950—1960-х гг., который качественно и количественно отличался от всех предыдущих. Дело в том, что в послевоенное время в большинстве стран мира произошло резкое падение показателей смертности населения, тогда как рождаемость не превышала средних показателей. В результате среднегодовой прирост населения практически во всех странах увеличился и достиг к середине 1960-х гг. в среднем по миру 2%, а в некоторых странах Южной Америки, Африки и Азии превысил 3%. В итоге численность населения многих стран с 1950-го по 1983 г. более чем удвоилась. В то же время в большинстве стран Европы за этот же период население увеличилось менее чем на 25%.

В 1970-х гг. в Европе демографический взрыв сменился быстрым снижением рождаемости и темпов естественного прироста. Процесс был настолько значительным, что даже среднегодовой абсолютный прирост населения в начале 1980-х гг. оказался на 1 млн. человек ниже, чем десятилетием ранее. В большинстве стран Северной и Западной Европы отмечалось простое воспроизводство населения. Эта тенденция там и сегодня является определяющей в этнических процессах. Так, если считать границей низкой рождаемости 15 рождений на каждую 1000 человек, то ее уже перешли почти две трети европейских стран.

В последние два десятилетия XX в. темпы прироста населения снижались и в Азии, хотя и довольно медленно (с 2,2% в год в 1960-х до 1,8% — в начале 1980-х гг.). Лишь в арабских странах, Пакистане, Малайзии и на Филиппинах темпы прироста населения продолжают традиционно оставаться высокими, а регион в целом дает по-прежнему более 60% всего прироста населения мира.

В странах Латинской Америки уровень смертности резко снизился сразу после Второй мировой войны, что при неизменном уровне рождаемости выдвинуло регион на первое место в мире по темпам роста населения. Однако с середины 1960-х гг. рождаемость и здесь начинает довольно резко падать, что привело в последние 20 лет минувшего века примерно к одному уровню прироста (немного более; 8 млн. человек в год).

Иным образом развиваются этнические процессы в Африке, где в течение всего послевоенного времени наблюдаются самые высокие уровни рождаемости и смертности. Однако, с начала 1960-х гг. смертность там стала снижаться; при неизменном уровне рождаемости это обеспечило непрерывный естественный прирост населения вплоть до настоящего времени. В конце 1960-х гг. Африка по темпам роста населения обогнала Латинскую Аме-

рику. Ежегодный прирост населения Африканского континента составил в последнее десятилетие XX в. более 15 млн. человек.

Таким образом, этническая картина мира на протяжении всей истории человечества оставалась пестрой. Чтобы лучше понять все многообразие глобальных этнических процессов, нужно научно классифицировать народы мира. Однако сложность, многовариантность, историческая изменчивость этнической картины порождают различные виды классификаций. Взятые по отдельности, они не дают исчерпывающей этнологической характеристики отдельного народа, рассмотренные же в единстве — позволяют систематизировать этносы по широкому кругу признаков.

В современной этнологии принципы и основания научной классификации этносов разнообразны. Они разработаны на основе собственно этнологических методов и методов смежных наук и базируются на критериях, отличающих одни этносы или этнические группы от других. При этом в зависимости от конкретных задач того или иного исследования критериев может быть довольно много. Одни из них основаны в первую очередь на исследовании этнической принадлежности народов, их происхождения и путей формирования; здесь первостепенное значение имеют данные сравнительно-исторического языкознания, антропологии, систематизированные сведения о материальной и духовной культуре. Другие исходят из анализа явлений, свойственных разным народам и их группам, независимо от этнической принадлежности, наличия или отсутствия культурных контрактов: прежде всего признаков хозяйственной деятельности, зависевших в прошлом в большей мере от природно-географических условий, экологии и значительно меньше — от этнических и культурных традиций. Это касается группировки народов по уровню развития социальных отношений, а также религиозной принадлежности.

Исходя из критериев совокупных антропологических признаков, совместного проживания на одной или нескольких территориях, типа этнической общности, общих особенностей быта и культуры, общей исторической судьбы, языкового родства, все народы можно разделить по следующим основаниям: географическому, антропологическому, языковому и хозяйственно-культурному.

§ 4.3. Географическая классификация

Данная классификация этносов позволяет выделить условные географические регионы расселения народов. Она используется главным образом при внешнем описании народов и в некоторых случаях, когда пространственное расселение народов может иметь существенное значение, — при решении этнологических проблем.

Классификация опирается на факт географического соседства народов и отражает совместный характер их проживания в пределах какой-то определенной, чаще всего обширной территории. Так появились понятия «народы Кавказа», «народы Восточной Европы» и т.д. Но подобное объединение возможно лишь в той мере, в какой географический принцип классификации совпадает с этническим. Географическая классификация не отвечает на во-

просы о происхождении народов, процессах их формирования, хозяйственном и культурном облике, об уровне социально-экономического развития, но позволяет пространственно упорядочить и распределить этносы по регионам. На более низком уровне, в пределах небольших территорий использование географической классификации приводит к непримиримым противоречиям с представлениями о родстве этнических групп. Поэтому географическая классификация носит вспомогательный характер и ею пользуются лишь в той степени, в какой она совпадает с группировкой народов по другим критериям, т.е., как мы уже отмечали, в рамках крупных регионов.

Единой, принятой во всех странах географической классификации не существует. Самое простое деление: народы Австралии и Океании, народы Азии, народы Америки, народы Африки, народы Европы. Именно этой классификацией мы пользовались, описывая этническую картину мира и происходящие в нем этнодемографические процессы.

§ 4.4. Антропологическая классификация

Согласно научной отечественной традиции, антропология как наука изучает процесс происхождения человека, его эволюцию, расогенез, морфологические и физические особенности. Поэтому антропологическая классификация основана на принципе деления народов по расам; акцент делается на биологическом, генетическом родстве различных этнических групп. Одним из создателей расовой (антропологической) классификации является французский ученый Франсуа Бернье (1684), которому принадлежит также авторство самого термина «раса».

При исследовании антропогенеза и расогенеза современная наука исходит из убеждения, что биологически человечество едино, все люди нашей планеты относятся к одному биологическому виду.

Но существует бесспорная биологическая реальность фенотипического разнообразия людей, т.е. люди физически (телесно) различаются. Обычно эти различия определяются визуально (цвет кожи, черты лица, строение скелета, тип волос и т.д.). Особенно они заметны между группами людей, территориально удаленными друг от друга и живущими в различных естественно-географических условиях. Наблюдаемое фенотипическое разнообразие отражает прежде всего способность любых форм жизни к эволюции, через механизм которой и возникает разнообразие человеческих типов. В повседневной жизни и в науке различия между физическими типами людей обычно называют расовыми. Они представляют собой адаптации этносов к особому типу природных условий и всегда имеют групповой характер, выявляясь полностью только при сопоставлении человеческих коллективов. Расовые различия всегда наследственны: они передаются от родителей к детям на протяжении многих поколений. Поэтому для изучения этих различий огромное значение имеют данные науки о наследственности — генетики. Понятно, что сходство многих наследственных физических признаков у разных людей или целых групп служит веским доказательством общности их происхождения или генетического родства.

Основные расы, как предполагают ученые, формировались приблизительно в период 40—16 тыс. лет до н.э. Однако процесс расогенеза на этом не закончился, он продолжался и позднее. Параллельно с возникновением рас происходило их постоянное смешение, вследствие чего «чистых» рас в мире не существует, все они обнаруживают те или иные признаки смешанности. Здесь же складывалось много промежуточных антропологических типов, сочетающих себе разные расовые признаки.

В антропологии и этнологии среди рас современного человечества принято выделять наиболее крупные подразделения, называемые большими расами или расами первого порядка. Внутри них выделяются расы переходные, смешанные (второго, третьего порядка), которые складывались, по всей видимости, позднее. Переходными принято называть расы, сформировавшиеся в столь отдаленные времена, что теперь трудно установить, являются ли они результатом смешения двух рас или же сохраняют древние черты, существовавшие у больших расовых стволов до их расчленения. Смешанные же расовые тины образовывались не только в древности, но и в Средневековье, Новое и Новейшее время (в процессе метисации).

К важнейшим *расовым признакам* относятся следующие.

• Форма волос, где учитываются две особенности: жесткость и извилистость. Площадь сечения жесткого волоса вдвое больше, чем мягкого. По извилистости волосы разделяют на прямые, широковолнистые, узковолнистые, курчавые разных степеней. Извилистость волос определяется расположением их корней в коже и формой поперечного сечения волоса. Прямой волос выходит из кожи под углом, близким к прямому, и корень его не имеет изгиба. У волнистых волос корень изогнут и угол выхода более острый. У курчавых волос- изгиб корпя еще больше, а угол выхода еще меньше. Поперечное сечение прямых волос по форме близко к кругу, а волнистые и курчавые имеют овальное сечение.

• Третичный волосяной покров, появляющийся в период полового созревания. Его развитие оценивается в баллах от 1 (очень слабое) до 5 (очень сильное). При этом учитывается густота волос и площадь поверхности кожи, которую они занимают: особое внимание обращается на усы и бороду мужчин.

• Цвет кожи: изменяется в диапазоне от бледно-розового до темно-коричневого и почти черного. Шкала цветов кожи насчитывает до 36 оттенков. Наиболее светлая кожа — у жителей Северной Европы, наиболее темная — у жителей Центральной Африки.

• Цвет волос: принято различать черные, темно-русые, светло-русые, белокурые, рыжие.

• Цвет глаз (окраска радужной оболочки): темные глаза — черные, карие, желтые; глаза смешанных или переходных цветов — желто-зеленые, зеленые, серые; светлые глаза — светло-серые, голубые, синие.

• Рост: средняя длина тела составляет 165 см у мужчин и 154 см у женщин. Наименьший средний рост на планете зафиксирован у пигмеев бассейна реки Конго — 141 см для взрослого мужчины; самым высоким средним ростом — 182 см — отличаются люди, живущие южнее озера Чад; средний рост выше 175 см имеют черногорцы, шотландцы, шведы, норвежцы, полинезийцы.

• Пропорции тела — но соотношению длины конечностей к длине тела, ширине плеч и таза выделяют следующие тины фигур: а) брахиморфный («брахис» — короткий, «морфо» — форма) — относительно короткие руки и ноги, длинное туловище, широкие плечи и таз; б) долихоморфный («долихос» — длинный) — сравнительно длинные конечности, короткое туловище, узкие плечи и таз; в) мезоморфный («мезос» — средний) — занимает промежуточное положение между первыми двумя.

• Параметры головы — здесь основным показателем является соотношение ширины головы (поперечный диаметр) к длине (продольный диаметр), выраженное в процентах; менее 75,9%—доликефалия («кефалос» — голова); 76—80,9 — мезокефалия; более 81% — брахикефалия.

Кроме указанных выше признаков в антропологии отмечают также ширину, высоту, горизонтальную профилировку лица, выступание челюстей («прогнатизм»), наличие эпикантуса (складка кожи верхнего века у внутреннего угла глаза, прикрывающая слезный бугорок), параметры носа, высоту и толщину губ.

С учетом всех отмеченных признаков можно определить расы как территориальные группы людей, выделяемые на основании генетического родства, которое проявляется во внешнем физическом сходстве по многим

признакам. При этом далеко не все телесные наследственные особенности могут считаться расовыми, а только те из них, которые имеют известный ареал своего обитания. Наследственный характер и наличие определенного географического ареала — вот два необходимых условия для того, чтобы какой-нибудь конкретный физический признак мог считаться расовым.

Совершенно очевидно, что все расовые признаки являются второстепенными, несущественными для общего направления биологической эволюции и исторического развития человечества. Несомненны видовое единство всех современных людей, общность происхождения рас. Изучение расовых признаков очень важно для доказательства единства происхождения человечества и равноправия народов, для разрешения многих биологических и исторических проблем, связанных с происхождением человека и рас, их расселением на Земле, смешением и взаимодействием. Хотя расовые признаки сами по себе не имеют ничего общего с уровнем общественно го развития, признаки эти во многих случаях служат показателями родства и взаимодействия народов, своего рода «метками», по которым можно проследить исторические судьбы разных этнических общностей.

Особенно удобно это делать, определяя расовые признаки, связанные с тонким внутренним строением разных тканей и органов. К числу подобных признаков, имеющих определенные территории распространения, относятся многие свойства крови, в том числе группа крови и резус-фактор. Так, у европейцев группа крови А встречается чаще, чем В, тогда как в Азии, напротив, число жителей с кровью группы В максимально. Также есть интересные данные по особенностям строения зубов, узоров на пальцах и ладонях, цветослепоте, пробе вкуса на фенилтиокарбамид и т.д.

Антропологическая классификация имеет особое значение для этнологии, поскольку язык и культура могут распространяться и без перемещения антропологических типов, но носители определенных расовых признаков никогда не переселяются, не принося с собой определенной культуры и языка. Когда масса населения, почти однородная по антропологическому составу, разделена на этнические группы, говорящие на разных языках, то следует искать в прошлом их историческую общность. Границы антропологических типов часто совпадают с историко-этнографическими областями.

В отечественной и зарубежной антропологии до сих пор отсутствует единая система классификации рас. Наиболее распространенной является классификация, в соответствии с которой выделяются четыре большие расы: 1) европеоиды (евразийская раса); 2) монголоиды (азиатско-американская раса); 3) негроиды (африканская раса); 4) австралоиды (океанийская раса).

У европеоидов беловатый или смугловатый цвет кожи, волосы самых разных оттенков, волнистые или прямые, обычно мягкие, растут на лице и на теле, нос — узкий, выступающий, а вот скулы выступают слабо, губы тонкие или средней толщины. Глаза разных оттенков, широко открыты, оси их горизонтальны, складка верхнего века, частично прикрывающая его наружную поверхность, отсутствует или развита слабо. Челюстная часть лица почти не выступает вперед.

У австралоидов цвет кожи темный, волосы курчавые или волнистые, темные и жесткие, скулы выступают вперед умеренно, а челюстная часть лица — значительно, нос широк, губы толстые. На лице и на теле обильно растут волосы.

У монголоидов цвет кожи желтоватый или темно-смуглый, волосы большей частью тугие (жест-

кие), прямые. Окраска волос и глаз, как правило, черная или темно-коричневая, борода и усы у мужчин появляются поздно и редко достигают большой густоты. Лицо широкое и высокое, уплощенное — скулы сильно выступают, а нос — слабо. Глаза нередко узкие, оси их наклонены, складка верхнего века сильно развита, часто доходит до ресниц. Характерен также эпикантус. Эти признаки свойственны азиатской ветви расы.

Ау индейцев Америки, тоже принадлежащих к монголоидам, лицо совсем не плоское, на нем выдается крупный нос, часто даже с горбинкой. Эпикантус развит слабо. Цвет кожи — красноватый.

Для негроидов характерны курчавые, жесткие, черные волосы, очень темный (до шоколадно-коричневых оттенков) цвет кожи, карие глаза. Борода и усы растут плохо, как и у монголоидов. Лицо узкое и низкое, скулы выступают слабо или умеренно. Ширина носа очень велика, почти равна его высоте. Глаза, как и у европейцев, широко открыты, горизонтально расположены, складка верхнего века небольшая. Челюстная часть нередко выступает вперед. Слизистая оболочка рта сильно или даже очень сильно выступает наружу.

Европеоиды сегодня населяют не только Европу. Они занимают нею Северную Африку (алжирцы и египтяне), запад Азии (турки и арабы), Сибирь (русские), почти весь Кавказ, часть Средней Азии, Ирак, Афганистан, Индию. За последние четыреста лет представители этой расы составили большинство населения (Неверной Америки и многих стран Южной Америки.

Негроиды живут в Африке, на многих островах Тихого океана; очень много в свое время их было завезено в Америку, где и сегодня живут их потомки.

Австралоиды, во многом близкие к негроидам, живут в Австралии, Меланезии.

Монголоиды (азиатская ветвь) населяют Китай, Вьетнам, Японию, Индонезию, Филиппины. К ним относятся казахи, киргизы, некоторые другие народы Средней Азии, коренные народы Севера и Дальнего Востока.

В составе больших рас выделяют 25 малых (их называют иногда этногенетическими пучками или локальными расами). Между большими и малыми расами существует много переходных форм. Например, между негроидами и европеоидами — эфиопы и мулаты; между монголоидами и австралоидами — южноазиатская раса, японцы и т.д.

Расы не могут не смешиваться между собой. Поэтому сейчас у многих людей, на первый взгляд представляющих собой «чистый» тип той или иной большой расы, антропологи находят признаки, свидетельствующие о древних или сравнительно недавних смешениях крови. Так, знаменитый Александр Дюма, автор «Графа Монте-Кристо» и «Трех мушкетеров», был внуком негритянки, а Александр Пушкин — потомком не только знатных русских родов, но и «арапа Петра Великого», привезенного в Россию из Северо-Восточной Африки.

Это же происходит и с целыми народами. Например, 4—5 тыс. лет назад из Азии в Европу пришли племена, бывшие предками индоевропейцев. С собой они принесли признаки монголоидной расы. Смешавшись с представителями европеоидных народов, они оставили общим потомкам некоторые особенности своей внешности. Поэтому взгляд специалиста отмечает у некоторых жителей Эстонии разрез глаз и некоторую уплощенность лица, близкие к монгольскому.

С юга в Европу в течение тысячелетий проникали африканцы. Примесь их крови антропологи отмечают не только у испанцев, португальцев, итальянцев, жителей юга Франции, но и дальше — на северо-западе, в Ирландии.

Вообще, вся история человечества представляет собой историю переселений и завоеваний. Но если народы-завоеватели оказывали довольно большое влияние на культуру завоеванного народа, то антропологические последствия переселений были куда менее заметны. Ведь завоевателей не

может быть слишком много, во всяком случае, их значительно меньше, чем коренного населения, даже если часть его истребляется в ходе нашествия. Во внешности общих потомков наследие побежденных чаще всего оказывается гораздо заметнее, чем наследие победителей.

По этим следам антрополог может узнать многое об истории народа, не отраженной ни в фольклоре, ни в письменных источниках, которые предпочитают умалчивать о подобных вещах. Всегда приятнее происходить от победителей, чем от побежденных. Так и появляются многочисленные мифы об истории и происхождении разных народов. И лишь антропологические исследования могут вычленить в них рациональное зерно.

Этническая картина Российской Федерации достаточно пестрая в расовом аспекте, так как в ней проживает 10 малых рас (свыше 130 наций, народностей и этнических групп). Самый большой этнос — русские (120 млн.), самая маленькая этническая группа — керки (около 100 человек). Такое разнообразие этнологи объясняют тем, что по территории нашей страны проходит граница между основными ареалами двух больших рас — европеоидной и монголоидной. Процессы расового смешения имеют здесь многовековую историю. Поэтому россиянам никогда не был свойствен расизм как неприятие представителей какой-либо расы.

К сожалению, в целом для человечества характерны и этноцентризм, и расизм. Еще древнегреческий историк Фукидид сообщал, что персы самым лучшим на свете народом считают себя, а относительно других народов полагают, что чем дальше они живут от Персии, тем они хуже.

Европейская наука (этнология, антропология, культурология) пыталась подвести научную базу под эти взгляды. Например, глубоко уважаемый в современной биологии Карл Линней, великий систематизатор живого мира, пытался систематизировать и человеческие расы. В его классификации американец — красноват, холерик, строен; европеец — бел, сангвиник, мясист; азиат — желтолик, меланхолик, крепкого сложения; африканец — черен, флегматик, дрябл. Линней также утверждает, что американец — упрям, доволен собой, свободолюбив; европеец — подвижен, остроумен, изобретателен; азиат — жесток, любит роскошь и скуп; африканец — лукав, ленив и равнодушен.

Но откровенно расистские концепции, обосновывавшие право на власть предпочитаемых рас (прежде всего европейцев), появились только в конце XVIII в. Особенно популярны они были в Америке, так как оправдывали рабство тем, что негры — низшая раса и не способны жить без постоянной опеки.

В 1853 г. вышел манифест расизма — книга французского графа Артура Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас». В этой книге объяснялось, что причина разного уровня развития народов и культур заключается в расовых особенностях жителей этих стран. При этом автор исходил из идеи полигенизма—учения, отрицающего единство человеческого рода, считающего, что каждая раса появилась вполне самостоятельно. Именно поэтому расы отличаются между собой не только по «красоте» и внешним признакам,

но и по психологическим качествам и умению создавать и усваивать культуру. Дикари являются таковыми постольку, поскольку они представители низших рас, и выше им никогда не подняться.

Низшей расой Гобино считал черную, несколько более развитой — желтую. Но единственно способной к прогрессу и созданию; полноценной культуры называлась только белая раса, особенно ее; элита — арийцы. Свой тезис Гобино доказывал, рассматривая развитие десяти известных в истории человечества цивилизаций (индийская, египетская, ассирийская, греческая, китайская, римская, германская, аллеганская, мексиканская и перуанская) и считая, что они созданы высшей разновидностью белой расы — арийцами. Чтобы доказать это, он использовал самые фантастические допущения (например, китайскую культуру якобы создала одна из ветвей белых людей, прибывших из Индии).

Идеалом для Гобино была германская культура времен Священной Римской империи. Но будущее человечества ему представлялось весьма пессимистически. Дело в том, что, создавая повсюду новые тины культуры, белая раса (включая арийцев) смешивалась с другими народами, теряла свою чистоту и изначальный импульс энергии.

Более наукообразное оформление подобные взгляды получили в теориях Ж. Ляпужа во Франции и О. Аммона в Германии. Они выдвинули тезис о зависимости психических качеств людей и их культуры от величины головного показателя (процентное отношение наибольшей ширины головы к ее наибольшей длине: чем длинного-ловее человек, тем он более одаренный, способный и т.д. Длинноголовые — представители европейской расы, создательницы великих культур. Если же среди европейцев обнаруживаются короткоголовые, то обычно это представители бедных слоев населения, потомки негерманского коренного населения, что и объясняет их «неполноценность».

Аналогичные концепции можно обнаружить у Л. Вольтмана, убежденного в превосходстве европеоидной (кавказской) расы, и у Х. Чемберлена, который высшей считал «тевтонскую» расу, наследницу «арийского духа».

В ответ на «научные» концепции расизма европейской науки, отражавшей во многом политику колониализма, постепенно начало формироваться движение со стороны бывших колониальных и зависимых народов, создавших собственные теории о своей расовой исключительности. Именно так появились идеи превосходства индийской, японской, африканской или китайской культур и народов над нынешними европейцами.

Еще в середине XIX в. в Латинской Америке возникло серьезное общественное течение под названием «индеанизм», ставившее своей целью улучшение положения индейцев. От утверждения, что индейцы — «тоже люди», они постепенно пришли к выводу о том, что индейская раса, самая лучшая и высшая, потенциально имеет возможность — и должна — стать самой высокой на Земле. В XX в. сторонники индеанизма уже утверждали, что только чистокровные индейцы имеют право жить на индейской земле. В Мексике в рамках этого течения возникло общество «касканес» («борцы за»),

члены которого требовали изгнания из Мексики всех, в ком течет хотя бы капля европейской крови.

В США девиз «черное — прекрасно», под которым выступали многие борцы за равноправие негров, у черных расистов приобрел новое значение: «белое — отвратительно». А в Африке в 1960-х гг. после освобождения многих африканских стран от колониальной зависимости появилась концепция «негритюда» (расизма наоборот). Ее создатель, Л.С. Сенгор (Сейегал), подчеркивал преимущества и особенности африканцев как детей природы, непосредственно сливающихся с ней, подчиняющихся ее ритмам, запахам, звукам. Африканская культура поэтому вся пронизана ритмами, связывающими ее с космическими колебаниями. Белый же человек — разрушитель, утративший гармонию в отношениях с самим собой, с другими людьми и природой. Если он не изменит своей культуры, его ожидают беды.

Говоря о значении антропологической классификации для этнологии, следует отметить ее ограниченный и в большой степени вспомогательный характер для исследования вопросов этногенеза, этнической истории, межкультурных коммуникаций и т.д.

§ 4.5. Языковая (лингвистическая) классификация

Среди различных видов классификаций этносов языковая (лингвистическая) классификация является, пожалуй, самой важной, поскольку она дает наиболее конкретное представление об этническом родстве народов, общих истоках происхождения той или иной культуры. Во всех сколько-нибудь полных мировых этнических обзорах народы, как правило, группируются в соответствии с принципом лингвистической принадлежности.

Языковая панорама современного мира отличается богатством и сложностью. Ученым известно около 6000 языков, на которых разговаривают различные этнические общности и группы. Причем только в редких странах люди говорят на одном языке, зато есть страны, где существует более сотни языков.

В настоящее время некоторые языки распространились далеко за пределы территории своего происхождения. Среди многих этнических общностей только часть разговаривает на языке, который считается родным. А на одном языке могут говорить и народы разного происхождения. Поэтому языковая принадлежность и этническое происхождение — явления неодинаковые. Однако исторически языковая и этническая принадлежность часто совпадают, что делает эту классификацию необходимой для идентификации этносов и этнических общностей.

В основе языковой классификации лежат два критерия: язык и этническая принадлежность. Язык вообще является основой человеческой культуры, так как представляет собой чисто человеческий способ передачи информации посредством системы специально производимых символов. Возникновение языка шло параллельно с развитием культуры и становлением современного человека.

Исследования лингвистов в области родства тех или иных языков

важны для этнологии как показатели близости культур и, соответственно, народов, говорящих на этих языках. Обычно при классификации языков народов мира с целью восстановления их генетического родства используются следующие основные разряды (таксоны): говор, диалект, язык, группа родственных языков, языковая семья. Родство языков может означать и родство по происхождению, но некоторые лингвисты полагают, что за время своего существования народ мог неоднократно менять язык, что ограничивает возможности использования лингвистических данных при решении этногенетических задач.

Язык — явление общественное и может существовать только в обществе. Возникновение общества и языка как средства передачи социальной информации было неразрывно связано с развитием трудового процесса. Языки подвержены самым различным изменениям: спонтанным, а также заимствованиям из чужого языка, вследствие чего наличие общих слов вовсе не обязательно свидетельствует об их родстве. Таким образом, языки проходят столь же сложный путь исторического развития, как и этнические общности. И так как этносы и языки часто совпадают, языковая классификация составляет одну из основ выделения этнических общностей и установления их происхождения.

Этнология в языковой классификации исходит из представления о взаимопонимании между людьми, принадлежащими к одной этнической группе. Наряду со взаимопониманием этнология учитывает также осознание людьми своей культурно-языковой близости с другими народами и этническими группами. В лингвистической классификации это описывается понятием «группа родственных языков». Например, все народы, говорящие на языке славянской группы индоевропейской языковой семьи, осознают исходное родство своих языков, даже если в общении они не понимают друг друга. Наконец, этнология учитывает родство между языками и культурами более отдаленного типа, обозначаемого лингвистами понятием «языковая семья». Лингвисты выделяют 12 языковых семей, охватывающих около 96% языков мира. В свою очередь, каждая из семей подразделяется на подсемьи, или ветви, состоящие из языков, более близких друг другу, чем языки других подразделений. Почти каждый язык имеет варианты, обусловленные социальными и географическими факторами. Такие варианты получили название диалектов.

Этнологический смысл языковой классификации заключается в том, что народы, принадлежащие к одной языковой семье, обычно имеют общие элементы в своей материальной и духовной культуре.

Одной из самых распространенных языковых семей, представленной на всех континентах Земли, является индоевропейская, время формирования которой ученые относят к эпохе бронзы. Она включает в себя все славянские, балтийские, германские, кельтские, романские, иранские, индоарийские языки, что говорит о родстве и единстве происхождения этих народов. Также объединение языков в одну финно-угорскую группу свидетельствует о родстве таких народов, как финны, карелы, эстонцы, венгры, ханты, манси.

В то же время есть языки, не причисленные ни к какой группе или семье: баскский, кетский, нивский, айнский и др.

Сейчас, конечно, родство этих, кажущихся совершенно разными, языков уловить сложно. Даже такие близкие народы, как русские, украинцы и белорусы, с трудом понимают речь друг друга. Русскому и поляку или сербу уже необходим переводчик. Обойтись без него мы могли бы двенадцать веков назад, когда южные, западные и восточные славяне были куда ближе друг к другу, чем сейчас. Три тысячи лет назад на одном языке говорили славяне, латыши и литовцы, а еще раньше — славяне и немцы. Праславянский и прагерманский языки были братьями, оба они отделились (вместе с языками кельтов, италиков и др.) от древнеевропейского языка. А тот, в свою очередь, вместе с индоиранскими языками вышел из лона общего индоевропейского языка. Разумеется, заметить сходство недавно отделившихся языков легче, чем тех, которые разделились уже давно. Но все же это было сделано. Так, еще четыреста лет назад итальянец Филипп Сассетти, побывав в Индии, первым заметил сходство итальянских и латинских слов с индийскими. Г. Лейбниц в XVIII в. обратил внимание на сходство финского и венгерского языков. М.В. Ломоносов писал о родстве греческого, латинского, русского и немецкого. Именно работы лингвистов в очень большой степени заставили европейцев осознать свое родство с другими народами мира.

Пирамида индоевропейских языков, которую мы только наметили, в свою очередь, лишь одна из составных частей еще более грандиозной языковой пирамиды ностратических языков. Ностратиче-скими (от лат. «наши») их назвал финский ученый Х. Пендерсен.

Сегодня доказано родство больших языковых семей Европы, Африки и Азии: афразийской (семитско-хамитской), картвельской, индоевропейской, дравидийской, уральской, алтайской. Также есть серьезные гипотезы, обосновывающие родство языков аборигенов Австралии с речью народов Южной Индии.

В самое последнее время появилась гипотеза, согласно которой северокавказские языки не только состоят в родстве между собой, но и образуют вместе с сино-тибетскими языками (в их число входит китайский) надсемью того же уровня, что и ностратическая.

Но есть еще более интересная гипотеза, утверждающая, что все люди мира говорят на одном языке.

Конечно, разные языки очень сильно отличаются друг от друга. Так, в английском, немецком и французском языках есть артикли, которых нет в русском, а в русском — шесть падежей имени существительного. Тем не менее эти языки принадлежат к одной языковой семье, и, следовательно, различия между ними сравнительно невелики. Значительно больше разнятся далекие друг от друга языки. В речи эскимосов очень трудно разбить фразы на слова. В тюркских словах основа слова и его суффикс могут оказаться в разных местах предложения. У китайцев почти все слова очень короткие, односложные и не меняют своей формы, но значение слов и смысл фраз зависят от музыкального тона.

Несмотря на эти различия, все языки народов мира объединяют некоторые общие черты. Ученые говорят о языковых универсалиях— правилах, действующих с одинаковой силой во всех наречиях и диалектах. Пока нам известны далеко не все универсалии. И есть только предположения о причинах их появления. Скорее всего, они зависят от устройства голосового аппарата человека, а также от глубинных законов мышления. Именно так выделяется базисный словарь — слова, обозначающие понятия, не зависящие от времени. Например, называющие части человеческого тела, личные место-

имения, числительные и т.д. Обычно в этот словарь входит около двухсот слов.

Но и базисный словарь тоже меняется, исчезают одни слова, им на смену приходят другие. Ученые установили, что за тысячу лет из 200 главных слов меняются 39. Исходя из этого, можно по количеству общих слов в родственных языках проследить, как давно они разделились, сколько времени прошло с тех пор, как говорящие на них народы составляли единый этнос.

Как мы видим, лингвистические исследования играют очень важную роль в этнологии. Но все же лингвистическая классификация народов мира не полностью совпадает с этнологической, так как понятия «этнос» и «язык» не идентичны. Поэтому помимо языковой классификации по генеалогическому принципу язык может стать основой классификации и в своем реально бытующем виде. По данному основанию ученые выделяют моноязычные, двуязычные (например, мордва с языками эрзя и мокша) и перешедшие на язык более крупного этноса (уэльсцы) народы. И наоборот, разные народы могут говорить на одном языке или его диалектах: немцы и австрийцы; французы и франко-бельгийцы и т.д. Это позволяет выделить монолитные в языковом отношении народы и народы с сильными диалектными различиями. Иными словами, этническая дифференциация человечества имеет более комплексный характер. В связи с этим при формировании этнической картины мира языковая классификация учитывает строгое языковое родство между народами и этническое своеобразие каждого из них.

§ 4.6. Хозяйственно-культурная классификация

Современная этническая картина мира, как мы уже отмечали, представляет собой довольно сложное и пестрое образование, поскольку состоит из более чем 200 суверенных государств, в которых проживает от 3 до 5 тыс. этносов и этнических групп. В этом этническом многообразии обращает на себя внимание сходство культур народов, живущих по соседству. Это обстоятельство послужило основанием для еще одного вида классификации народов мира, получившей название хозяйственно-культурной.

Хозяйственно-культурная классификация базируется на этнологических методах исследования хозяйства и культуры. Ее методологической основой является выделение хозяйственно-культурных типов.

Авторы хозяйственно-культурной классификации рассматривали факты одинаковых способов хозяйственной деятельности и типологически близких явлений культуры в сходных условиях географической среды как одинаковый ответ этнических групп на эти условия. Этот ответ они и назвали хозяйственно-культурным типом. В этнологии под хозяйственно-культурным типом понимаются определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у разных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных условиях среды.

Основы хозяйственно-культурной классификации народов мира начали разрабатываться задолго до того, как этнология выделилась в качестве са-

мостоятельной науки. Еще в Античности были предприняты попытки связать этапы развития общества с определенными стадиями хозяйственного и культурного процессов. Были выделены три стадии: собирательство и охота, пастушество, земледелие. Это соответствовало этапам перехода от дикости к варварству и цивилизации. Очевидно, что такой подход фиксировал все более высокую производительность труда: 1) тип с преобладанием в хозяйстве охоты, собирательства и отчасти рыболовства; 2) тин мотыжного (ручного) земледелия и пастушеского животноводства; 3) тип плужного (пашенного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных.

Концепция хозяйственно-культурного типа была разработана в нашей стране и используется для изучения этногенеза народов, их этнической истории, истории хозяйства, материальной и духовной культуры. Определяющие признаки хозяйственно-культурного тина — характер, облик и уровень развития хозяйства и хозяйственной деятельности людей. Облик и характер культуры имеют при этом важное, но не решающее значение. Число хозяйственно-культурных типов ограниченно и может быть увязано с этапами социально-экономического развития общества.

В первобытно-общинной эпохе мы выделяем группу присваивающих хозяйственно-культурных типов: бродячие охотники и собиратели; специализированная охота и собирательство тропиков; охота, рыболовство и собирательство умеренного пояса; пешая таежная охота; арктическая охота на морского зверя; оленная охота; охота, рыболовство, собирательство с зачатками земледелия и животноводства.

Следующая группа — производящие (ранние) хозяйственно-культурные тины, в которых постепенно ведущее место занимает земледелие и скотоводство: комплексное хозяйство ранних земледельцев субтропиков; земледелие и животноводство умеренного пояса в древности; ручное земледелие тропиков. Группа производящих (развитых) хозяйственно-культурных типов связана с появлением восточных цивилизаций и включает: пастушеское скотоводство; кочевое скотоводство; плужное земледелие.

Эта классификация хороша для ранних этапов развития общества, но даже при этом она имеет границы применения. Так, многие этносы окажутся расчлененными. Например, среди чукчей выделяются оленеводы и охотники на морского зверя.

Отличительной особенностью хозяйственно-культурной классификации является подчеркивание исключительной зависимости хозяйственно-культурной типологии от условий географической среды вообще и от условий хозяйственной деятельности человека в частности. В то же время вопрос об общности культур этнических групп, об общей исторической судьбе народов отодвигается на второй план. Поэтому ряд ученых предлагают хозяйственные критерии классификации дополнить определенными культурными критериями.

В развитие этих идей была разработана концепция историко-этнографических (или историко-культурных) областей, под которыми понимаются части ойкумены, население которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния обладает сходными культурно-бытовыми, или этнографическими, особенностями. Наиболее ярко они выражены в материальной культуре, но проявляются также в некоторых областях духовной культуры, связанных с хозяйством и бытом.

С позиций такого методологического подхода выделяются историко-

этнографические территории разного уровня — провинции, области, подобласти и местные районы. Так, в пределах бывшего СССР существовали четыре крупные историко-этнографические провинции: Европейская часть, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Сибирь. Обычно каждая крупная историко-этнографическая провинция состоит из более мелких областей. В Сибири, например, выделяются такие области, как ямало-таймырская, западносибирская, восточносибирская, камчатско-чукотская, амуро-сахалинская. Структура историко-этнографических областей обычно используется для выделения групп народов при их описании: народы Поволжья и Прикамья, народы Северного Кавказа, народы Сибири Дальнего Востока и др.

Использование хозяйственно-культурной классификации народов оправданно в этнологии при изучении культуры и быта на синхронном уровне и редко применяется в исследованиях этногенеза. В процессе использования такой классификации неизбежны случаи объединения в одну группу народов заведомо разного происхождения. Правда, на заключительных этапах этногенетического исследования хозяйственно-культурная классификация приобретает важное значение, так как она отражает один из аспектов исторической географической дифференциации человечества.

Прочие классификации. В дополнение к рассмотренным можно на звать еще несколько видов классификаций этнических общностей, прежде всего конфессиональную принадлежность (христианство, католицизм, протестантизм, православие; ислам: суннизм, шиизм и др.), тип культуры, форму семьи, вид орудий труда и оружия, форму жилищ и поселений и т.п. Все они имеют важное значение при изучении частных проблем этнологической науки и могут выполнять вспомогательную роль при рассмотрении общей этнической картины мира. Каждый отдельный вид классификации не в состоянии отразить все этническое многообразие мира, и поэтому все они должны использоваться лишь в совокупности или отдельно с учетом конкретных исследовательских задач.

ЛИТЕРАТУРА

Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.
Козлов В.И. О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 5-23.
Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.
Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
Токарев С.Л. История зарубежной этнографии. М.. 1978.
Чебоксаров III., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
Этнология / Под ред. В.В. Пименова. М., 1994.
Расы и народы: Ежегодник. М., 1977.
Расы и народы: Ежегодник. М., 1989.
Расы и народы: Ежегодник. М., 1993.

Глава 5. ЭТНОГЕНЕЗ И АНТРОПОГЕНЕЗ

§ 5.1. Этногенез и его основные факторы. § 5.2. Методы исследования этногенеза. Этногенез и антропогенез. § 5.3. Концепция этногенеза Л.Н. Гумилева

§ 5.1. Этногенез и его основные факторы

Исследование процесса этногенеза — происхождения и развития этносов — ученые относят к одному из самых сложных разделов этнологии. Это обусловлено тем, что этническая история разных народов детерминирована противоречивым взаимодействием антропологических, лингвистических, исторических, хозяйственных, культурных, демографических, политических и других факторов.

Исходным пунктом, исследования этногенеза является вопрос о понимании и употреблении самого термина «генезис» по отношению к этносам и этническим группам. В мировой и отечественной литературе по этнологии, культурной и социальной антропологии под этногенезом, как правило, понимается процесс исторического происхождения этнических групп в периоды плейстоцена (от 2 млн. до 20 тыс. лет тому назад) и начала голоцена (от 20 до 3 тыс. лет до н.э.), когда, согласно данным археологии и палеонтологии, протекали процессы антропогенеза, развития вида Homo sapiens, социогенеза ранних форм человеческих обществ, зарождения основных форм труда, языка, религии, искусства и т.п. В силу множества факторов, оказавших влияние на группы людей, участвовавших в этногенезе, не имеет смысла говорить как о конкретной точке отсчета этого процесса, так и о какой-либо дате его завершения. Ведь и за последние 5 тыс. лет человечество не сохранило свою первичную этническую морфологию. Совершенно очевидно, что в течение всего этого времени порождение новых этнических образований не прекращалось, как не прекратилось оно и в наши дни. Конкретных тому примеров можно привести огромное множество.

В отечественной этнологической науке принято считать, что этногенез начался с образованием человека современного вида, сформировавшегося около 40 тыс. лет назад. Но сравнительно достоверные данные об этногенезе можно получить только начиная с эпохи неолита, когда окончательно оформились племенные отношения.

Если исходить из гипотезы о едином центре происхождения человечества, то, возможно, в самом начале своей истории человечество представляло собой группу людей, однородную в расовом, этническом, социальном и других аспектах. С увеличением числа людей они расселялись но новым территориям (вначале в тропиках и субтропиках, затем — в менее благоприятных для жизни районах умеренного пояса). Поскольку этот процесс расселения занял тысячи лет, людям приходилось приспосабливаться к новым географическим и климатическим условиям. Это приводило к изменению как общего исходного антропологического типа, так и отдельных этнических признаков. Чем дальше от исходной точки уходили люди, тем более разнообразными были эти признаки.

Аналогичные процессы происходили и с языком. Чем дальше от центра происхождения уходили люди, тем больше их язык отличался от исходного языка-основы. Согласно гипотезе С.П. Толстова о первичной языковой непрерывности, те многочисленные языки, на которых говорило человечество на заре своей истории, произошли из единого центра и постепенно переходили друг в друга на смежных территориях, составив в целом как бы единую непрерывную сеть.

Косвенным подтверждением этой гипотезы служит то, что до недавнего времени в некоторых странах сохранялись следы древней языковой дробности. В Австралии, например, существовало несколько сотен языков, между которыми было нелегко провести четкие границы. Н.Н. Миклухо-Маклай отмечал, что у папуасов Новой Гвинеи почти каждая деревня имеет свой особый язык. Различия между языками соседних групп папуасов были очень невелики, тогда как языки более отдаленных групп уже значительно отличались друг от друга. То есть постепенно в языке-основе образовывались диалекты, которые в дальнейшем превратились в самостоятельные языки.

По мере роста общей численности населения процессы этногенеза приводили к усилению межплеменных контактов, развитие и усложнение которых способствовало трансформации племенных этнических общностей в народности, объединяло их в территориальном отношении, стимулировало формирование общих экономических, социальных и других интересов.

На процессах этногенеза, проходивших на рубеже ранней истории человечества, сказывались массовые переселения, значительно ускорявшие процесс замены первобытных ячеек-племен новыми, более крупными этносоциальными общностями — народностями. При этом перемещение той или иной этнической общности на новую территорию, как правило, вело за собой ее столкновение с уже обитавшей здесь другой общностью. Этот контакт нередко завершался тем, что автохтонное население оказывалось завоеванным пришельцами.

Этнические последствия переселений были самыми разными. В частности, истории известно немало случаев переселения отдельных частей этносов на слабо освоенные или полностью не освоенные территории (переселение предков американских индейцев из Азии в Америку). В этом случае, как правило, новые этнические общности не возникали. Иную форму и результаты имел этногенез при активном взаимодействии переселенцев с автохтонным населением, в ходе которого у тех и других появлялись новые характерные черты.

В процессе этногенеза, связанного с взаимодействием завоевателей и аборигенов, обычно происходит синтез субстрата (местного населения) и суперстрата (пришлого населения), в ходе которого и возникает новый этнос. Однако синтез этот чрезвычайно многообразен, особенно в тех случаях, когда он касается весьма отличающихся друг от друга этнических общностей. Дело в том, что в подобной ситуации взаимодействие в этногенезе различных этнических групп происходит не только с различными темпами и интенсивностью для каждого из них, но и нередко в различных направлениях. В этом

отношении ко всем аспектам этногенеза — изменениям языка, базовой культуры, физического типа, этнического сознания, включая самоназвание, — следует подходить дифференцированно.

В процессе этногенеза во все времена была и остается непреходящей роль языка как одного из определяющих элементов существования и развития любого этноса.

Вслед за лингвистами этнологи исходят из того, что родство языков обычно означает родство носителей этих языков. Поэтому одним из результатов переселения народов становилось и смешение, взаимодействие языков.

Среди обстоятельств и причин, предопределявших победу одного языка над другим, решающее значение имело наличие письменности хотя бы у одной из взаимодействующих этнических общностей. Как свидетельствуют многочисленные материалы по истории бесписьменных народов, они наиболее подвержены языковой интеграции, связанной с переходом на язык другого этноса. Если же в этногенезе взаимодействуют две бесписьменные этнические общности, бесписьменность становится лишь благоприятным условием, но не причиной победы языка пришлого населения над языком аборигенов. В такой исторической ситуации решающую роль играют религиозные или хозяйственные факторы.

Особое значение в процессе этногенеза имеет такой фактор, как политическое господство пришлого населения. Особая сплоченность завоевателей, обусловленная военной демократией, создавала благоприятные условия для победы одного языка над другим и оказывала значительное влияние на многие стороны культурно-хозяйственного развития.

Типы этногенетических процессов. Этногенетические процессы, сопровождавшие и сопровождающие возникновение новых этносов и этнических групп, не ограничиваются лишь отмеченными вариантами. Этническими (этногенетическими) процессами мы будем называть процессы, при которых происходит изменение различных компонентов этноса: отдельных элементов духовной и материальной культуры, языка, социальной структуры, самосознания и др.

Этнические процессы весьма многообразны, поэтому их необходимо систематизировать и классифицировать[1]. Прежде всего мы должны выделить этноэволюционные и этнотрансформационные процессы. Процесс называется этноэволюционным, когда при изменении отдельных компонентов этнос или какая-либо его группа остаются самими собой, так как не меняется их этническое самосознание. При этнотрансформационном процессе самосознание изменяется и этническая принадлежность человека становится иной.

В зависимости от преобладания центростремительных или центробежных тенденций этнические процессы подразделяются на две основные типологические группы: этническое объединение и этническое разделение. Процессы этнического объединения весьма различны, но у них есть и общие

---

[1]Классификация дается по кн.: Кузьмина О.Е., Пучкова П.И. Основы этнодемографии. М., 1994,

черты, в частности культурное и языковое сближение вовлеченных в этот процесс лиц, а также нивелировка имеющихся между людьми различий.

Выделяют несколько форм этнического объединения.

1. Этническая фузия — процесс слияния нескольких самостоятельных народов, родственных по языку и культуре, в единый новый, более крупный этнос. Примером может служить слияние восточнославянских племен в древнерусский этнос. Этот процесс протекает с разной скоростью, зависящей от уровня социального и экономического развития страны, в которой идет процесс, а также от интенсивности хозяйственных и иных связей между отдельными ее частями. Чем выше уровень развития страны и теснее связи между ее районами, тем быстрее происходит этническая фузия. Влияют на этот процесс и географические условия (например, ровная, открытая местность ускоряет его); степень языковой, культурной, религиозной и расовой близости групп, участвующих в процессе (чем ближе родство, тем быстрее идет процесс); сложность этнической структуры населения территории (слишком большое число мелких этносов может его замедлить).

2. Этническая консолидация — внутреннее сплочение более или менее значительного этноса в ходе сглаживания различий между составляющими его локальными группами. Этот процесс характерен для подавляющего большинства крупных и средних этнических общностей. Этническая фузия и этническая консолидация — тесно взаимосвязаны: со временем первая переходит во вторую. Но сущность их различна: если этническая фузия является этнотранс-формационным процессом и приводит к смене этнического самосознания, то этническая консолидация — процесс этноэволюционный и к смене самосознания не ведет.

3. Этническая ассимиляция — растворение прежде самостоятельного этноса или его части в среде другого, обычно более крупного народа (широко распространена в экономически развитых странах, где много иммигрантов). Для ассимилируемой стороны это этнотрансформационный процесс, для ассимилирующей — этноэволюционный.

Хотя ассимиляционные процессы были известны во всех периодах истории, наиболее характерны они для современного этапа развития человечества.

Ассимиляционные процессы идут с разной скоростью, в зависимости от сочетания таких факторов, как численность ассимилируемой группы; характер ее расселения; время пребывания в ассимилирующей среде; род занятий ассимилируемой группы и ее хозяйственные связи с основным населением территории; социально-правовое и семейное положение ассимилируемых; частота вступления в смешанные браки; наличие или отсутствие контактов с родиной; отношение к ассимилируемой группе со стороны окружающей этнической среды; близость ассимилируемых и ассимилирующих по языку, культуре, религии, расе; соотношение уровней культуры ассимилируемого меньшинства и ассимилирующего большинства; уровень развития этнического самосознания.

Все эти факторы важны для процесса ассимиляции, но не в одинако-

вой степени. Так, сходство хозяйственных занятий, с одной стороны, может способствовать интенсификации ассимиляционного процесса, но может и вызывать конкурентные столкновения между пришлым и коренным населением, затрудняя его.

Неоднозначен и семейный фактор. Быстрее всех ассимилируются холостяки, многие из которых готовы обрести новую родину и поэтому охотно вступают в брак с местными девушками. Если же в страну приезжает вся семья, то она, хотя и остается часто навсегда здесь, ассимилируется намного медленнее, так как именно семья является той первичной ячейкой, в которой сохраняются и воспроизводятся основные этнические признаки. Еще тяжелее ассимилируются люди, оставившие свои семьи на родине. Обычно они приезжают в другую страну для того, чтобы заработать денег и вернуться домой, к семье. Думая о возвращении, они не ставят перед собой цели ассимилироваться.

Уровень культуры также влияет на ассимиляционные процессы. Лучше всего ассимиляция идет, если уровень культуры примерно одинаков или пришельцы попадают в среду с немного более высоким уровнем культуры. При значительных различиях в уровне культуры, особенно если пришельцы превосходят местное население, ассимиляция очень затруднена.

4. Этническая конвергенция — взаимодействие в ассимиляционном процессе двух очень близких по языку и культуре этносов, в результате чего этот процесс резко интенсифицируется и приобретает ряд черт, сближающих его с консолидацией и фузией.

5. Межэтническая интеграция — взаимодействие внутри государства или какого-нибудь крупного региона нескольких существенно различных по языку и культуре этносов, которое приводит к появлению у них ряда общих черт. В результате складываются не этносы, а особые межэтнические общности, которые лишь в отдаленной перспективе могут слиться в единый народ (а могут и неслиться). Эти своеобразные общности представляют собой группу этносов (суперэтнос), обладающих элементами общего самосознания. Такие процессы присущи всем длительно существующим полиэтническим государствам. Они в той или иной форме шли в Римской империи, Российской империи, Советском Союзе и т.д.

6. Этногенетическая миксация — редко встречающийся тип этнообъединительного процесса, в ходе которого новый этнос образуется путем слияния народов, не связанных родством. Это этнотрансформационный процесс. В качестве примера можно назвать современных австралийцев, генетически связанных не только с англичанами, но и с представителями других европейских этносов. Весьма своеобразны были процессы миксации в этнической истории США, где смешение различных по происхождению, но принадлежащих к одной расе переселенцев из Европы дополнилось включением в этногенетическии процесс представителей других этносов и рас как аборигенного происхождения, так и прибывших из Африки и Азии. В результате двухсотлетних этнических процессов в США сложилась новая этническая общность, которую называют североамериканской нацией. Схожие процессы

протекают в Латинской Америке.

Вместе с этническим объединением в этногенезе действует и противоположная тенденция этнического разделения, которая чаще всего имеет следующие формы.

1.Этническая парциация — разделение единого этноса на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым. Так из осколков древнерусского этноса выделились русские, украинцы, белорусы.

2. Этническая сепарация — отделение от этнической общности сравнительно небольшой части, которая со временем превращается в самостоятельный этнос. Этот процесс обусловлен различными причинами: переселением какой-то группы исходного этноса, политико-государственным обособлением небольшой части народа, религиозным обособлением этнической группы. Так, английские пуритане, приехавшие в североамериканские колонии но религиозным соображениям, стали основой североамериканского этноса, а английские каторжники и ссыльные — основой австралийского.

Таким образом, развитие процесса этногенеза от первобытного состояния человека до настоящего времени прошло различные формы, было детерминировано различными по характеру факторами. Итогом же процесса этногенеза стала пестрая, разнообразная и динамично меняющаяся этническая картина мира.

§ 5.2. Методы исследования этногенеза. Этногенез и антропогенез

Данные палеонтологии, археологии, антропологии и лингвистики позволяют заглянуть в очень ранние этапы этногенеза, этнической истории народов. Вслед за представителями этих наук этнологи стараются восстановить процесс формирования этносов и установить родство тех или иных этнических групп. В этих исследованиях большое значение имеют данные лингвистики, поскольку в этногенетических исследованиях используются материалы живого языка со всеми его связями и с одновременной реконструкцией древних форм, чтобы через имеющиеся письменные источники проследить саму историю языка и наложить ее на историю этноса. При этом необходимо иметь в виду, что языковые сопоставления проводятся только на синхронном уровне, т.е. невозможно сопоставлять факты живого языка без соответствующих реконструкций с древними языковыми формами. В этногенетических исследованиях анализируют первичные понятия: человек и его тело, числительные до 10, местоимения, термины родства, космические астральные объекты и явления природы, а также понятия из сферы материальной культуры, отражающие конкретную среду зоны этнического формирования и элементарные социальные, семейные отношения.

Особое место в этногенетических исследованиях уделяется данным антропологии, использующей прежде всего результаты классификации рас, народов мира но антропологическим типам. Причем по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов роль антропологических исследований возрастает. Чем дальше в глубь веков, тем больше сов-

падений в этнической и антропологической общностях. Различия в антропологическом типе не адекватны этническим и языковым различиям. Например, значительная разнородность антропологических типов, входящих в состав народов лингвистически близких, свидетельствует о формировании языковой общности в результате ассимиляции. Хотя в то же время антропологическая общность не дает оснований отрицать процесс ассимиляции. Антропологическая общность при большой языковой разнородности свидетельствует о существовании в прошлом каких-то форм языковой общности.

Благодаря археологии есть возможность проникнуть в ранние этапы этнической истории. Археология адекватно описывает материальную культуру этноса и некоторые аспекты духовной культуры (прикладное искусство, верования). Это позволяет изучать этносы как определенные хозяйственно-культурные тины, дает возможность выявить автохтонность или пришлость народа, интенсивность культурных контактов, приспособленность к местным физико-географическим условиям.

Существенное значение для этногенетических исследований имеют письменные источники (хотя они исторически ограничены) и фольклор. В них особое внимание уделяется этнонимам (именам народов) и топонимам (названиям географических объектов), легендам, преданиям, сказаниям.

Изучение явлений материальной и духовной культуры — сочетания основных занятий, набора орудий труда, пищи, утвари, жилищ, одежды, социальных и семейно-брачных отношений — позволяет выявить этническую специфику и связи с другими народами.

Этногенетические исследования, основанные на комплексном подходе, дают возможность проследить внешнюю историю этноса, его происхождение, развитие и контакты с другими народами.

Ранний этап этногенеза. Сопоставляя материалы отмеченных наук, сегодня можно построить схему самого раннего этапа этногенеза. Исходные популяции были малочисленны, эндогамны (браки заключались в пределах одной группы) и относительно оседлы, т.е. имели обширную охотничью территорию, в пределах которой и передвигались более или менее регулярно. Замкнутость популяции была относительна, и она периодически, хотя и случайно, включала в свой состав инородных членов, особенно при встрече с другими популяциями на границах охотничьих территорий. Антропологически эти популяции были специфичны, хотя в пределах крупных территорий обнаруживали сходные вариации единичных морфологических признаков, которые затем становились специфическими характеристиками образующихся рас. В пределах этих популяций закреплялись традиции обработки камня и навыки изготовления орудий, а также формировалось первичное самосознание на основе противопоставления своих чужим.

Первичные языки охватывали, скорее всего, несколько популяций, говоривших на одном языке, а распространение языка между группами популяций, говорящих на других языках, было затруднено. Здесь налицо взаимодействие процессов дифференциации и интеграции, которые стали составными частями этногенеза с самых ранних стадий его развития. Процессы ин-

теграции антропологических признаков, культуры и языка одной популяции с группой других популяций происходили в форме наложения одного на другое, что стало исходным пунктом расообразования. Таким образом, на раннем этапе человеческой истории расообразование и этногенез были сопряжены.

Однако возникновение и развитие процессов этногенеза и расообразования (расогенеза) были бы невозможны без антропогенеза, т.е. процесса эволюционного формирования физического типа Homo sapiens. Палеонтологические исследования останков древних людей позволяют сделать вывод, что первые люди появились на нашей планете около 1 млн. лет назад. Кости таких живых существ найдены на востоке и юге Африканского континента, откуда, как полагают палеонтологи, эти существа, названные австралопитеками, распространились по другим частям света. Внешне они мало отличались от высших обезьян, но уже были прямоходящими. Следующими ступенями антропогенеза стали питекантропы, жившие в раннем палеолите (от 600 до 200 тыс. лет назад), и неандертальцы (от 200 до 40 тыс. лет назад — средний палеолит). Последний вид древнего человека, возможно, был предком кроманьонца, появившегося около 40 тыс. лет назад и в совершенстве владевшего техникой обработки камня и изготовления орудий труда. У кроманьонцев существовало разделение труда в зависимости от пола, возраста и способностей. Эта эпоха позднего палеолита характеризуется появлением первобытного искусства — наскальной живописи, женских статуэток, имевших ритуальное и магическое значение.

За 10 тыс. лет до н.э. закончилась ледниковая эпоха (плейстоцен), которая резко изменила климат, окружающую среду, флору и фауну нашей планеты. Исчезли некоторые крупные млекопитающие и растения, составлявшие значительную часть пищевого рациона древних людей. Изменение условий существования вынудило человека адаптироваться к новом природному окружению, что привело к крупным сдвигам в образе жизни и поведении. В частности, люди научились производить продукты питания.

Достижения молекулярной биологии существенно углубили изложенную картину. Со времен появления дарвиновской теории эволюции антропологи были убеждены, что современный человек и нынешняя человекообразная обезьяна имеют общий корень. Данные молекулярной биологии показали, что гипотетический предок человека жил 15—20 млн. лет тому назад. Этот вывод основывается на поразительном сходстве белков крови нынешних человекообразных обезьян и человека. Было доказано, что эти две линии не могли расщепиться ранее 4—6 млн. лет тому назад. Голая (непосредственный предок человека) и волосатая обезьяны, появившиеся в результате этого расщепления, имели лишь близкое генеалогическое сходство, что подтверждают обнаруженные в Эфиопии окаменелые останки прямых предков человека, живших около 4,5 млн. лет назад. Взрослые особи этой популяции должны были весить примерно 30 кг и быть ростом 1,2 метра. Существа с такими физическими параметрами были промежуточной ступенью между человеком и обезьяной в начале процесса антропогенеза.

Таким образом, согласно данным современной науки, антропогенез представлял собой процесс появления и эволюции первобытных людей, последовательно прошедших следующие этапы: 1) гипотетический общий предок человека и обезьяны; 2) тип примата, названный учеными кличкой Люси: объем мозга 400—500 куб. см, прямоходящий, жил семейными группами на всей территории Восточной Африки; 8) тин «африканус» — потомок Люси: объем мозга также 400—500 куб. см, имел длинные руки, был ловким и подвижным, жил общественными группами; 4) тип «робистус» — потомок африкануса: объем мозга 530 куб. см; не оставил после себя большого потомства; 5) Homo habilis — человек умелый: первый известный вид, относящийся к семейству людей и использовавший орудия труда; объем мозга достигал 600—800 куб. см; 6) Homo errektus — человек прямоходящий: первый вид человека, сравнительно широко расселившийся по планете, колонизировал Ближний и Средний Восток вплоть до Китая; объем мозга 750—1250 куб. см, жил около 1,5 млн. лет тому назад; 7) Homo sapiens — человек разумный, известный в антропологии под названием «кроманьонец» (найден в 1808 г. в Кроманьоне, Франция): объем мозга 1200—1700 куб. см, появился около 40 тыс. лет назад.

Отдавая должное приведенному объяснению процесса антропогенеза, следует отметить некоторые уязвимые моменты этой концепции. Принципиальное возражение состоит в том, что не следует отождествлять человека с его внешним анатомическим обликом. В этом случае необъяснимым остается процесс происхождения разума. Если судить по изменениям объема мозга, то можно сделать вывод, что разум человека складывался постепенно, что именно труд был основой формирования сознания человека. Но это лишь косвенный, внешний показатель, не объясняющий процессы исторического развития внутреннего мира человека. А именно с ними связано становление человеческой культуры.

Можно попытаться объяснить происхождение сознания из практического опыта взаимодействия с окружающим миром. Такая способность, естественно, появляется у человека лишь с формированием абстрактного мышления, умением находить нестандартные решения в конкретных ситуациях. Современные семиотические исследования позволяют утверждать, что в критических жизненных ситуациях выживали лишь те особи, которые смогли выработать у себя так называемое парадоксальное поведение, т.е. способность к нетрадиционному решению жизненно важных проблем. Ученые считают его проявлением зачатков абстрактного мышления. При соответствующих положительных эффектах парадоксальное поведение становится нормой, закрепленной опытом, что ведет к появлению способности к мысленному наложению на регулярно повторяющиеся факты реальности своего ценностно-смыслового отношения и к отбору таких типов поведения, которые соответствуют позитивным оценкам. Этот момент и есть начало становления человеческого сознания.

Теория антропогенеза объясняет лишь процесс формирования человека современного вида, но не касается разнообразия видов человеческих по-

пуляций, т.е. она не дает объяснения процессу расообразования. Вопрос о времени и причинах происхождения рас еще не получил окончательного решения.

В отечественной науке долгое время господствовало представление о том, что люди современного физического типа появились 35—40 тыс. лет назад и что одновременно с новым физическим типом человека возникла культура. Их появление объяснялось сознательной трудовой деятельностью, порожденной процессом антропогенеза. Однако в конце 1960-х гг. в Африке и на Ближнем Востоке были найдены останки черепов неоантропов, возраст которых оценивался в 60—130 тыс. лет. Благодаря им ученые неопровержимо доказали, что люди современного тина уже десятки тысяч лет были носителями культуры, приписываемой неандертальцам.

Позднее, в середине 1980-х гг., несколько групп ученых в США, Японии, Англии, исследуя процессы антропогенеза, независимо друг от друга пришли к выводу, что в интервале между 360 и 180 тыс. лет назад численность населения планеты резко сократилась, а затем произошел «демографический взрыв», в результате которого возникли «популяции-основатели» различных этносов. Кроме того, были получены доказательства, что все неафриканские популяции человека развились от одной, мигрировавшей из Африки, приблизительно 80—150 тыс. лет назад разделившейся на европеоидов и монголоидов. И, наконец, эти ученые установили, что из всех четырех основных рас европеоидная является самой молодой и насчитывает примерно 50 тыс. лет.

Процесс происхождения рас этнологи относят к сложнейшим проблемам этнической истории народов. И эта сложность объясняется многочисленностью и разнообразным характером проявления различных расообразующих факторов. К числу наиболее важных следует отнести влияние географической среды.

Многие из отмеченных ранее расовых признаков имеют очевидное приспособительное значение. Так, темный цвет кожи негроидов обусловлен присутствием в подкожном слое особого пигмента — меланина, защищающего организм от губительного для него излучения солнца. Удлиненная, высокая черепная коробка, жесткие курчавые волосы негров предохраняют голову от перегрева. Узкий нос жителей пустынь и северных народов (особенно у эскимосов) затрудняет свободную циркуляцию воздуха. Жирная кожа лица монголоидов препятствует обморожению, а кроме того, создаст в организме запас высококалорийного питательного вещества на неблагоприятные сезоны года. Узкая глазная щель и набухшие массивные веки монголоидов защищают глаза от пыли, песка, яркого солнечного света, эпикантус, прикрывая слезный бугорок, затрудняет смачивание ресниц, поэтому пыль на них оседает меньше. В тропиках приспособительное значение имеют утолщенные губы и широко открытые ноздри, усиливающие испарение влаги через слизистую оболочку.

У эскимосов при низких температурах скорость кровообращения примерно вдвое больше, чем у европейцев, это позволяет сохранить тепловой баланс и оберегает от переохлаждения. У народов северных Анд Южной Америки, проживающих на больших высотах, антропологами зафиксированы приспособительные изменения в объеме легких и интенсивности кислородного обмена.

Группы крови тоже имеют приспособительное значение, поскольку их носители неодинаково восприимчивы к различным инфекционным заболеваниям. Например, негроиды невосприимчивы ко многим болезням тропической зоны, которые губительны для европейцев, но в то же время чрезвычайно чувствительны к тем инфекциям, которые существуют вне пределов Африканского континента. Преобладанием группы крови В в Китае и других азиатских странах объясняется тот факт, что ее носители реже заболевали свирепствовавшей здесь оспой и легче ее переносили.

Выявлена также зависимость между температурой внешней среды и размером тела всех гомотермных животных: на севере и юге размеры тела больше, чем в тропической зоне. Это следствие общих закономерностей терморегуляции организма. Применительно к популяции человека аналогичное соотноше-

ние проявляется в пропорциях длины, веса, площади поверхности тела. Согласно правилу Аллена, в холодном климате гомотермные животные отличаются более удлиненными конечностями и менее плотным сложением, а проживающие в умеренном и холодном поясе — более плотным сложением и укороченными пропорциями. Правило Глогера устанавливает зависимость интенсивности окраски от географической широты местности: чем ближе к тропикам, тем окраска интенсивнее, У человека и цвет кожи, и цвет волос светлеют по мере перехода от тропического пояса к умеренному и далее к поясам холода в обоих полушариях. Эти и другие закономерности носят статистический характер и подтверждаются большим фактическим материалом. Справедливость этих закономерностей по отношению к человеку свидетельствует о том, что адаптивный фактор, играет значительную роль в расообразовании.

Исследуя процессы расогенеза, следует иметь в виду, что никакой полезный признак из области физиологии или морфологии, приобретенный человеком на протяжении жизни, потомству передаваться не может. Как ни велика роль географической среды, она не оказывала бы никакого влияния на морфологический облик людей, если бы не было второго фактора расогенеза — спонтанно идущего мутагенеза в биосфере и в человеческих популяциях в том числе. Постоянные изменения в генетическом аппарате человека происходят самопроизвольно, внешняя среда только придает им определенную направленность. Неоднородность среды, в свою очередь, создает предпосылки для территориальных различий в развитии генетических признаков.

Третий важный фактор расогенеза — социальная изоляция. Ее суть состоит в том, что при заключении браков преимущественно внутри обособленной группы могут происходить заметные сдвиги в распределении генов, контролирующих расовые признаки. Например, в изолированных популяциях встречаются брахи- или долихо-кефализация, уменьшение или увеличение массивности скелета (грацилизация или матуризация). Подобными причинами ученые пытаются объяснить возникновение многих одонтологических (строение зубов), серологических (иммунных), дерматологических (узоры на пальцах, ладонях, стопах) и других, но большей части нейтральных различий между популяциями.

В настоящее время в процессе расогенеза происходит возрастание фактора метисации (смешения), что связано с усилением взаимосвязи культур и миграционными перемещениями больших масс людей. Расширение ойкумены в ходе расселения человечества, увеличение плотности населения, сопровождающее хозяйственное развитие и одновременно появление все новых и новых генетических барьеров, — это те причины, которые на всем протяжении эволюции Homo sapiens постоянно вызывали появление новых очагов расооб-разования.

§ 5.3. Концепция этногенеза Л.Н. Гумилева

Несмотря на многократные попытки ученых объяснить процессы этногенеза, антропогенеза и расогенеза, все же существующие концепции носят преимущественно частный характер. До настоящего времени в этнологии нет законченных, научно аргументированных теорий, которые бы давали полное и убедительное описание всех этих процессов. Работа этнологов в этом направлении продолжается, и поэтому большой интерес вызывает концепция этногенеза Льва Николаевича Гумилева.

В основу своей теории этногенеза Гумилев положил в качестве глав-

ного постулата тезис о природно-биологическом характере этноса, обусловленного тем, что он является составной частью биоорганического мира планеты и возникает в определенных географо-климатических условиях. Гумилев определяет этнос как биофизическую реальность, и поэтому весь механизм этногенеза он ищет в реальных природных процессах. По его мнению, будучи составной частью биосферы, этносы должны подчиняться ее законам, быть составной частью протекающих в ней процессов. А эти процессы, гигантские по своим масштабам, сравнимые по энергетическим затратам с величайшими геологическими процессами, создали в значительной мере весь современный облик нашей планеты. В.И. Вернадский назвал эту энергию биогеохимической энергией живого вещества биосферы. Она есть не что иное, как преобразованная энергия Солнца, космоса и радиоактивного распада в недрах Земли. Биосфера просто купается в потоках энергии; как доказал наш соотечественник А.Л. Чижевский, она открыта космосу и чутко реагирует на происходящие в нем энергетические всплески. В этом заключается причина загадочных, на первый взгляд, взрывов популяций — стай саранчи, леммингов, вдруг появляющихся в гигантских количествах, чтобы броситься в воды океана. Подобные же влияния испытывает и человек, реакция на них становится заметной на уровне этносов. При соблюдении некоторых условий энергетическая вспышка становится началом процесса этногенеза.

Гипотеза Гумилева заключается в предположении, что несколько раз за тысячелетие поверхность нашей планеты подвергается воздействию определенного типа космического излучения, которое вызывает пассионарный толчок, т.е. мутацию гена человека, отвечающего за восприятие организмом энергии из внешнего мира. Особенность этих толчков заключается в их кратковременности. За последние 3 тыс. лет было достоверно зафиксировано девять пассионарных толчков: четыре — до нашей эры и пять — за последние два тысячелетия.

Суть явления пассионарности состоит в том, что до мутационных изменений человек получает из окружающего мира энергии ровно столько, сколько ему необходимо для нормальной жизнедеятельности. При пассионарном толчке, вызывающем мутацию гена, человек становится способным воспринять энергии значительно больше. И, восприняв ее, будет обладать повышенной тягой к действию — пассионарностью. Эта избыточная энергия может быть направлена на организацию завоевательных походов или научных экспедиций, создание новой религии или научной теории. Если же некоторое количество людей, обладающих этим признаком, соберется вместе, объединенные одной целью, если при этом они находятся в благоприятных географических условиях (необходим разнообразный ландшафт), появляется зародыш нового этноса, начинается бурный' процесс этногенеза, завершающийся через 130—160 лет появлением нового народа. Наиболее существенным отличительным признаком нового этноса являются специфические стереотипы поведения, которые передаются последующим поколениям не генетически, а через механизм сигнальной наследственности, через культуру, когда; потомство путем подражания и научения перенимает от родителей необ-

ходимые поведенческие стереотипы. Именно эти стереотипы и создают пассионарии.

Этногенез, по Гумилеву, — энергетический процесс получения однократного запаса энергии после вспышки космического излучения и дальнейшей его растраты в ходе развития этноса, пока этнос не придет в состояние гомеостаза — равновесия с природой, при котором уровень пассионарности равен нулю.

Цикл жизни этноса составляет около 1,5 тыс. лет, если этнос не гибнет раньше но внешней причине. Фазы его развития связаны с определенными уровнями пассионарного напряжения, что внешне выражается в специфических для каждой фазы стереотипах поведения.

После пассионарного толчка наступает *фаза подъема*, которая продолжает 200—300 лет. Она связана с экспансией нового этноса, обязанной пассионариям, ставящим перед собой задачу создания нового сильного государства и идущим ради этого на любые жертвы. Окружающие народы воспринимают новый этнос как общность крайне активных людей, появившуюся как бы вдруг, на месте нескольких незначительных племен, и активно отстаивающую свои интересы, часто за счет соседей.

Основной императив поведения: «Будь тем, кем ты должен быть». Примером могут служить все молодые народы: предки современных англичан и французов в IX в., монголы в XII в. и т.д.

Затем наступает акматическая фаза, в которой пассионарное напряжение достигает высочайшего уровня за счет большого количества пассионариев, которые думают уже не столько об общих целях, сколько о своих личных интересах. Рост индивидуализма в сочетании с избытком пассионарное™ часто вводит этнос в состояние пассионарного перегрева, когда избыточная энергия, тратившаяся в фазе подъема на бурный рост и экспансию, уходит на внутренние конфликты. Эта фаза, продолжающаяся следующие 300 лет, одна из самых тяжелых в жизни этноса, так как это период гражданских войн, культурных потерь.

Основной императив поведения в это время: «Будь тем, кем я хочу». Люди думают уже не об общем благе, а только о своем. Обычно это связано с тем, что глобальная цель предыдущей фазы — создание великого государства — уже выполнена. Примером может служить Европа периода феодальной раздробленности, Россия Смутного времени.

В конце концов большая часть пассионариев истребляет друг друга, что резко снижает уровень пассионарного напряжения в этносе. Кроме того, ушедшие пассионарии замещаются не гармоничными особями, а субпассионариями — людьми, не способными воспринять даже нормы энергии, необходимой для полноценной адаптации к среде. Люди такого типа хорошо известны — это бродяги, люмпены, босяки, бомжи. Эти признаки означают наступление фазы надлома — кризисной фазы, длящейся 200 лет.

Жизнь в фазе надлома очень тяжела. Мы это знаем на собственном опыте, так как наша страна находится сейчас в конце этой фазы. Западная Европа пережила ее в период Реформации и Контрреформации, уплатив за свое нынешнее спокойствие не менее кровавую дань, чем мы в XX в.

После пережитых потрясений люди хотят не успеха, а покоя. Это означает, что этнос перешел в следующую — инерционную — фазу. Уровень пассионарного напряжения несколько повышается, а затем плавно снижается. Идет укрепление государственной власти, социальных институтов, интенсивное накопление материальных и духовных ценностей, активное преобразование окружающей среды. В этносе доминирует тип «золотой посредственности» — законопослушного, работоспособного человека.

«Будь таким, как я!» — господствующий императив поведения инерционной фазы сменяет императив предшествующего периода: «Мы устали от великих». Это означает, что люди наконец-то поняли, что именно индивидуальности, пытающиеся проявиться во всей своей оригинальности, представляют наибольшую опасность для соседей. Примером служит современная Западная Европа, Киевская Русь XI—XII вв., Китай эпохи Суп.

Культура и порядок в это время столь совершенны, что кажутся современникам непреходящими. Но уровень пассионарного напряжения этноса постепенно снижается, что влечет неизбежный упадок, скрытый вначале за маской процветания, которая сбрасывается после последнего фазового перехода.

Важной причиной кризиса обычно бывает резко возросшее воздействие цивилизации на природу, которая в конце концов не выдерживает этой нагрузки. Недаром все крупнейшие цивилизации древности оставили после себя в прямом смысле слова пустыни, занявшие место прежних плодородных земель (Вавилон, Египет и др.). Наступает фаза обскурации — старости этноса. Это происходит, когда возраст этноса достигает 1100 лет. Пассионарное напряжение падает до отрицательных величин за счет появления значительного числа субпассионариев. Поэтому любая конструктивная деятельность отсутствует, этнос существует за счет прежних запасов. В результате общественный организм начинает разлагаться: фактически узаконивается коррупция, распространяется преступность, армия теряет боеспособность, к власти приходят циничные авантюристы, играющие на настроениях толпы. Численность этноса и его территория значитель-

но сокращаются, он может легко стать добычей более пассионарных соседей.

Меняется императив поведения: «Будь таким, как мы!». Причем определяют его 1 отныне люди нетворческие и нетрудолюбивые, эмоционально и умственно неполноценные, но при этом обладающие повышенными требованиями к жизни (не выходящими, правда, за пределы того, чего нельзя съесть или выпить). Всякий рост становится явлением исключительным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться. Идет настоящий естественный отбор. Но тут-то и наступает возмездие. Субпассионарии разъедают тело народа, как клетки раковой опухоли организм человека, но, победив, т.е. умертвив соперника, они гибнут сами.

Классический пример — Рим эпохи поздней империи, Китай с XVII в., Русь перед нашествием татаро-монголов.

Фаза обскурации предшествует гибели этнической системы или переходу ее к состоянию гомеостаза, которого может достичь лишь незначительная здоровая часть этноса.

Иногда возникает фаза регенерации —временного восстановления этнической системы после обскурации за счет сохранившейся на окраинах ареала пассионарности. Например, Византия в последний период своей истории. После падения Константинополя в 1204 г. под натиском крестоносцев казалось, что великая империя погибла безвозвратно, от нее остался крохотный обломок — Никейская империя, окраина Византии. Но именно из нее через 50 лет смогла возродиться Византийская империя, которая, правда, была только тенью прежней великой страны, но она просуществовала еще 200 лет. Это смогло произойти только за счет того, что в фазе обскурации именно на окраине ареала обитания этноса сохранилась повышенная пассионарность.

Но в любом случае — это короткий всплеск активности накануне завершения процесса этногенеза, которым является мемориальная фаза. В этой фазе этническая система уже утеряла пассионарность, и лишь отдельные ее члены продолжают сохранять культурную традицию прошлого. Память о героических деяниях предков живет в фольклоре, легендах.

Такую картину мы наблюдаем на Алтае. Там живут телесы, теленгиты, телеуты, алтай-кижи. У всех есть богатый былинный эпос. Такую же картину можно увидеть киргизов Тянь-Шаня, индейцев пуэбло и других, некогда могучих этносов, превратившихся в малочисленные «племена».

После конца динамических фаз этногенеза уцелевшие люди не становятся хуже, слабее или глупее прежних. Изменяются не люди, а этническая системная целостность. Раньше рядом с обычным большинством были пассионарии, многим мешавшие, но придававшие этносу сопротивляемость и стремление к переменам. Агрессивность этнической системы исчезает, но снижается и ее резистентность (сопротивляемость). А это значит, что взамен приобретений наступает время утрат.

Дальше все зависит от соседей. Если они не будут нападать, то остатки этноса продолжат меняться, превращаться в милых, безобидных людей, гостеприимных и доброжелательных. Они постепенно теряют память о прошлом, а вместе с ней и ощущение времени. На конечном этапе они просто ограничиваются констатацией смен времен года и даже просто дня и ночи. Так живут чукчи — прекрасные охотники, создавшие развитую мифологию. Сходную картину демонстрируют племена Центральной Африки, члены которых не знают даже, сколько им лет (при том, что они прекрасно ориентируются в джунглях). Но эти этносы живут в контакте с более пассионарными соседями, которые держат их в форме. Если же этого не будет, то остатки этноса могут просто вымереть из-за отсутствия желания жить. Такие этносы сегодня живут в некоторых заповедниках.

Переход от мемориальной фазы к законченной форме этнического гомеостаза имеет очень плавный характер и выглядит как постепенное забвение традиций прошлого. Жизненный цикл повторяется из поколения в поколение, система сохраняет равновесие с ландшафтом, не проявляя каких-либо форм целенаправленной активности. Этнос в это время состоит почти целиком из гармоничных людей — достаточно трудолюбивых, чтобы обеспечить всем себя и свое потомство, но лишенных потребности и способности что-либо менять в жизни.

В таком состоянии этнос может существовать неограниченно долго, если только не станет жертвой агрессии, стихийного бедствия или не будет ассимилирован. Тому пример — народы Австралии, Крайнего Севера, пигмеи Центральной Африки.

Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза — процессу, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.

Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1988.

Антропология и геногеография. М., 1974.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1992.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.
Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.
Народы и религии: Энциклопедия. М., 1998.
Чебоксаров Н.Н., Чебжсарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.

Глава 6. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

§ 6.1. Сущность этнической идентичности. § 6.2. Основания этнической идентичности. § 6.3. Структура психологии этноса. § 6.4. Инкультурация

§ 6.1. Сущность этнической идентичности

Интенсивное развитие процесса глобализации — очевидный факт современной истории, который делает относительными любые национальные границы. Постоянно происходящая модернизация большинства локальных сообществ, этнологическая интеграция, глобальное распространение наемного труда и монетарной экономики, все более растущая доля массовой культуры и разнообразные перемещения людей по земному шару в определенном смысле делают людей похожими. Во многом этому способствуют новейшие коммуникативные системы, создающие эффект «одновременности» в глобальном масштабе: через системы спутниковой связи можно стать свидетелем любого события, независимо от того, где оно произошло.

С другой стороны, естественной реакцией на эти процессы стало развитие местничества (чаще всего этнического, религиозного) с характерными для него сепаратизмом и противопоставлением себя «центру». Чаще всего местничество преследует цель сохранить существующие отличия от других людей, причем этничность превращается в один из важнейших факторов выражения этих отличий. В контексте этого направления особую актуальность приобретает проблема этнической идентичности, т.е. принадлежности индивида к тому или иному этносу.

Понятие «идентичность» сегодня широко используется в философии, психологии, этнологии, культурной и социальной антропологии с разными значениями или в разных аспектах. В самом обще» понимании оно означает осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием этого понятия является тождественность самому себе. Лейтмотивом здесь служит убеждение в том, что если я отождествляюсь с другим человеком, то он станет моим продолжением; если я отождествляюсь с группой людей, то они станут продолжением меня (и наоборот).

Термин «идентичность» пришел в этнологию и довольно быстро приобрел статус аналитического понятия, поскольку стал активно использоваться в исследовании многих актуальных вопросов. При этом было конкретизировано его содержание: идентичность стала пониматься как процесс перене-

сения индивидом на самого себя качеств и особенностей его внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях. Идентификация служит основой процесса подражания, т.е. не насильственного, а свободного выбора человеком тех качеств, умений и ценностей, какими он хотел бы обладать.

Проблема идентичности тесно связана с так называемой «я»- концепцией в современной науке, которая предполагает, что у индивида существует некое внутриличностное ядро — «я», — отбирающее и интегрирующее всю значимую и отбрасывающее всю незначимую информацию. «Я» здесь вовсе не равно личности, это некий феномен, характеризуемый внутренним единством, близкий к понятию самосознания, которое складывается из представлений человека о себе и для себя, а также из представлений о себе для других.

Можно выделить два уровня идентичности. Первый — личностно-психологический — осознание человеком, кто есть я. Оно складывается по мере участия в различных социальных группах. Можно ощущать себя членом семьи, трудового коллектива, драматического кружка. Этот уровень идентичности связан с представлением о себе как члене какой-то группы, а также теми эмоциями, которые возникают от оценки этой принадлежности.

Второй уровень — социально-психологический. Эти представления формируются как производные от осознания человеком своей причастности к определенной социальной группе. Индивиду свойственно искать подтверждения своей групповой принадлежности, что возможно только во взаимодействии с другими подобными группами. Человеку свойственно сравнивать свою группу с другими и вести себя так, чтобы представить свою группу в благоприятном свете.

Разновидностью социально-исихологической идентичности является этносоциологическая идентичность: осознание личностью своей принадлежности к определенному этносу. Она удовлетворяет с одной стороны, потребность в самобытности и независимости других людей, с другой - потребность в принадлежности к группе и защите.

Кроме уровней в этнологии принято выделять виды этнической идентичности. Последняя может быть осознанной или бессознательной можно считать себя представителем одного народа, но при этом проявлять качества, которые характерны преимущественно для другого); полной или частичной (можно осознавать себя частью одного народа, а можно - одновременно двух и более народов семьи, профессионального коллектива и т.д.); н е п о с р е д с т в е н н о й и о п о с р е д о в а н н о й. Опосредованная идентификация осу1дествляется включенностью в соответствующую этническую общность или группу: я идентифицируюсь с конкретным народом через включенность в его различные этнические коллективы и целостности. К таким целостностям относятся любые субъекты семья социальные страты, субэтносы, этнографические группы и т.п. Включенная идентичность может быть многоуровневой и иерархизированной: я идентифицируюсь с народом через вклю-

ченность в группу, которая, в свою очередь, входит в другую группу и т.д.

Культурная ценность этнической идентичности очень высока, так как позволяет самореализоваться личности больше, чем любая другая социальная группа. При этом этническая идентичность приобретается не путем каких-то личных усилий, а по рождению или воспитанию с раннего детства в определенной этнической среде.

Для этнологии важна проблема этнической идентичности, которая означает осознание индивидом своей принадлежности к этносу. Общеизвестно что нет личности внеисторической, вненациональной, каждый человек принадлежит к той или иной этнической группе. Новорожденный не имеет возможности выбрать себе национальность, с появлением на свет в определенной этнической среде его личность формируется в соответствии с установками и традициями его личного окружения. Не возникает проблемы этнического самоопределения человека, если его родители принадлежат к одной и той же этнической группе в которой и проходит его жизненный путь. Такой человек легко и безболезненно идентифицирует себя со своей этнической общностью поскольку механизмом формирования этнических установок и стереотипов поведения здесь служит подражание. Он усваивает язык, культуру, традиции, социальные и этнические нормы родного этнического окружения. Этническое сознание такого человека строится гармонично, не входя в противоречие ни с окружающими людьми, ни с собственным внутренним миром. В иной ситуации формирование этнического сознания идет намного сложнее и противоречивее.

Осознание собственной этнической идентичности не является самопроизвольным и беспричинным актом, оно детерминировано конкретными общественными потребностями. Потребности осознания родства или идентичности возникли еще в глубокой древности и привели к появлению в первобытном обществе целой системы представлений и ритуалов. Это — уровень родоплеменного коллективизма и родоплеменного сознания. Выработка сознания этнической общности больших масс людей также уходит своими корнями в глубокую древность, но отвечает уже потребностям в идентификации более высокого уровня, рожденным необходимостью в социальной организации, сплачивающей этническую общность для отпора врагу и обеспечения собственной безопасности. Даже когда потребность в этническом объединении в связи с внешней опасностью непостоянна, такие временные объединения могут служить мощным толчком для осознания факта этнической близости и единства.

Возникновение и существование племенных союзов и государств порождает качественно новую потребность в этнической идентификации, но уже со стороны народившейся верхушки этноса в идеологических обоснованиях общности подвластного населения, что обычно выражалось в установлении религиозно-культового единства. В таких случаях этноконфессиональный объединяющий фактор становится дополнительной детерминантой в формировании этнической идентификации.

Многочисленные наблюдения и исследования процесса этнической

идентификации показывают, что его развитие возможно в трех вариантах. Во-первых, этническая идентификация может произойти на основе подражания, т.е. индивид осознанно или неосознанно копирует стереотипы поведения той этнической общности, в которой он воспитывается и живет. Во-вторых, она может осуществляться на основе принуждения. Такими орудиями принуждения служат традиции и ценностные ориентации общества. В-третьих, этническая идентификация может осуществляться на основе свободного и осознанного выбора. Иногда человек отказывается от национальности и становится космополитом, человеком всего мира. Но и в таком случае отказ всегда основан на свободном выборе.

В процессе формирования этнической идентификации, в зависимости от сочетания различных причин и условий, складывается семь основных типов, отличающихся своими стойкими чертами и признаками.

1.Нормальная идентичность — образ своего народа воспринимается как положительный, имеет место благоприятное отношение к его культуре, истории. Но потребность в идентификации с данной этнической группой и уровень консолидированности с ней зависят от типа личности и от ситуации. Отклонения от «нормы» могут идти в направлении как нарастания этничности, так и ее угасания или даже отрицания.

2. Этноцентрическая идентичность — некритическое предпочтение какой-либо этнической группы и самоидентификация индивида с ней. Присутствуют элементы этноизоляционизма, замкнутости. В некоторых этнических группах элементы замкнутости детерминируются традиционными нормами, религиозными правилами (например, брачная эндогамия), хотя и не сопровождаются изоляционизмом в целом.

3. Этнодоминирующая идентичность — этничность становится наиболее предпочтительной перед всеми другими видами идентичности (гражданской, семейной, профессиональной и др.). Иными словами, этническая принадлежность воспринимается как безусловно доминирующая ценность. Обычно сопровождается признанием «нрав народа» выше «прав человека», представлениями о превосходстве своего народа, дискриминационными установками в отношении других этнических групп, признанием правомерности «этнических чисток», стремлением не смешиваться с другими этносами.

4. Этнический фанатизм — абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто понимаемых иррационально. Сопровождается готовностью идти во имя их на любые жертвы и действия. Это крайняя форма агрессивной идентичности.

5. Этническая индифферентность — человек практически равнодушен к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, ценностям своего и других народов. Он независим от норм и традиций собственной этнической группы, и на его поступки и поведение в любых сферах деятельности никак не влияют ни собственная этническая принадлежность, ни этническая идентичность других.

6. Этнонигилизм в форме космополитизма — отрицание этничности,

этнических, этнокультурных ценностей. Обычно возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее неравноценности по сравнению с другими. В результате человек избегает демонстрировать свою этничность, а иногда и вообще отрицает всякую этничность.

7. *Амбивалентная этничность* — явно не выраженная этническая идентичность, широко распространенная в смешанной этнической среде.

Выделяя отмеченные типы и виды этнической идентичности, следует помнить, что это лишь научные абстракции, сформулированные на основании изучения большого эмпирического материала. Реальное положение этнической идентичности среди других форм идентичности людей может определяться не каким-то одним из названных типов, а несколькими.

Этническая идентичность — переменная величина в каждой культуре. Так, в деревне человек ощущает себя ее жителем и воспринимается как таковой другими. В городе он воспринимается как представитель определенной местности, для которой характерны свои диалект, нравы, обычаи. В ситуации войны с другим государством он выступает как гражданин своей страны. Таким образом, границы этнической идентичности подвижны, динамичны и культурно обоснованы.

§ 6.2. Основания этнической идентичности

Появление этносов происходит не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса. При этом на этнообразующие процессы влияют разнообразные факторы, которые могут иметь внутриэтнический, межэтнический и внеэтническии характер. В связи с этим этносы представляют собой сложное образование, каждое из которых одновременно обладает как общими с другими подобными образованиями свойствами, так и специфическими чертами, отличающими каждый из них от большинства или даже от всех остальных этносов.

В этом аспекте этнической идентичности важное значение приобретают основания и д е н т и ч н о с т и. В этнологии выделяются три типа оснований этнической идентичности — порождающие механизмы, признаки общности и средства (условия) идентичности.

Порождающим механизмом этнической идентичности служит социальный статус народа в стране и в мире. Высокий социальный статус в прошлом или настоящем может порождать чувство национального превосходства (исключительности), выражающееся в желании подавить другие народы, властвовать или доминировать над ними. Низкий социальный статус способен породить чувство национальной неполноценности, представление о непрестижности принадлежности к этому народу, что оборачивается готовностью отказаться от национальной принадлежности к своему народу. Механизм формирования этнической идентичности определяет ее основное содержание, а также отношение к другим народам, принимая их как продолжение, расширение своего народа в этнической картине мира.

Признаками общности в этнической идентификации являются этнические нравы, из совокупности которых формируется национальный характер.

К чертам национального характера относятся такие качества, как активность — инертность, ответственность — безответственность, достоинство — чувство превосходства или чувство неполноценности, уверенность — нерешительность (склонность к сомнениям), умеренность — расточительность, выносливость — изнеженность, искренность — лицемерие (лживость, ханжество), простодушие — хитрость (расчетливость), храбрость — трусость, сострадательность — равнодушие, открытость — замкнутость и др. В реальности каждый народ является носителем той или иной комбинации этих качеств, что позволяет ему занимать свое место среди других народов.

Из средств и условий этнической идентичности следует выделить прежде всего национальный язык и общую территорию. С помощью национального языка и компактности проживания обеспечивается единство этноса. Однако с развитием новых информационных и транспортных связей признаки компактности и разбросанности становятся относительными.

В проблеме этнической идентичности немаловажное значение имеет вопрос об этнодифференцирующих признаках, которые ряд этнологов относят к разряду второстепенных при выяснении сущности этноса. Однако при этом упускается из виду, что без этнической дифференциации весь вопрос об этнической идентификации теряет смысл. Характерная особенность этнических общностей как раз и состоит в том, что их непременным свойством, имеющим важное значение, является взаимное различение.

Среди совокупности этнодифференцирующих признаков прежде всего следует выделить внешние отличительные особенности физического типа людей, т.е. расовые признаки. Ведь оценка человека начинается обычно с его внешности, а именно — с расовой принадлежности. Дело в том, что народы мира в большинстве имеют сравнительно однородный расовый состав, хотя антропологические типы могут и отличаться. Другое дело, что для неспециалиста различия между близкими антропологическими типами практически неуловимы. Да и резкие внешние отличия между людьми одного народа не такая уж редкость. Например, в Германии средний житель южной части страны — Баварии — отличается от северянина более смуглым и широким лицом и более низким ростом. Среди немцев-северян процент блондинов гораздо выше, чем в Баварии. Русские ростовчане, большей частью черноволосые и темноглазые, совсем не похожи на русских же коренных жителей северо-западных областей, чаще всего русоволосых и голубоглазых. Китаец из северо-западных районов страны легко отличит только по чертам лица земляка от китайца с побережья Южно-Китайского моря.

Поэтому в действительности расовые черты не играют сколько-нибудь существенной этнодифференцирующей роли. К тому же в настоящее время процесс смешения рас зашел достаточно далеко для того, чтобы по этому признаку можно было определить этническую принадлежность человека. Более того, в современной этнической картине мира абсолютно «чистых», не смешанных в антропологическом отношении этносов вообще не существует.

В то же время следует иметь в виду, что в этнологии отсутствуют чет-

кие антропологические границы между смежными народами-этносами, принадлежащими к одной из больших рас. Именно поэтому попытки определения этнической принадлежности людей на основе одних только внешних антропологических показателей обычно имеют весьма приблизительный характер.

Для этнического размежевания более существенное значение имеют характерные черты культуры в самом широком смысле этого слова, т.е. понимаемой как совокупность специфических человеческих способов сознательной деятельности и ее результатов. Именно в сфере культуры обычно сосредоточены все основные отличительные признаки этносов. Не случайно в практике повседневного межэтнического разграничения, как правило, акцент делается на устойчивых и отчетливо внешне выраженных компонентах культуры соответствующих этносов: языке, религии, искусстве, обычаях, обрядах, нормах поведения, привычках и т.п. Сюда относятся также принятые жесты вежливости и приветствия, этика в еде, гигиенические привычки и т.п., которые, передаваясь из поколения в поколение, образуют так называемую этническую культуру, обладающую специфическим для каждого этноса своеобразием.

В этой группе культурных компонентов важным этнодифференцирующим признаком является язык, но он тоже не всегда показывает, к какому этносу принадлежит человек. Ведь возможны случаи, когда на одном языке — например, английском, испанском, португальском, русском — говорят несколько этносов, также возможно, что один этнос говорит на нескольких языках — мордва говорит на языках эрзя и мокша.

Бывают и другие ситуации. Так, большинство современных ирландцев говорят по-английски, и лишь немногие из них продолжают пользоваться тем языком, на котором все ирландцы говорили 300—400 лет назад. Но ни у самих ирландцев, ни у ученых нет сомнений, что теперешние англоязычные потомки средневековых ирландцев принадлежат к тому же народу, что и их предки. Нельзя сбрасывать со счетов и случаи, когда части одного народа говорят на очень сильно расходящихся диалектах. Это относится, например, к немцам и особенно к китайцам, северные, восточные и южные группы которых просто не понимают друг друга. Нередко бывает и так, что основная часть этноса сохраняет традиционный язык, а отделившаяся часть, живущая в иноэтническом окружении, переходит на язык этого окружения, не теряя своего этнического самосознания.

И все же язык, по мнению большинства специалистов, занимает важнейшее место среди оснований этнической идентичности, и спорить с этим невозможно, несмотря на все исключения. В том случае, когда несколько этносов говорят на одном языке (английском, испанском, португальском и т.п.), каждый этнос, как правило, вносит в этот язык свою специфику. Она может заключаться в ином алфавите или правописании, в фонетике, в лексике, в специфических оборотах и фразеологических сочетаниях. Так, явным, специально культивируемым своеобразием отличаются аргентинский испанский и бразильский португальский.

На ранних этапах формирования этносов одним из решающих факторов был конфессиональный (религиозный), благодаря которому сложилось много межэтнических общностей. Сегодня этот признак существует преимущественно в виде основных мировых религий: христианство, буддизм, ислам. Сложившиеся на их основе межэтнические конфессиональные общности охватывают немалую часть народов мира. Однако мировые религии также не служат показателями этнической принадлежности человека. Реальность такова, что в мире гораздо меньше религий, чем этносов. Тем не менее этот признак важен для этнической дифференциации. Так, сербы и хорваты, бывшие когда-то одним народом, разделились на самостоятельные этносы именно по конфессиональному признаку — православие и католицизм.

Более важную роль в этнической дифференциации играет культурно-хозяйственный признак, предполагающий разграничение этносов по типу хозяйства (охота, собирательство, рыболовство, земледелие), образу жизни (оседлый, полукочевой, кочевой), формам орудий труда, одежды и других элементов материальной культуры.

В качестве примера можно взять обычную соху, древнейшее пахотное орудие, с помощью которого сотни лет обрабатывали землю крестьяне Восточной Европы. В начале XX в. насчитывалось несколько десятков типов сох. Разными сохами пользовались жители Центра России, Литвы, Белоруссии. Украинский воз, в который обычно запрягают волов, сильно отличается от русской телеги, которую тащит лошадь. Японская наковальня совершенно не похожа на русскую. Польский и русский кузнецы в старину придавали разную форму обычному топору.

Своеобразны жилища у разных народов мира. Мы можем увидеть и свайные постройки (у части меланезийцев и микронезийцев), и плавучие жилища (у некоторых народов Юго-Восточной Азии), и переносные дома — юрты, чумы, типи (народы Севера, индейцы прерий), и дома-башни (у народов Кавказа). Русские крестьяне, например, куда бы они ни попадали, стремились всегда построить сруб из дерева. В полярной тундре его возводили из плавника (бревен, прибитых к берегу моря), в безлесных районах Кубани, Казахстана люди предпочитали подолгу жить в землянках, чтобы накопить деньги и привезти лес для постройки, но не пользовались местными мазанками.

И интерьер у разных народов — свой. Например, как бы ни различались дома восточных славян по материалу, вдоль стен ставили закрепленные лавки, над ними вешали полки, в красном углу — киот с иконами, полки и шкафчики для посуды размещались у печки. Спали на деревянном помосте (русские полати). Стол у славян обычно ставили в углу, а у карел, интерьер домов которых практически тот же, что у славян, он стоял посреди лицевой стены.

Очень сильно различается традиционная одежда. По одежде русской крестьянки начала XIX в. нередко удавалось с точностью до конкретного селения определить ее родину. По одной лишь тюбетейке у узбека когда-то можно было безошибочно сказать, из какой он местности. И до сих пор у не-

которых народов Индокитая по женской одежде можно узнать, откуда именно приехала в большой город ее хозяйка. Недаром есть пословица: «Встречают по одежке..», и эти слова, вероятно, относятся не только к богатству одежды, но и к их национальным приметам.

Сейчас и дома, и одежда разных народов становятся все более однотипными, теряют свой этнический колорит, поэтому их значение как этнодифференцирующих признаков надает.

Различия между народами проявляются и в составе пищи, и в способах ее приготовления, и во времени ее приема. Эти отличия сохраняются до сих пор, так как пищевые пристрастия меняются с большим трудом.

Так, для одних народов основу пищевого рациона составляют продукты земледелия (славянские народы), для других — мясо (большинство народов Севера), третьи называются ихтиофагами, так как питаются главным образом рыбой. Хорошо известно, что у многих народов действуют разнообразные запреты на определенные виды нищи. Народы Индии не едят говядины, а народы, исповедующие ислам и иудаизм, — свинины. Некоторые народы не употребляют молока (кхмеры). У других деликатесом считается мясо собаки (полинезийцы), змеи (многие азиатские народы), лягушки (французы) и т.д. Особенно стойко традиции сохраняются у сельского населения, ной нища горожан, несмотря на многие изменения, знакомство с кухней других народов, продолжает оставаться в целом традиционной. Поэтому, кстати, бесполезны и даже вредны диеты, предлагаемые представителями иных народов в качестве панацеи от каких-то болезней или для похудения. Многие продукты, перечисленные в них, могут просто не усваиваться не приспособленными к ним организмами. Например, в России часто на завтрак готовят молочные каши, а китайцы, почти не употребляющие молока, просто не усвоят этого продукта.

Даже в том, как люди спят, иногда можно обнаружить этнические различия. Малаец, например, подкладывает под голову не подушку, а деревянную изогнутую скамейку на коротких ножках. В Индии, ложась спать, часто подсовывают себе под колени мягкий валик. Одни народы привыкли спать на возвышении, другие — на полу.

Более важными этнодифференцирующими признаками являются обряды, обычаи, семейный быт. Наряду с моногамной (единобрачной) семьей, распространенной сегодня у подавляющей части человечества, до сих пор у некоторых народов сохраняется как полигамия (многоженство), так и полиандрия (многомужество). У одних народов (племя пунанов на острове Калимантан) для заключения брака достаточно, чтобы жених и невеста в присутствии старейшины заявили о взаимном согласии вступить в брак, у других свадьба длится двое суток (коши в Афганистане) или даже восемь (некоторые народы Индии). У большинства европейских народов приняты свадьбы, на которых присутствуют лишь ближайшие родственники и знакомые, а у народов Кавказа на свадьбу по традиции приглашаются сотни гостей.

А в общении между людьми этническое своеобразие проявляется на каждом шагу. Хрестоматиен пример болгар, у которых в отличие от огромно-

го большинства народов мира кивок головой сверху вниз означает отрицание, а справа налево — согласие. Ногу на ногу американец закидывает иначе, чем русский или француз, — он кладет на колено одной ноги щиколотку другой. Европейцы хлопают руками в знак восхищения или радости, а китайцы — в знак горя или разочарования. Переодетого европейского путешественника, отлично знавшего как будто обычаи Востока, в прошлом веке обнаружили только потому в толпе мусульманских паломников, что он отбивал такт музыки ногой; другого путешественника в сходном случае выдало внимательному глазу то, что утром он сделал свой первый шаг не той ногой, какой остальные.

Словом, быт каждой страны пронизан особенностями, которые являются именно этническими, и нередко заметить их, понять их специфику может только человек со стороны. Но также верно и то, что есть достаточно схожих черт между обрядами и обычаями разных народов, что затрудняет процесс идентификации, но даже если они сильно отличаются друг от друга, требуется специалист, чтобы верно решить этот вопрос.

Таким образом, в современной этнологии нет единой и общепринятой системы этнодифференцирующих признаков, с помощью которой можно было бы решать вопрос об этнической идентичности. Такое положение вполне закономерно, поскольку неповторимый облик каждого этноса создается не отдельной или специфической чертой, а особым, характерным только для него сочетанием объективных свойств, многие из которых могут быть присущи и каким другим этносам.

Констатация этого обстоятельства, однако, не снимает с повестки научных исследований проблему этнической идентификации Все равно необходимо узнать, есть ли какой-то неразложимый ост ток, который позволит уверенно провести идентификацию. Очевидно, что это то внутреннее сознание и те стереотипы, которые позволяют человеку действовать так, а не иначе, делают его представителем определенного этноса. Это означает, что мы попадаем в области психологической антропологии, которая с начала XX в. занимала вопросом, каким путем человек воплощает в себе культуру определенного этноса. Они начали с изучения модальных личностей, давшего желаемых результатов, после чего на первый план вышли исследования ценностей, которые мы будем понимать как осознанные или неосознанные, характерные для индивида или группы индивидов представления о желаемом, определяющие выбор с учетом возможных средств и способов действия.

На основе этих ценностей складываются ценностные ориентации— обобщенная концепция природы, места человека в ней, отношения к человеку, желательного или нежелательного в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром, работая в этом направлении, этнологи периодически предлагают новые концепции. Среди них заслуживает внимания концепция «центральной зоны» этнической культуры отечественного этнолог С. Лурье.

Можно предположить, что у каждого этноса есть некий центр общества — средоточие ценностей и верований, определяющих природу сакрально-

го, священного для каждой культуры. То есть этнос обладает неким внутренним, не осознаваемым ни его членами, внешними наблюдателями культурным стержнем, в каждом о уникальным, который определяет согласованность действий члене этноса и обнаруживает себя вовне через различные модификация культурной традиции, выражая некое общее содержание.

Содержанием центральной зоны являются этнические константы, лежащие в бессознательном слое психики каждого члена этнос и включающие в себя следующие парадигмы:

• локализация источника зла (образ врага);
• локализация источника добра (образ себя, образ покровителя);
• представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.

Рассмотрим ценностные ориентации центральной зоны культуры и их проявление на культурной периферии на примере финского этноса.

Основным содержанием жизни финского народа является борьба с природой. Его цивилизация стоит на костях тех одиночек, которые первыми шли осваивать северные леса и болота, гибли там, расчищая место другим. Это наложило свой отпечаток на сознание людей: они по большей части молчаливы и сурово задумчивы, слепо мерят в судьбу, неагрессивны. Вселенная, космос для финна — арена борьбы человека природой, поэтому все защитные механизмы культуры ориентированы на это, а не на защиту от людей. Для финна образ врага представлен не в виде врага-иноплеменника, а в виде обобщенного образа природы. С ним связано отсутствие готовности к самообороне. Нет и образа покровителя-защитника — финн не будет ждать помощи от других, даже от Бога. Он сам себе защитник. Отсюда же вытекает и любовь финнов к себе в настоящем, у них нет характерного для многих народов несоответствия себя идеальному образу. Человек для финна — существо могучее, призванное покорять стихии. Он очень мало зависит от коллектива. Поэтому так уважаем у финнов образ колдуна — владыки тайн природы. Назависимость финнов породила их страсть к порядку, аккуратность и честность, цельность характеров, настойчивость в достижении поставленной цели.

Таким образом, этнические константы в первую очередь проявляются в психологии этноса — на этом уровне идет расшифровка понятия этнической идентичности.

§ 6.3. Структура психологии этноса

Рассматривая вопрос об этнической идентичности, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что этническое единство любого народа неразрывно связано с общностью его психики, проявляющейся в специфических чертах характера, своеобразии ценностных ориентации, вкусов и т.п. Без учета данного обстоятельства невозможно уяснить не только механизм устойчивости жизнедеятельности отдельных этнических групп, но и передачу этих черт из поколения в поколение.

Основные элементы этнической психологии начинают формироваться еще в недрах родовой общины, когда каждый индивид в субъективном, психологическом плане начал осознавать свою принадлежность к общности «мы» в той мере, в какой у него складывалось представление о «них» — о людях, принадлежащих к другой группе. Постепенно — как с ростом размеров собственной общности, так и с более четким пониманием тех различий, которые характеризовали «их», — эти представления углублялись и расширялись. Ощущение, что есть другие люди, отличные от «своих», т.е. «они» — группы, племена, народы, окружающие «мою» общность, порождало у человека желание и необходимость самоопределиться, обособиться и осознать себя лучше, понять, кто такие «мы». Исходя из этого, у людей складывается комплекс психологических ощущений напряженности и страха перед кон-

кретными носителями «они» (чаще всего это были соседи) в той мере, в какой они отличны, непонятны, непохожи на «нас», и, напротив, чем более «они» были на «нас» похожи, тем легче формировались благожелательные психологические ощущения, менее напряженные и тревожные. Но и в том и в другом случае ощущения как отчужденности, так и благожелательности стимулировали развитие внутренних духовных потенций, делали сложными и разнообразными психические переживания. Этот развивающийся духовный и психический мир формировал историческую память соответствующей этнической общности, которая воспроизводила независимо от особенностей каждого индивида психологию всей общности.

Этническая история любого народа свидетельствует, что в процессе его этногенеза складывается определенный психический тип со стойкими чертами как результат восприятия обычаев, привычек прежних поколений, их жизненного уклада, традиций общения с соседями и т.д. При этом обнаруживается, что психические переживания, историческая память этноса передаются новым поколениям не пассивно, стихийно, не сами по себе, а через духовную культуру, усваиваются каждым индивидом общности в процессе воспитания и практической совместной жизни. При этом сами психические переживания, настроения впитываются в культуру этноса — историю, поэзию, литературу, мифологию, музыку, народное творчество, дополняя и развивая историческую память этноса и тем самым приобретая способность вызывать адекватные психические переживания у новых поколений.

В структурном отношении психология каждого этноса представляет собой сложное явление, включающее в себя две большие группы компонентов: статические (долговременные) и динамические (кратковременные). К первым относятся сложившиеся в процессе этногенеза психические черты, долгое время сохраняющиеся и закрепляющиеся в психологии индивидов данного этноса, ко вторым — черты кратковременные, появляющиеся, видоизменяющиеся или исчезающие на протяжении жизни одного или нескольких поколений.

Кроме того, в научной литературе по проблемам этнической психологии можно встретить методологический подход, рассматривающий структуру психологии этноса как с позиции внешних, феноменологических различий между этносами, так и в сравнении ее меняющейся структуры в ходе развития одних и тех же этносов. При этом предпочтение отдается второму аспекту, т.е. стремлению искать ответы на проблемы этнической психологии не в особенностях конкретной ситуации, социально-экономических и политических условий существования этноса, а в психологической структуре человека.

В соответствии с таким подходом в психологической структуре представителей любого этноса выделяют несколько уровней.

1. Эгоцентрический — преобладает стремление лишь к собственному удобству, выгоде, престижу, благополучию. Отношение к другим этносам носит потребительский характер. Если они помогают удовлетворять свои потребности и интересы, то отношение к ним положительное, если же их пове-

дение и деятельность не отвечают или препятствуют достижению каких-то целей, то этот этнос соответственно приобретает образ «чужого», врага.

2. Группоцентрический — базируется на самоидентификации человека с какой-либо этнической группой, при которой он переносит на нее свои эгоцентрические устремления. Его отношение к представителям других этносов теперь зависит от того, входят ли они в его общность или нет. Если входят, то достойны уважения, сострадания, любви. В этом смысле отношение к «другому» определяется общим отношением к другой этнической группе, которая в зависимости от обстоятельств может выступать как в образе «друга», так и в образе «врага».

3. Универсально-гуманистический — человек, независимо от принадлежности к той или иной этнической группе, становится ценным сам по себе, достойным уважения, обладающим равенством в отношении прав, обязанностей, свобод. Этот уровень характеризуется стремлением установить человеческие условия жизни и для «своих», и для «чужих».

Однако этническая психология, действительно связанная с психологией конкретного индивида, вместе с тем представляет собой качественно иное образование, структурно более сложное и богатое, поскольку оно следует из длительной эволюции и включает в себя опыт многих поколений. Этническая психология является продуктом социальных отношений, потому что, будучи порождением объединенных действий индивидов, синтезом их взаимодействия, имеет другое основание — коллективное сознание. И поскольку этот синтез происходит вне конкретно действующих индивидов, он имеет своим следствием установление образцов поведения, ценностей, норм, способов действия, которые начинают существовать объективно.

Исходя из этого, подход, выделяющий в структуре психологии этноса статические и динамические компоненты, более плодотворен, поскольку дает более точное и содержательное описание структуры психологии этноса.

К числу статических компонентов относится психический склад этноса — специфический способ восприятия и понимания членами этнической группы различных сторон окружающей действительности. Он является продуктом исторического развития, создается из поколения в поколение и существует в виде специфических качеств этнического характера, этнического самосознания, этнических чувств и настроений, традиций, привычек, проявляющихся в форме этнических особенностей психических процессов и состояний представителя той или иной общности, а также этнических особенностей взаимодействия, взаимоотношений и общения людей, которые обычно называют этнопсихологическими особенностями.

Этнический характер — это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт представителей того или иного этноса, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к социально-бытовой среде, к окружающему миру, к труду, к своей и другим этническим общностям. Он отражает специфику исторически сложившихся свойств психики, отличающих один этнос от другого, и существует в форме стереотипов восприятия, чувствования и по-

ведения, преобладающих в структуре личности большинства представителей этноса. Этнический характер и специфичен и типичен одновременно, поскольку это специфическое взаимоотношение тесно связанных психологических качеств, типичных для всех людей. Черты этнического характера могут преобразовываться или исчезать в результате изменения детерминирующих их условий. Это не раз и навсегда закрепленные в психике человека феномены, они динамичны, однако их динамичность проявляется через большие промежутки времени, поэтому они кажутся четко зафиксированными, закрепленными в психике этноса.

Этнический темперамент — определенный стандартный способ реагирования на конкретную ситуацию, присущий большей части данной этнической общности (например, получив известие о несчастье, итальянец будет рыдать и рвать на себе волосы, а японец — улыбаться, чтобы не огорчать других). Он является внешним выражением этнического характера в различных формах вербального и невербального общения: темпе речи, количестве и энергичности движений и жестов, величине социальной дистанции, открытости в проявлении чувств. В психологической науке давно установлено, что психические свойства определяются нейрофизиологической структурой человека, условиями его проживания в определенной климатической среде, образом жизни и способами деятельности. В этнологии этническому темпераменту придается иной смысл, чем в общей психологии. Этнический темперамент не зависит от типа нервной системы. Это — устойчивый феномен, проявляющийся на протяжении истории у представителей различных поколений одного этноса как стабильная форма этнического поведения. Он обусловлен устоявшимися в культуре конкретного народа стереотипами реагирования, а не силой нервной системы, ее подвижностью и возбудимостью.

Этнические традиции и обычаи — сложившиеся на основе практической жизнедеятельности этноса и прошлого, укоренившиеся в повседневной жизни, передающиеся из поколения в поколение правила, нормы и стереотипы поведения, действий, общения людей, соблюдение которых стало общественной потребностью каждого индивида этнической общности. Обычаи и традиции — сложный феномен этнической психологии, имеющий двуединую природу: с одной стороны, это явление психики (т.е. могут как осознаваться, так и не осознаваться), с другой — они реализуются в действиях людей предметно, проявляясь в конкретных вещах, символах, одежде и пр. Большинство норм и правил поведения усваивается людьми подсознательно с помощью механизма подражания. Изначально они возникают и внедряются людьми в повседневную практику сознательно. Однако последующие поколения часто утрачивают представления о целях и необходимости выполнения какого-то правила или нормы, в их сознании остается только алгоритм действия, а представление о целесообразности данной формы поведения уходит в подсознание. На уровне сознания сохраняются только ритуалы, обычаи или традиции.

Значение этнических традиций, привычек, их содержание различны у отдельных народов. Люди по-разному следуют им в своей жизни. Так, англи-

чане слепо преклоняются перед любыми традициями. Многие из них стремятся решить свои дела «согласно обычаю». Несколько гиперболизируя, можно утверждать, что если американец — раб стандарта, то англичанин — раб своих традиций. Англичане стремятся сохранить в любых условиях свои привычки, вкусы, нравы, обособленность, ассортимент блюд, комплекс некоторого превосходства, порой снисходительное отношение к другим.

Христиане, входя в церковь, снимают головные уборы, а евреи, входя в синагогу, покрывают голову. В католических странах женщины не должны входить в храм с непокрытой головой. В Европе цвет траура — черный, в Китае — белый. Если к европейцу приходит гость и восхищается какой-то вещью, то хозяин доволен. Если европеец начинает восторгаться вещицей в доме китайца, то хозяин дарит ему этот предмет — того требует китайская традиция.

Этнические традиции, привычки проявляются не только в поступках, делах, одежде, стиле обучения и т.д., но и в движениях, жестах и других малозаметных проявлениях психологии людей. Это обстоятельство принципиально важно, так как у каждого человека есть бессознательный механизм, который фиксирует отношение «свой — чужой» по едва заметным нюансам проявления психики. В межэтнических контактах необходимо иметь в виду, что люди, как правило, чувствительны к своим традициям, обычаям, вкусам и поэтому их лучше не нарушать. Практика межэтнических взаимоотношений свидетельствует, что недостаточное знание этнических традиций, обычаев, привычек, вкусов часто ведет к серьезным конфликтам.

Этнические интересы — это общественно-психологические явления, отражающие мотивационные приоритеты представителей той или иной этнической общности, служащие сохранению ее единства и целостности. Этнические интересы являются важнейшей движущей силой поведения и деятельности людей. Любая попытка ущемить этнические интересы чаще всего расценивается ими как покушение на жизненные устои. Поэтому этнические общности, обладающие развитым этническим самосознанием, не поступаются своими этническими интересами, защищая их не только политическим, но и вооруженным путем. Стремясь реализовать свои этнические интересы, этническая общность готова пойти на ущемление интересов других общностей. История бесстрастно свидетельствует, что столкновение этнических интересов различных общностей часто оканчивается вооруженными конфликтами и продолжительными войнами.

Этническое сознание — возникает в процессе исторического развития этнической общности как сознание этнического бытия. Оно также имеет сложную структуру, поскольку его объектами являются и собственный этнос, и другие этнические общности. Остановимся на этом понятии подробнее.

Как уже отмечалось, непременным условием этнической определенности является выделение и противопоставление какой-либо общности другим, т.е. наличие антитезы «мы» — «они». Поэтому к этносу относится только та общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя среди других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего груп-

пового единства в этнологии принято именовать этническим самосознанием. Этническое самосознание есть осознание принадлежности к определенной этнической общности, сознательное отражение этнического бытия. Оно фиксирует принадлежность к тому или иному этносу и выражается в выборе этносом своего самоназвания — этнонима.

Однако этническое сознание не ограничивается только осознанием своей этнической принадлежности. Другим его видом является осознание единства и целостности общности («мы») через противопоставление другим общностям («они»). Таким образом, этническое сознание включает в себя представления не только о своей общности, но и о других этносах. Последние представления избирательны, не всегда объективны и полны. Они преломляются через субъективные восприятия другого этноса, которые часто усиливают одни черты и ослабляют или стирают другие. Подобная избирательность присутствует также и при сознании своих этнических особенностей.

Современные этнополитические процессы позволяют выделить в структуре этнического сознания такую его форму, как этнологическое самосознание, под которым понимают: 1) осознание принадлежности к этносоциальной общности как социально-экономической и политической организации; 2) осознание места и роли своей этнической общности в системе межнациональных отношений и осознание самобытности, уникальности своей культуры; 3) понимание и оценку исторического места своего этноса в современном мире. В пользу данных взглядов этнологи приводят аргументы, подтверждающие дискретность этнологического самосознания в отличие от филогенетически устойчивого этнического самосознания, которое в истории этноса никогда не прерывается. Дискретный характер этнологического самосознания означает, что на определенном этапе этногенеза у какой-либо этнической общности формируется потребность в сознании собственного общества, собствен ной государственности. Актуализация этой потребности пробуждает этнологическое самосознание независимого государства и побуждает его к политическим действиям в этом направлении, поэтому этнологическое самосознание выступает в роли теорий и политических программ.

В своем крайнем проявлении этнологическое самосознание может принимать формы национализма и этноцентризма. Различие между ними состоит в том, что, пока осознание особенностей и самобытности своей этнической общности не содержит предубеждения против других этносов, пока происходит только признание этнических различий, этнологическое самосознание принимает форму националистических теорий и концепций. Но как только в нем оформляется идея особой роли и значимости своей этнической общности по сравнению с другими, возникает этноцентризм — стремление воспринимать все жизненные явления с позиций превосходства своей этнической группы, расцениваемой как эталон или образец для других этнических групп.

Главная задача этнологического самосознания состоит в формулировании национальных идей. Теоретически оформленная и принятая членами

этнической общности национальная идея создает представление об этносе как о едином целом, отличном от других, и стимулирует процесс национального самоопределения. При этом этническое самосознание должно основываться не столько на выделении своего этноса как особого явления, сколько на осознании сходства с другими этносами.

Динамические компоненты этнической психологии представлены этническими чувствами и этническими вкусами.

Этнические чувства — эмоционально окрашенное отношение к своей этнической общности, ее интересам, другим народам и ценностям. Условия жизнедеятельности этноса, его быт, культура, обычаи и традиции создают в психологии этноса особое сочетание чувств. Именно в этой комбинации чувственного отношения к действительности, а не в наличии или отсутствии каких-либо черт характера у представителей конкретного этноса проявляются отличия одного этноса от другого. Этнические чувства могут иметь как позитивный, так и негативный оттенок. Положительный выражается в чувствах национальной гордости, патриотизма, любви к своему народу, дружелюбном отношении к другим этносам. Отрицательный — в национализме и шовинизме, национальных и расовых предрассудках, и отчуждении от чужих народов и т.д.

Этнические чувства также передаются от поколения к поколению, но при этом они более динамичны, чем психический склад этноса или этническое сознание. Их динамичность определяется степенью устойчивости тех факторов или причин, которыми они порождены. Этнические чувства являются свидетельством и показателем, что этнос не просто творит историю, но и эмоционально ее переживает.

Этнический вкус — оценка правильности, нормальности, красоты, морали и норм поведения, принятых в данной этнической общности. Условия существования этноса вырабатывают определенный способ оценки окружающего мира, четкие критерии, которые позволяют отмечать и обнаруживать какие-то черты, скрытые от внимания представителей других этносов. На основе таких критериев в этнической общности формируется национальная культура.

Этнические вкусы в основном зависят от исторически сложившихся условий жизни этнической общности, однако эта детерминация не является однозначной. Ведь определенное сходство может существовать между вкусами народов, далеко отстоящих друг от друга исторически, и в то же время этнические оценки каких-либо явлений резко различаются у генетически и культурно родственных этносов. Этнические вкусы определяются не только географическими условиями, но также религиозными представлениями, далеко не всегда одинаковыми у родственных этносов.

Наконец, в контексте вопроса структуры психологии этноса интересно проследить, как отличается восприятие своего и чужого. Человеку свойственно преувеличивать достоинства своего этноса и преуменьшать — других. Например, то, что у себя называется экономностью, у других будет скупостью; настойчивость — упрямством и т.д. Так мы сталкиваемся с феноменом

стереотипа — упрощенного, схематизированного, эмоционально окрашенного и чрезвычайно устойчивого образа какой-либо этнической группы и общности, распространяемого на всех ее представителей. Появление стереотипов связано с принципом экономии мышления, так как людям психологически легче характеризовать обширные человеческие группы недифференцированно, грубо и пристрастно. Эти стереотипы усваиваются очень рано и начинают использоваться детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся. Изменения стереотипов происходят редко, медленно и тяжело. Они редко проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности между группами, но начинают играть доминирующую роль в реальном поведении индивидов, доходя до откровенной враждебности при обострении отношений.

Стереотипы есть необходимое зло, присущее человеку изначально. Они неизбежно искажают реальность, которую пытаются отразить. Но как бы мало это искажение ни было, стереотипы есть факт психической реальности, определяющий межэтнические отношения независимо от того, соответствуют они действительности или нет.

§ 6.4. Инкультурация

Формирование многих этнических черт человека непосредственно зависит от степени освоения культуры своего этноса, в которой главными для него выступают ценности и нормы жизни, деятельности и поведения. Процесс «врастания» индивида в свою этническую общность и культуру обозначен в этнологии понятиями «социализация» и «инкультурация». Эти понятия по своему содержанию выступают как синонимы, поскольку означают процесс освоения людьми своего социокультурного окружения: культурного пространства-времени, функциональных объектов, способов деятельности, общения, нормативных образований. В результате инкультурации человек получает способность свободно ориентироваться в окружающей этнической среде, пользоваться большинством предметов культуры, созданных предыдущими поколениями, обмениваться результатами физического и умственного труда, устанавливать взаимопонимание с другими народами.

Каждый человек проходит через процесс инкультурации, поскольку без его результатов не может существовать как член общества и своего этноса. Этот сложный процесс начинается в раннем детстве с приобретения навыков владения своим телом и усвоения элементов ближайшей жизненной среды и продолжается всю жизнь. В этом процессе принято выделять две основные стадии: первичную (детскую) и вторичную (взрослую).

На первой стадии дети осваивают самые общераспространенные, жизненно необходимые элементы своей культуры. Инкультурация реализуется здесь в форме воспитания, является целенаправленным воздействием на ребенка с целью формирования у него адекватных навыков, необходимых для нормальной социокультурной жизни. Для этого периода в любой культуре существуют специальные формы и способы инкультурации, которые обеспечивают детям нужное количество знаний и навыков для их повседнев-

ной практики. Примером такой формы первичной инкультурации является игра. В зависимости от характера осваиваемых навыков игры подразделяются на следующие тины:

— физические игры, в которых тренируется и развивается физическая активность;

— стратегические игры, тренирующие и развивающие способность прогнозировать возможные результаты любой деятельности и оценивать вероятность этих результатов;

— стохастические игры, где решающая роль принадлежит случаю, удачному стечению обстоятельств, приучающих ребенка к тому, что он может встретиться с неконтролируемыми обстоятельствами, к представлению о риске;

— ролевые игры, предназначенные для освоения ребенком тех функций, которые ему придется выполнять в будущем.

В играх развиваются такие личностные свойства, как интеллект, способность к обучению, фантазия, воображение. Значимое место в процессе первичной инкультурации принадлежит освоению трудовых навыков и формированию ценностного отношения к труду. Таким образом, инкультурация ребенка служит предпосылкой его трансформации во взрослую, способную к адекватному участию в социокультурной жизни личность.

В этнологии детство понимается не как ранняя стадия существования человека, а как период социокультурной подготовки к взрослой жизни. Взрослым индивид считается в случае наличия определенной совокупности врожденных и приобретенных качеств, из которых наиболее важными являются следующие:

— достижение необходимой степени физической зрелости организма, как правило несколько превышающей наступившую способность к воспроизведению потомства;

— овладение навыками собственного жизнеобеспечения в сферах домашнего хозяйства и общественного разделения труда;

— овладение достаточным объемом культурных знаний и социального опыта через практическую деятельность в составе различных социокультурных групп и знакомство с различными «языками» культуры (наука, искусство, религия, право, мораль);

— принадлежность к одной из социальных общностей, состоящей из взрослых участников системы разделения труда.

Главной отличительной особенностью второй стадии инкультурации становится способность индивида к самостоятельному освоению социокультурного окружения в пределах, установленных в данном обществе. Индивид получает возможность комбинировать полученные знания и навыки для решения собственных жизненно важных проблем: расширяется его способность принимать решения, которые могут иметь значимые последствия для него и для других он получает право участвовать в составе своей этнической группы в действиях, приводящих к значительным культурным изменениям.

Первый этап инкультурации способствует сохранению стабильности

культуры, поскольку основным здесь является воспроизведение уже имеющихся образов, контроль за беспрепятственным проникновением в культуру случайных и новых элементов. Второй этап обеспечивает членам общества возможность принять на себя ответственность за экспериментирование в культуре, внесение в нее изменений различного масштаба. Гармоничное и последовательное развитие обоих этапов инкультурации завершается формированием менталитета личности, т.е. совокупности установок и предрасположенностей индивида действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. В свою очередь, это состояние ментальности служит показателем нормального функционирования и развития как индивида, так и социокультурной среды.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнян И.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.
Баранове А. О. Основы этнической психологии, СПб., 1991.
Введение в этническую психологию / Под ред. Ю.П. Платонова. СПб., 1995.
Гнатенко П.И. Национальный характер. Днепропетровск, 1992.
Малтова Н.Г. Парадоксы межнационального мышления. М., 1992.
Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.
Саракуев Э.А., Крысько В.Г. Введение в этнопсихологию. М., 1996.
Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.
Социальная идентификация личности. М., 1994.
Тадевосов Г.Т. Этнология: Словарь-справочник. М., 1998.
Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Вайбурина. М., 1985.
Этнокогнитология. М., 1996.

Глава 7. ЭТНОС И КУЛЬТУРА

§ 7.1. Культура и ее этнические функции. § 7.2. Этническая культура. § 7.3. Этнический стереотип и этнический образ. § 7.4. Этнические образы народов мира

§ 7.1. Культура и ее этнические функции

Бурные этнические процессы конца XX столетия более чем убедительно свидетельствуют, что этнокультурные взаимоотношения и взаимосвязи составляют весьма важную часть жизнедеятельности современных государств и народов. Это находит свое выражение в объединении этнических общностей для борьбы за обладание природными ресурсами, политическую власть, территориальную и культурную целостность. Многочисленные этнические конфликты, регионы этнической напряженности, националистические, религиозные, культурные движения и объединения показывают, что этнокультурные проблемы в новейшей истории не утратили своей значимости и актуальности.

В настоящее время практически невозможно найти ни одной этнической общности, которая не испытала бы на себе воздействие со стороны культур других народов. Именно эта тенденция культурной глобализации особенно обостряет интерес к культурной самобытности. Культурное многообразие современных народов даже увеличивается, и каждый из них стремится сохранить и развить свою целостность и культурный облик.

Эта тенденция осознания и отстаивания собственной неповторимости и сохранения культурной традиции подтверждает в очередной раз общую закономерность: человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает этнического многообразия. Мы продолжаем жить в крайне разнообразном культурном пространстве, и это разнообразие проявляется во всех сторонах нашей жизни.

Социальные и культурные изменения всегда составляли важнейшую часть человеческой эволюции, и было бы ошибкой рассматривать этносы как некие раз и навсегда сформировавшиеся общности. Эти общности и есть прежде всего результат развития и взаимодействия культур, а новые формы культурных различий, как и новые традиции, постоянно возникают из самых разных источников в процессе человеческой жизнедеятельности. Одна из задач этнологии — дать обстоятельное и научное объяснение этим этнокультурным процессам современности.

Этнокультурная проблематика уже давно привлекла внимание представителей самых разных наук, однако, несмотря на многолетние диспуты и обилие точек зрения, до сих нор отсутствует какое-либо общепринятое определение этнической культуры. Это, видимо, закономерно, поскольку гуманитарные науки не пользуются единым методологическим основанием. Сам по себе термин «культура» включает множество феноменов, часто противоположных и взаимоисключающих, относящихся к различным уровням и формам. реальности, Поэтому стремление свести все многообразие проявлений культуры к одному определению до сих пор оказывалось безуспешным, разные ученые вкладывали в него противоречивый, норой взаимоисключающий смысл, от бытового толкования как уровня воспитанности человека до понимания ее как всеобщего способа существования человеческого рода. Не вдаваясь в общую культурологическую дискуссию по определению термина «культура», остановимся лишь на его этнологическом контексте.

В общем контексте культурологических исследований роль этнологии состоит в том, чтобы описывать и объяснять особенности культуры, мышления и поведения прошлых и современных обществ. А поскольку этнологическими исследованиями занимаются ученые разных стран и их описания касаются как «чужих», так и «своих» народов и культур, то в современной этнологии возникло довольно много теорий и концепций самой разной методологической направленности. Так, если европейские этнологические школы складывались вокруг различных теорий общества и понятия народа, то американская этнология избрала своим основным предметом исследований культуры разных народов и ее крупнейшие представители старались преодолеть этноцентрический подход. Русская этнологическая школа сформировалась преимущественно на европейских научных традициях, сосредоточившись на описаниях отсталых народов. Позднее русские этнологи обратились к исследованиям в области теории этноса и этногенеза, обогатив этнологию сведениями о происхождении народов, их классификациями.

Современное состояние изучения этнических культур основывается на методах этнографического и исторического анализов социологии, дости-

жениях структурной лингвистики. Культура при этом рассматривается как система символов и значений, которая требует интерпретации и объяснения. При таком методологическом подходе старые эволюционистские теории культуры оказались потесненными новыми конструктивистскими концепциями. И хотя эти постмодернистские новации оказали большое влияние на современную этнологию, традиционный взгляд на человечество как на состоящее из реально существующих этнокультурных общностей остается доминирующим.

В контексте нашей работы мы исходим из понимания культуры как внебиологически выработанного (незакрепленного генетически) и передаваемого способа человеческой деятельности. Такое комплексное понимание культуры на основе деятельностного подхода позволяет найти адекватные формы объяснения феномена этнических культур как совокупности присущих этносу способов освоения условий своего существования направленных на сохранение этноса и воспроизводство условии его жизнедеятельности. Главным здесь является функциональный аспект культуры, понимание ее как адаптивного механизма, облегчающего человеку жизнь в окружающем мире

В вопросе о функциональном назначении культуры в большинстве гуманитарных наук утвердилась точка зрения, согласно которой современная культура выполняет следующие функции:

- инструментальную – создание и преобразование окружающей среды;
- инкультурации – создание и преобразование самого человека;
- нормативную – система средств организации коллективной жизни;
- сигнификативную (знаковую) - «означивание», благодаря которому осуществляются умственные и эмоциональные действия человека. Это формирование имен и названий. Если какое-то явление или предмет не названы, не имеют имени, не обозначены человеком, они для человека не существуют;
- познавательную - дает возможность человеку создать картину мира, поэтому тесно связана с сигнификативной;
- коммуникативную - обеспечивает передачу этнокультурной информации в диахронном (между поколениями) и синхронном срезе, обеспечивая пространственную стабильность и культурную интегрированность.

Анализ содержания наиболее распространенных современных интерпретаций культуры и ее функций показывает, что практически все они обязательно выделяют этническую компоненту. Тем самым подчеркиваются этнические функции культуры, выполняющие этнодифференцирующие и этноинтегрирующие задачи. Этнические компоненты культуры отличаются стабильностью и устойчивостью и поэтому составляют генетическое «ядро» этноса.

Все этнические функции культуры служат важнейшей цели — психологической защите индивида. Они дают ему возможность определить себя в мире и получить такой образ мира, в котором он мог бы безопасно и надежно существовать. То есть этническая культура содержит в себе защитные механизмы этноса, среди которых можно выделить специфические и неспецифические.

Специфические механизмы направлены на преодоление конкретной угрозы извне. Угроза маркируется, получает название, и тем самым вписывается в иерархию бытия — определяется способ защиты от данной угрозы (ритуальное или реальное действие).

Приведем в качестве примера знакомую всем ситуацию. Каждый из нас хотя бы раз в жизни болел (не легкой простудой, а какой-то достаточно серьезной болезнью, с которой мы встречались впервые). При этом болезненные ощущения и чувство слабости и беспомощности были не единственным, что мы испытывали. Обычно в таком состоянии в голову приходят разные неприятные мысли, в том числе и о возможном смертельном исходе болезни, вспоминаются симптомы всех болезней, о которых только приходилось слышать (в данном случае дело обстоит прямо по Дж. Джерому: его герой, читая медицинскую энциклопедию, нашел у себя все болезни, кроме родильной горячки). Ощущение неясности своего будущего значительно ухудшало общее состояние. В таких случаях вызывают врача, который ставит диагноз и назначает соответствующее лечение, что снимает психологическое напряжение. Это связано с тем, что таким образом угроза нашей жизни получает название (имя), тем самым вписывается в существующую у нас картину мира, что автоматически выдает нам возможные средства борьбы с этой угрозой.

Неспецифические механизмы — это сама этническая культура как образ мира, упорядоченная и сбалансированная схема космоса, та призма, через которую человек смотрит на мир, упорядоченный образ мироздания. Она выражается через философию, литературу, мифологию, идеологию, а также в поступках людей. Содержание ее большинством членов этноса осознается фрагментарно, являясь достоянием немногих специалистов-культурологов. Мы уже выяснили, что эта картина мира основана на этнических константах, составляющих центральную зону культуры и лежащих в бессознательном слое психики каждого члена этноса. Фактом сознания является не содержание этнической картины, а ее наличие и целостность (вернее, представление о ней как об упорядоченной и гармоничной, так как объективно она внутренне противоречива). Эта картина не будет одинаковой у всех членов этноса, так как внутри этноса всегда существует множество социальных групп и слоев, чьи цели и интересы противоречат друг другу, а значит, ведут к формированию различных картин мира. Кроме того, картина мира неизбежно меняется со временем. Но любые этнические картины мира (внутри одного этноса), при всем их внешнем несходстве будут иметь общие этнические константы-аксиомы.

Как действует защитный механизм этнической культуры, каковы уровни адаптации этноса к окружающей среде? Об этом говорит в своей концепции С. Лурье.

Во-первых, в качестве защитного механизма используется сама этническая культура — такая первичная систематизация мира, которая дает принципиальную возможность действовать. Это связано с формированием центральной зоны культуры, содержанием которой являются этнические константы, т.е. с формированием пласта этнического бессознательного.

Во-вторых, центральная зона культуры адаптируется к конкретным условиям существования этноса (это связано с кристаллизацией вокруг нее инвариантов этнической картины мира), что способствует его самоконструированию.

В-третьих, члены этноса воспринимают реальность искаженно, т.е. они невосприимчивы к информации, противоречащей содержанию этнических констант (можно смотреть, но не видеть).

При столкновении с опасностью этнос прежде всего старается вписать ее в уже существующую картину мира, часто закрывая глаза на имеющиеся несоответствия. Это связано с высокой устойчивостью этнической картины мира. Только когда реальность слишком явно не укладывается в эту картину, традиционное сознание этноса начинает распадаться. Это означает, что этносу нужно сформировать новую картину мира, сохраняя в неприкосновенности центральную зону культуры. Будучи не в силах изменить мир, этнос меняет себя. Начинается период смуты, который есть не что иное, как кризис самоидентификации. Нужно по-новому истолковать факты реальности, приписать им новый взгляд на себя, т.е. произвести трансфер (приписывание себе новых качеств — автотрансфер). Изменение трансфера и автотрансфера идет синхронно, что позволяет сохранить столь необходимый для этнической культуры и выполнения ее защитной функции баланс добра и зла в картине мира. А затем вокруг этих ключевых объектов реорганизуются и все другие объекты реальности.

Естественно, что изменение трансферов — ключевых значений этнических констант — происходит не вдруг и не на пустом месте. Мы уже говорили, что этнос внутри себя культурно и социально стратифицирован, в любом этносе есть конфликтующие группы связанные между собой через центральную зону культуры. Именно эти группы и представляют спектр возможных изменений этнической традиции в переломные моменты существования этноса. Победа одной из этих групп во многом зависит от личностного фактора — внутри этноса всегда есть люди, которые основные детерминанты культурной традиции выбирают для себя сами, т.е. их сознание менее детерминировано, чем у большинства членов этнической группы. И хотя выбор происходит на бессознательном уровне, именно эти люди определяют будущее для своей этнической группы.

В результате такого активного пути развития этнос совершает трансферы, образуется новая картина мира, в которой адекватно узнается изменившаяся реальность. На этой базе идет новое самоконструирование этноса — как взаимодействие его социальных групп, имеющих различные ценностные ориентации. Ценностные ориентации победившей группы станут ценностными ориентациями всего этноса.

Возможен также пассивный путь изменения этнической картины мира. Он связан с созданием дополнительных заслонов между миром и этносом, позволяющих большинству этноса вообще игнорировать изменение условий его существования (например, турецкие крестьяне, которые считают, что до сих нор живут в великой империи и ориентируются на прежние традиционные ценности: коллективизм, культ армии, идея превосходства).

§ 7.2. Этническая культура

Исходной точкой и основным признаком формирования этнической культуры является возникновение у группы людей каких-то общих интересов, которые осознаются ими как потребности, принуждающие их жить и действовать коллективно. Важной характеристикой подобных потребностей

служит то, что они выражают общий коллективный интерес, содержательно превосходящий механическую сумму индивидуальных интересов членов сообщества. Потребности такого рода представляют собой особые межиндивидуальные интересы и могут быть удовлетворены путем совместных действий всего коллектива. В этнологических, исторических, социологических, культурологических исследованиях такие потребности оцениваются как служащие интересам жизнеобеспечения и сохранения общности.

В то же время всякое локальное историческое сообщество живет в конкретном природно-историческом окружении, обстоятельствах места и времени, адаптация к которым служит неотъемлемым условием его существования. Этот процесс непрерывной адаптации и работы но удовлетворению коллективных потребностей в конкретных сложившихся обстоятельствах позволяет членам сообщества накопить свой локальный специфический культурный опыт, выражающийся в особых формах деятельности и взаимодействия и отличающийся от такого же рода опыта других сообществ. Если коллективные потребности большинства людей, составляющих локальные сообщества, психологически сравнительно единообразны, то условия их достижения всегда более или менее различаются. Это в итоге ведет к формированию уникальных культурных комплексов, специфичность которых повышается от поколения к поколению за счет естественной аккумуляции культурных отличий, складывающихся в процессе создания людьми своего искусственного окружения.

Вместе с тем культурный опыт всякого сообщества по своему содержанию необычайно велик и эмпирически многообразен. Ни один человек, каким бы культурным опытом он ни обладал, не в состоянии освоить его в объеме, равном культурному опыту всего сообщества. Поэтому отдельные индивиды осваивают и используют лишь часть культурного опыта общества, которая им необходима в практической жизнедеятельности. Большинство же остальных составляющих своего культурного опыта человек усваивает в опосредованном виде. И эти составляющие можно определить как ценностные ориентации, отличающие культуру данного сообщества.

Несмотря на всю важность ценностных ориентации в детерминации общих черт культурного мироощущения сообщества, они нуждаются в более или менее систематизированных приемах и формах применения, т.е. в практических стереотипах поведения, отвечающих повседневным нуждам и потребностям людей. Это происходи в форме постоянной корректировки норм и стандартов деятельности и формирования в результате этого соответствующих образов жизни и картин мира, характерных для конкретного этнической сообщества. В этом смысле образы жизни и картины мира представляют собой наиболее типичные, широко распространенные в ее сообществе устойчивые наборы, совокупности стандартов действительности, взаимодействия, поведения, представлений и т.н. Эти типичные проявления культуры сосуществуют с маргинальными, экстравагантными и новационными проявлениями. Однако именно устойчивые поведенческие установки в наибольшей мере характеризуют специфику этнической культуры.

Исследуя процессы жизнедеятельности современных этносов, ученые-этнологи констатируют, что сфера их этнической специфичности неуклонно сокращается: в одних областях жизни быстрее, в других медленнее она уступает свое место интернационально-стандартным моделям. В осмыслении этого процесса культурного развития отечественная этнологическая мысль пришла к необходимости методологического разделения понятий «этническая культура» и «культура этноса». Ведь для своего существования и воспроизводства большинство народов мира в настоящее время не может обходиться только этнически специфичными способами жизнедеятельности, сложившимися в условиях натурального жизнеобеспечения. Их современное существование стало интегрированным, национально взаимозависимым. В этом процессе понятие «этническая культура» акцентирует внимание исследователей только на этнической специфике свойственных этнической общности культурных явлений. В этом отношении этническая культура представляет собой совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих характеристик данной культуры, которые, с одной стороны, обеспечивают единство каждого отдельного этноса, а с другой — передачу этого единства от поколения к поколению. Этническая культура проявляется буквально во всех областях жизни этноса: в языке, в воспитании детей, в одежде, в устройстве жилища, рабочего места, домашнем хозяйстве и, конечно, в фольклоре.

На формирование этнической культуры оказывают влияние природные условия, язык, религия, а также психический склад этноса. Важным элементом этнической культуры является самоназвание народа (этноним).

Приметы воздействия природных условий можно обнаружить в самых разных областях этнической культуры, начиная с орудий труда, предметов быта и кончая самими этнонимами.

Так, климат во многом определяет особенности одежды и жилища, виды возделываемых сельскохозяйственных культур, от него зависят и средства транспорта. Состав местной растительности определяет материал жилища и его виды, а вместе с особенностями фауны сказывается на специфике повседневной жизни и культурно-хозяйственном развитии. Не случайно индейские цивилизации Мезоамерики развивались менее динамично, чем европейская. Одной из причин этого было отсутствие в Америке животных, которые могли бы после одомашнивания стать рабочим скотом.

Характерные особенности географической среды (климата, почвы, рельефа, флоры, фауны и т.д.) оказывают также влияние на духовную культуру этноса и его психический склад, что выражается в формирующихся стереотипах поведения, привычках, обычаях, обрядах. Этносам тропического пояса, например, незнакомы многие обряды, характерные для жителей умеренного пояса и связанные с сезонными циклами земледельческих работ.

Географическая среда находит отражение и в этническом самоназвании. Именно ландшафты этнической территории ассоциируются в сознании людей с «родной землей». Некоторые элементы ландшафта либо в виде зрительных образов (береза у русских, сакура у японцев), либо в сочетании с топонимикой (река Волга у русских, гора Фудзи у японцев) становятся своего

рода символами этнической принадлежности. Иногда и этнонимы прямо связаны с географической средой — береговые чукчи называют себя «морские жители».

Хозяйственные традиции народов, формирующиеся в непосредственной связи с природными условиями, очень устойчивы. Например, перебравшиеся в Калифорнию армяне-земледельцы и там занимаются традиционным садоводством и виноградарством.

Влияют природные условия и на историческую судьбу народа. Так, островное положение этноса способствует развитию кораблестроения, рыболовства, мореплавания. Кроме того, он защищен своим положением от нападений врагов. Этими условиями во многом объясняется важное место Англии и Японии в современном мире.

Язык этноса способствует прежде всего формированию чувства групповой идентичности. Он поддерживает сплоченность этнической группы, причем между людьми, говорящими на одном языке, почти автоматически возникают взаимопонимание и сочувствие. В языке находят отражение общие знания людей о традициях, сложившихся в данной культуре, в нем опосредованно материализуется историческая память. И наконец, язык как элемент культуры участвует в процессе приобретения практического опыта людьми, особенно членами одной этнической группы. Преимущественно благодаря языкам современная этническая картина мира отличается такой пестротой и разнообразием. Сегодня в мире насчитывается свыше двух тысяч живых языков: от бесчисленных племенных языков, на которых говорят иногда лишь десятки человек, до национальных языков, которыми пользуются многие миллионы людей. В этнолингвистике принято выделять несколько языковых семейств (индоевропейская, семито-хамитская, кавказская, дравидийская, уральская, чукотско-камчатская, конго-кордофанская, нило-сахарская, койсанская, китайско-тибетская, тайская, австро-азиатская, эскимосо-алеутская). Среди них основной является индоевропейская, включающая в себя около 100 языков, на которых говорят почти 150 народов, живущих во всех частях света. Свыше 60% населения нашей планеты говорит на десяти наиболее распространенных языках.

Каждый народ создает свою картину мира на основе языка. Именно поэтому народам бывает так сложно понять друг друга. Конечно, народам, говорящим на родственных языках, это сделать проще (хотя, разумеется, этнические контакты зависят не только от этого), чем тем этносам, языки которых слишком сильно отличаются друг от друга. Так, для народов индоевропейской языковой семьи понятие прогресса расшифровывается как развитие, ускоренное движение вперед. В китайском же языке соответствующий иероглиф обозначает движение вовнутрь, к центру.

Значение религии в формировании этнической культуры общеизвестно. Например, нынешнюю Бельгию населяют два народа — фламандцы, говорящие на одном из германских языков, и валлоны, чей родной язык — французский. Это рождает массу проблем, но, хотя оба эти этноса пользуются определенной автономией, нет оснований полагать, что Бельгия когда-

нибудь распадется. Слишком крепка их связь, обязанная прежде всего общей религии — католицизму.

Хорошо известен и другой пример. Хорваты и сербы, говорящие на одном и том же языке, тем не менее являются разными народами, что во многом вызвано различиями в религии: хорваты — католики, сербы — православные. Отсюда — разные культуры, отсюда — ориентация хорватов на Западную Европу, а сербов — на Россию, отсюда — давняя вражда между сербами и хорватами.

Сегодня говорят о едином арабском мире, в состав которого входят многочисленные этносы, но они говорят на диалектах и наречиях одного языка, которые когда-то принесли сюда завоеватели-арабы вместе с новой религией — исламом. Именно эта религия стала мощнейшей объединительной силой, а язык лег в основу формирования этих культур.

Важным элементом этнической культуры является название этноса, причем сам народ называет себя совсем не так, как его соседи. Например, мы себя называем русскими. А маленький народ саамов, живущий на Крайнем Севере, называет русских «карьеле», латыши — «криеви», финны и эстонцы — «вене», турки — «казак». Этнографам понятно, откуда взялись эти названия. У саамов оно связано с карелами, ближайшим к ним соседним народом, латыши помнят своих ближайших соседей-славян в старину, — племя кривичей. Эстонцы же и финны, скорее всего, перенесли на русских имя древних славянских племен Прибалтики — венедов. А для турок — исторически — представителями России были казаки.

Гораздо сложнее вопрос, откуда берутся самоназвания этносов. Имя становится нужно этносу, когда он уже прошел определенный путь своего формирования и развития. Ведь имя — это выражение того факта, что члены этноса осознали, почувствовали себя одним из народов.

Долгое время все человечество делилось в глазах людей на две части: собственное племя и все остальные, причем «мы» — это люди, а «они» — все остальные племена без различия, нелюди. Часто первобытные племена вообще не имели самоназваний, как, например, папуасы до XIX в. (Все племена Новой Гвинеи получили имена от европейцев.) Сами папуасы объясняли такое положение вещей очень просто: названия нужны другим племенам, чтобы отличить их друг от друга, а про себя и так все ясно — люди.

Поэтому очень многие этнонимы восходят к этому понятию — «люди». Именно это означало когда-то «дейч» — немец, «деле» — индейцы навахо. «Тюрк» также происходит от слова, означающего «человек».

Важный этап на пути формирования этнонимов — появление перед словом «человек» или «люди» определения «настоящий». Это очень большой шаг вперед в осознании своего места в мире, в том числе и признание факта, что другие племена тоже относятся к человеческому роду.

Многие имена означают «друг», «товарищ», «союзник». Так, имя предков осетин — аланы. Это слово и сегодня у некоторых кавказских народов означает «друг». Есть имена, означающие «чужой» и «враг» — именно это, например, означает имя коряков.

Очень давно стали получать народы имя по стране, в которой они живут. Страна же, в свою очередь, получала свое имя от другого, более древнего народа, когда-то жившего здесь. Так, давно нет народа виталов, живших когда-то на юге Апеннинского полуострова, но столкнувшиеся с ними греки назвали по их имени весь полуостров Италией; отсюда и имя итальянцев.

Даже особая деталь одежды может стать именем народа: «каракалпаки» — «черные шапки». Иногда именем становится название занятия. Бхилы в Индии — лучники, тахтаджи в Турции — лесорубы.

Отражается в имени народа характер местности, на которой он живет. Так появилось название одного из славянских племен — дреговичей, живших в болотистой местности («дрегва» — трясина, болото).

Нередко народ или часть народа принимает имя своего выдающегося вождя. Татаро-монгольский хан Ногай правил в конце XIII в. землями от Дуная до Кавказа, сорок лет его воинских успехов привели к тому, что появился целый народ с именем ногайцев. Огузов, вторгшихся в Иран и Малую Азию в XI—XII вв., вели вожди из рода Сельджуков, и этот народ стал зваться турками-сельджуками. Позже во главе этого народа встал род Османов, и появились турки-османы.

Путей образования этнонимов очень много, но в любом случае их появление знаменует собой завершение формирования этноса и его этнической культуры. С этого момента принятое народом имя перестает быть обычным словом, оно становится символом.

Важным элементом этнической культуры является «душа народа» , которую еще называют национальным характером или психическим складом этноса. Мы не будем говорить о составных частях этого элемента культуры (это было сделано выше). Отметим лишь, что нельзя абсолютизировать характер отдельных этнических общностей. Хотя легко заметить, что, например, такое свойство, как трудолюбие, в силу специфики социально-экономических, географических и других условий проявляется у разных народов неодинаково. Этносы могут различаться аккуратностью и пунктуальностью (пунктуальность, высоко ценимая немцами или голландцами, сравнительно мало значит в Испании и еще меньше — в странах Латинской Америки). Характер этнической общности, как и отдельной личности, проявляется главным образом в действиях. Поэтому он обнаруживается и в отдельных памятниках материальной культуры, и в различных видах народного искусства, и в обычаях, и в речи и языке.

Национальный характер не является чем-то застывшим, его особенности определены исторически. Так, среднего немца в середине XVIII в. представляли себе как человека добродушного и терпеливого и только во второй половине XIX в. стали говорить о немецкой сверхпунктуальности и точности.

Национальный характер существует, но он не наследуется от предков, а приобретается в процессе воспитания. Гораздо сильнее он проявляется в тех случаях, когда действуют не отдельные члены определенного народа, а целые их группы, причем далеко не каждый член этноса может считаться об-

ладателем типичного национального характера.

Еще Л. Толстой в «Войне и мире» писал о французской и русской храбрости. Если французы всегда стремились сделать храбрость как можно более картинной и эффектной, то русский человек делал свое дело, ничего при этом не говоря. Немецкая храбрость, в свою очередь, отличается и от французской, и от русской. Так, стойкость немецких солдат, выполняющих приказ своего начальника, у ряда народов вошла в поговорку, но без приказа они не обязаны быть храбрыми. Можно, наконец, отметить итальянскую храбрость — полную противоположность немецкой. Итальянская армия в обеих мировых войнах зарекомендовала себя далеко не лучшим образом. Но итальянские партизаны в то же время показывали чудеса героизма. Поэтому иногда говорят, что немецкая храбрость сильнее всего проявляется, когда опирается на дисциплину, итальянскую же храбрость такая дисциплина сковывает.

Помимо горизонтального членения этнической культуры, рассматривается также вертикальное деление. В таком случае в ней выделяются два уровня: традиционно-бытовой и профессиональный.

Традиционно-бытовая культура — это обыденная жизнь людей. На этом уровне человек удовлетворяет свои физические потребности, потребность в общении и т.д. Он ест, одевается, обставляет свой дом, читает книги и газеты, слушает музыку, отдыхает после работы, воспитывает детей. Именно здесь, в семье, человек с самого детства впитывает в себя этнические стереотипы, которые и делают его представителем определенного этноса.

Профессиональная культура — это искусство, наука, литература, философия, теология и т.д. Все эти сферы также довольно тесно связаны с этничностью, призваны уже не спонтанно, а на осознанном уровне служить своему народу, сохранять и развивать его этническую культуру. Для искусства и литературы эта функция более важна, чем для философии, теологии или науки, хотя и в них есть этноспе-цифические черты. Очень важную роль играет фольклор, но только если он соответствующим образом осмыслен профессиональной культурой.

В современных условиях, в связи с развитием СМИ и различных культурных учреждений, роль профессиональной культуры возрастает. И здесь большое значение имеют государственные и общественные организации, которые должны поддерживать культуру своего народа. Но если в государстве нельзя высказаться через профессиональную культуру, этнические элементы культуры опускаются в менее доступные контролю государства слои традиционно-бытовой культуры — так появляются анекдоты, частушки и т.д.

Однако современному этапу жизнедеятельности этнических общностей более соответствует понятие «культура этноса», предполагающее совокупность всего спектра культурных явлений, необходимых для существования общества, без учета этнической специфики. Действительно, трудно представить такой современный народ, жизнедеятельность которого базировалась бы исключительно на этнически своеобразных основаниях. Вполне очевидно,

что чем более цивилизован народ, тем более необходимы ему самые передовые достижения других культур. То есть реальной чертой современной этнокультурной действительности выступает не этническая культура народа как комплекс этносиецифических черт, а культура этноса как совокупность культурных явлений, необходимых народу для его жизнедеятельности. Однако в структуре культуры даже самых цивилизованных народов все же обнаруживаются многие этноспецифи-ческие элементы культуры, причем одни слои сохраняют в своем образе жизни значительный отпечаток этнического своеобразия, а другие его почти лишены.

§ 7.3. Этнический стереотип и этнический образ

Жизнь каждого этноса протекает в относительно одинаковых условиях совместного существования, что вполне закономерно порождает у его членов единство взглядов на один и тот же предмет, общие критерии оценки, сходные способы поведения. Процесс формирования оценочных суждений происходит постепенно и завершается появлением этнопсихологических эталонов, которые передаются из поколения в поколение в виде обычаев, традиций, обрядов, мифов, стереотипов, оценок и т.д.

Таким образом, окружающий человека мир обладает известными элементами единообразия, которые типизируют поведение человека, т.е. подчиняют нормам, выработанным и принятым в сообществе. В каждом человеческом коллективе есть свой набор типовых программ, направленных на усреднение поведения людей, ибо нельзя допустить, чтобы оно не контролировалось — это грозит распадом общества. Но типовые программы не могут учитывать всего разнообразия возможных ситуаций, и некоторые фрагменты поведения людей, обычно социально незначимые, остаются нерегламентированными. Безусловно, в каждой этнической культуре существуют свои представления о значимости или незначимости каких-то фрагментов поведения. Но в любой культуре действует правило: чем более значима сфера поведения, тем более она регламентирована, тем сильнее контроль общества над соблюдением стандартов и образцов. Причина их появления в том, что человеку свойственно применять способ экономии мышления, когда в стандартных жизненных ситуациях он использует определенные, проверенные на практике программы решения каких-то вопросов и проблем. Такой способ намного облегчает ему жизнь. Подобных программ может быть довольно много.

Есть стандартное поведение, возникающее на основе социальной организации, — поведение крестьянина, воина, охотника и т.д.; в соответствии с биосоциальным членением жизненного пути определяется поведение детей, взрослых, стариков, мужчин, женщин; в соответствии с этническими критериями — поведение японца, европейца и т.д.; в соответствии с конфессиональным членением — поведение христианина, буддиста и т.д.; в соответствии с эпохой — поведение античного, средневекового, современного человека. При этом поведение человека подчиняется не одной программе, а представляет собой синтез нескольких программ, поскольку человек одновременно является членом нескольких социальных групп.

Как формируются подобные программы поведения, каков их механизм? Каждое общество накапливает опыт взаимодействия с внешней средой. Его хранение, накопление и передача — условия существования коллектива. В отличие от животных, эта информация не передается путем биологического наследования, а целиком основана на научении, связана с процессом социализации, формирования члена общества. Поскольку не имеет смысла, да и физически невозможно овладеть всей информацией, накопленной даже за жизнь одного человека, нужно произвести упорядочение этой информации и отобрать наиболее важные фрагменты. На это ориентирован механизм стереотипизации. Благодаря ему накапливаемая информация представляет собой не просто сумму полезных знаний, но определенным образом организованный опыт, который, в силу своей структурированности, может быть передан следующим поколениям. Также это позволяет сохранять рабочий объем этой информации, легко заменяя ее отдельные фрагменты при появлении новых данных.

Понятие стереотипа поведения близко к понятию социальной нормы — исторически сложившегося правила поведения и оценки действий человека (плохо — хорошо). Но в отличие от нормы стереотипы поведения существуют не только для соблюдения нормы, но и для ее нарушения — неправильное поведение тоже имеет свои стандарты.

Общечеловеческие нормы и модели поведения полностью детерминированы биологическими свойствами человека, но существенно коррелируются социокультурными механизмами. Где бы человек ни жил, он должен есть, спать, одеваться и т.д. Но в разных культурах, у разных народов это происходит по-разному.

Стереотипы поведения диктуют как форму, так и содержание действий. Они не нуждаются в мотивации действий. Самым весомым аргументом в пользу данного способа действия служит ссылка на закон предков.

С другой стороны, не следует преувеличивать роль стереотипа, так как модель поведения и реальное поведение — это разные вещи. Стереотип выполняет роль программы поведения, реализующейся в конкретных обрядах, обычаях, этикете, труде, игре, моде, отдыхе, праздниках, способах воспитания, ухаживания, оскорбления, наказания и т.д. В идеале стереотип и его реализация должны совпадать, но реально между ними всегда есть расхождение, причем каждое общество вырабатывает свои стандарты строгости и терпимости к нарушению в разных сферах поведения. Поскольку стереотипы не навязаны сверху, а внутренне присущи человеку, кроме внешних регуляторов большую роль играют внутренние — стыд, страх, вина, честь.

Из всего многообразия этнических стереотипов этнология выделяет группу стереотипов восприятия, под которыми обычно понимается упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей. С помощью этнических стереотипов формируется значительная часть представлений о разных народах.

Содержание этнических стереотипов определяется тремя группами

факторов: 1) спецификой стереотипизируемой группы, т.е. особенностями этнической группы, закрепленными в культуре и обыденном сознании ценностями, выработанными в ходе общественно-исторического развития, и т.п.; 2) социально-политическими и экономическими условиями развития этнических групп и особенностями взаимоотношений между ними, сложившимися на данный момент; 3) длительностью и глубиной исторических контактов с другими этносами.

Как и любой другой вид социальных стереотипов, этнический стереотип может быть по своему характеру автостереотипом (т.е. описывающим собственную группу) или гетеростереотипом (описывающим другую этническую группу). Особенностью автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание черты идеала собственного этноса, подчеркнуть наиболее самобытные качества национального характера. Например, группы с более высоким статусом в экономической сфере характеризуют себя как компетентные и добившиеся экономического успеха, а группы с более низким статусом — как отличающиеся добротой, сердечностью, гуманностью и т.п.

В основе гетеростереотипов лежит такое свойство, как антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида. Внешность, действительно, часто выступает практически важным признаком, несущим в себе информацию об этнической принадлежности субъекта. Признаки, из которых слагаются внешний облик и поведение, могут иметь осведомительное значение и выполнять регулятивную функцию. В гетеростереотипах на уровне обыденного сознания чаще всего связывается внешний облик представителя соответствующей этнической общности с определенными психологическими чертами человека. На основе этих стереотипов неизбежно создаются соответствующие типы общения и поведения между людьми.

Этнические образы и стереотипы поведения в явной или скрытой форме существуют во всех областях жизнедеятельности этносов и в каждую конкретную эпоху воспринимаются этносом как единственно возможный способ сосуществования с другими этносами. Структура этнического стереотипа поведения проявляется в виде строго определенной системы отношений, отражающей разные типы социальных связей в этнической общности. Изменения в жизни этноса обусловливают перемены организации его жизнедеятельности, корректируя нормы поведения, социально-психологические установки и этнические представления. В качестве факторов изменения поведения этнической группы могут выступать исторические, экономические, политические, демографические, религиозные, а также особенно обострившиеся в последнее время экологические и технические факторы. Таким образом, этнические стереотипы поведения так же динамичны, как и сам этнос. Этот вывод подтверждают и многочисленные результаты исследований этнологов, фиксирующие довольно сильные вариации в поведении представителей различных этнических групп.

Несколько иным элементом этнического сознания является этниче-

ский образ. В отличие от этнического стереотипа поведения, предполагающего соответствие определенным социальным нормам, этнический образ представляет собой форму краткого описания, в котором выделяется какое-то одно типическое свойство и который основывается на чувственном восприятии представителей других этносов. Акцентируя внимание на какой-то специфической черте внешнего поведения индивида, этнический образ формирует общее представление об этническом облике представителей того или иного этноса в целом.

Произнося слова: немец, англичанин, американец, мы вкладываем в них намного больше, чем просто название представителя народа. Мы подразумеваем какие-то специфические черты внешности, связанные с расовыми особенностями, черты характера, темперамента, принадлежность к определенной религиозной конфессии. В нашем сознании мы обычно связываем все эти свойства с преобладающими ландшафтными характеристиками места жизнедеятельности этноса. Тем самым легко убедиться, что этнический образ представляет довольно сложный элемент этнического сознания, поскольку в том или ином физическом типе человека обобщаются территориальные, общественно-исторические и культурные особенности жизни целого этноса. Иными словами, в конкретном этническом образе происходит персонификация одновременно и народа, и страны его проживания. При этом определяют этнический образ пространственно-временные, соматические (внешний облик) и вещевые факторы, фиксирующие особенности данного этноса, и совсем незначительна в этом роль языка.

Очень важное значение для формирования этнического образа имеет нрав — характер ограничения своевольных импульсов личности. Он относится к ненормированным, нестереотипизированным проявлениям темперамента и психических состояний: настроения любви, ненависти, ревности и т.д. Такое социально ограниченное проявление темперамента представляет собой способ регулирования биопсихических реакций. Ему принадлежит особая роль в сложении типичного этнического образа: чопорный англичанин, легкомысленный француз, гордый испанец и т.д. Поэтому этнический образ служит своего рода эталоном, в соответствии с которым человек мотивирует свое собственное поведение и ожидает определенного типа поведения от реальных этнических прообразов.

Разумеется, как и любые стереотипы, этнические образы лишь частично похожи, а чаще не похожи на оригинал. Но мы уже отмечали, что истинность этих образов-стереотипов не так уж значима. Важно, что такие образы существуют и работают в межкультурных контактах. Ибо мы склонны воспринимать человека прежде всего в рамках этнического образа и очень удивляемся, если конкретный человек из этого образа выбивается. Поэтому ориентация в межэтнических отношениях только на этнические образы может привести к большим ошибкам. Тем не менее, вступая в контакт с представителями другого этноса, желательно знать свой этнический образ в глазах других, поскольку именно в рамках этого образа нас будут встречать при первых контактах.

Помимо этнических образов других народов у каждого народа есть собственный этнический образ, являющийся автостереотипом.

Рассмотрим, например, образ русского, созданный на основе опросов среди самих русских.

• Ориентация на коллективность (гостеприимство, взаимопомощь, щедрость, терпимость, открытость, доверчивость по отношению к другим народам),

• Ориентация на духовные ценности (стремление к справедливости, совестливость, альтруизм, широта души, правдивость, долготерпимость, оптимизм, мудрость, талантливость, поиск абсолютной истины).

• Ориентация на идолопоклонство (сотворение кумиров, чинопочитание, верноподданничество, управляемость, конформизм).

• Ориентация на лучшее будущее, все образуется само собой (неуверенность в) себе, установка на «авось», необязательность, беспечность, безответственность, бесхозяйственность, неорганизованность, лень, непрактичность, выносливость, фанатизм).

• Ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем (умение собраться в экстремальной ситуации, трудовой героизм, жертвенность, удальство, трудолюбие, привычка к авралу).

Этнический образ тем более полезен, чем больше он соответствует центральной зоне культуры данного народа. Но так бывает далеко не всегда, и ориентация на этнические стереотипы способна осложнить и без того непростые межэтнические отношения.

Каждому этносу, как и каждому отдельному человеку, свойствен полный набор социальных, этнических и психологических характеристик. Другое дело, что степень выраженности тех или иных качеств у разных этносов различна. Это и является объективным основанием для формирования этнического образа каждого конкретного народа.

§ 7.4. Этнические образы народов мира

Изучать этнологию как научную дисциплину нельзя абстрактно. Необходимо обращаться к конкретным психологическим особенностям этносов. Рассмотрение этих особенностей происходит путем; выделения отличительных черт одного народа и их сопоставления со свойствами собственного народа. В результате складываются соответствующие этнические стереотипы и образы каждого рассматриваемого этноса. В этой связи большой интерес представляет наше государство — одно из самых полиэтничных в мире, на территории которого проживает свыше 70 народов. Большинство из них существенно отличается по своей численности: 125 млн. — русские; 5,5 млн. — татары; 4,4 млн. — украинцы. Около 2 млн. составляют чуваши. Всего десять национальностей имеют численность более 1 млн - человек, еще пятнадцать имеют численность более 100 тыс. человек. Есть и этнические общности, которые насчитывают менее 1 тыс. человек.

В этом многообразии не представляется возможным рассмотреть особенности этнических образов всех народов, поэтому наше внимание будет сосредоточено лишь на основных этнических общностях. А затем остановимся на этнических образах некоторых других народов мира.

Русские. Подавляющее большинство русских живет в пределах своей исторически сложившейся этнической территории — России. Предками русского народа были земледельческие племена, проживавшие в I тыс. н.э. на обширном пространстве Днестровского междуречья. В IX—X вв. на этой территории сложилось крупное государство Киевская Русь, население которого говорило на едином древнерусском языке и называло себя русью, русичами, а свою родину — русской землей. Именно Киевская Русь послужила этнической основой формирования трех великих народов: русского, украинского и белорусского. Русская народность как самостоятельная этническая общность сформировалась в начале XVII в. Несколько позднее по языковому диалекту и некоторым особенностям материальной культуры выделились северные русские и

южные русские.

К важнейшим чертам русских относятся человеколюбие и терпимость. Каким бы образом ни складывались исторические обстоятельства, русский народ никогда не покидали милосердие и сострадание к человеку, готовность поделиться последним куском хлеба с голодающим, прийти на помощь нуждающемуся. Таинство русского, как отмечали многие писатели и ученые, состоит не в принадлежности к русской нации, а в «состоянии души».

У каждого народа есть свои положительные и отрицательные качества. Русские в этом отношении не являются исключением. У них, помимо отмеченных выше черт, часто можно встретить и такие качества, как леность, несобранность, прожектерство, неумение доводить начатое дело до конца. Это те черты, которые во все времена высмеивались на Руси и отмечались иностранцами. Вместе с тем последними всегда подчеркивались высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь, общительность, доброжелательность, храбрость, мужество, неприхотливость и старательность.

Испокон веков русский народ славился своим хлебосольством, гостеприимством и трудолюбием. Трудолюбие, мастерство были и остаются у русских мерой достоинства человека. В каждой русской семье родители воспитывали у детей стремление жить в мире, любви к труду, человеку и осуждали лень, тунеядство, плутовство. В то же время русские могут легко поддаваться отрицательным влияниям, перенимать чужие пороки, быть излишне доверчивыми и болтливыми, безответственными и халатными.

Русские в целом неплохо подготовлены к самостоятельной жизни, однако склонны чрезмерно романтизировать ее отдельные стороны. Эта черта иногда развивает у них стремление к излишней активности, что в итоге приводит к разочарованию в работе.

Представители русского этноса довольно легко адаптируются к принятому образу жизни, быстро привыкают к новым условиям, не проявляют особенного пристрастия к национальному питанию, одежде. Они ценят образование и успешно овладевают знаниями, быстро привыкают к уровню требований, предъявляемому окружающими, без особого психологического напряжения воспринимают переезды в другие края, довольно легко переносят разлуку с родными. Формирование дружеских связей основывается в первую очередь на общности жизненного опыта, интересов. В этом процессе главным критерием русские считают индивидуальные качества товарищей по совместной деятельности, а не их национальность. Более того, они редко имеют богатый опыт общения и взаимоотношений с лицами других этносов и в значительной мере приобретают его во время нахождения в том или ином иноэтническом регионе.

Украинцы. Этому, одному из древнейших славянских народов присущ интерес к выполняемому делу, напористость, трудолюбие, умение показать себя и свою работу, аккуратность, исполнительность, деловитость, самостоятельность. Особая отличительная черта — гордость своим историческим прошлым, своими древними военными традициями борьбы против захватчиков, когда украинские воины проявляли решительность, настойчивость, хорошую организованность, легкость в управлении.

Украинцы подвижны и жизнерадостны, хотя в общении с новыми людьми, в непривычной обстановке могут казаться замкнутыми. У них хорошо развито чувство юмора. Из всех славянских народов украинцы наиболее музыкальны. Для сельских жителей особенно характерны высокая нравственность, редкость пороков. Широко известна их приверженность к законности и порядку. Они питают большое расположение к природе, взаимному общению, коллективной работе.

В своем большинстве украинцы отличаются старательностью, добросовестным выполнением своих обязанностей. Они легко адаптируются к различным условиям быта и деятельности в многонациональных коллективах.

В деловом отношении украинцы обстоятельны, расчетливы, напористы. Они всегда стремятся отличиться, быть в числе лучших, что в общем является положительным качеством, но иногда не нравится сотрудникам — представителям других национальностей. Это вполне объяснимо, так как на фоне трудолюбивого и исполнительного украинца лучше видны те, кто ленится и малоактивен. В ситуациях подобного рода украинцы смело идут на конфликты со своими недоброжелателями.

Белорусы. Окончательное формирование белорусского этноса произошло довольно поздно — в конце XIX в. Причем этот процесс проходил трудно и сложно, поскольку очень часто приходилось воевать с захватчиками и после каждого нашествия начинать строить жизнь почти заново. В силу этих обстоятельств наиболее характерными чертами белорусов являются упорство, трудолюбие, надежность, неприхотливость в любых условиях, верность в дружбе.

По свидетельству социологов и психологов, у большинства белорусов наиболее очевидны такие черты, как стремление добросовестно относиться к любому делу, упорно добиваться поставленных целей, деловитость, уважение к порядку, дисциплинированность, доверительное отношение к людям, коммуникабельность, честность, порядочность, совестливость. Свои профессиональные обязанности они выполняют ревностно.

Склонности к образованию земляческих и этнических групп белорусы, как правило, не проявляют, так как ценят в человеке прежде всего его личные качества, а фактор этнической принадлежности для них не имеет решающего значения. Конфликтные ситуации с участием белорусов возникают довольно редко, поскольку они беззлобно относятся к шуткам товарищей, не реагируют на подтрунивание.

В то же время белорусы горды, неравнодушно относятся к несправедливости, унижению человека. Здесь они проявляют упрямство, неуступчивость, бескомпромиссность. Как показывают экспертные опросы

белорусов в различных регионах, они более замкнуты, чем, например, украинцы, проявляют сдержанное отношение к новым знакомым, коллегам по работе и сослуживцам до тех нор, пока не узнают их в деле, но затем становятся надежными товарищами.

Американцы. В этническом образе американцев одновременно сосуществует много противоречивых черт, что является результатом своеобразной истории страны. Им, как и большинству представителей других этносов, свойственно трудолюбие, но оно имеет свои особенности. Американцы трудолюбивы главным образом тогда, когда это им выгодно. В таком случае они энергичны, напористы, полны неиссякаемого делового азарта. В иных ситуациях эти качества проявляются слабо. Поэтому работоспособность, усердие, целеустремленность американцев в повседневной жизни нельзя оценивать однозначно. Но там, где эти качества проявляются, они усиливаются предприимчивостью, изобретательностью, смелостью, упорством.

Американцы деловиты и практичны. Деловитость по-американски — это организованность в труде, четкость, точный расчет, обстоя7-сльное знание дела, умение находить наиболее рациональные решения практических задач. Практичность — это способность из всего извлекать пользу.

Высокая техника организации труда, умение высоко ценить время являются своеобразной чертой американцев, укрепляющей у них инициативу и самостоятельность. У американцев твердый организаторский талант, в отличие, например, от немцев, у которых организаторский талант заменен дисциплиной. Самостоятельность, инициативность, упорство, стремление в любом деле полагаться только на собственные силы целенаправленно формируются у американцев с детства.

Самоуверенность, пренебрежительное Отношение ко всему неамериканскому, преувеличенная самооценка своих сил и способностей также характерные черты этнического образа американцев. Этнологи и этносоциологи констатируют, что американцы любого возраста и пола выделяются с первого взгляда именно своей самостоятельностью, самоуверенностью, громким разговором.

Страсть к совершенствованию, изобретательству является отличительной чертой всей нации. Американцы уже с юношеского возраста имеют практические технические навыки. В обычной жизни они простодушны, бодры. Свои эмоции выражают прямо, непосредственно. Они несколько легковерны, хорошо понимают юмор, умеют посмеяться над собой.

Англичане. Для правильного понимания этнического образа англичан следует помнить, что они приветливые, предупредительные без фамильярности, уравновешенные и порядочные люди. Эти их черты являются продуктом парадоксов английского характера — сочетания конформизма и индивидуализма, эксцентричности и приглаженности, приветливости и замкнутости, простоты и снобизма.

Англичанам присуще чувство юмора — беззлобно-насмешливое, ироничное отношение к событиям, в том числе и к себе. При этом английский юмор весьма существенно отличается от французского остроумия, стремящегося показать тонкость ума и изобретательность в ярких, смешных и язвительных оценках различных событий и явлений. Для англичан юмор — это простота мысли, отражающая реальное положение вещей, и легкий скептицизм.

Длительная и упорная работа на поприще коммерции породила в этнической психологии англичан черты сухой расчетливости и предприимчивости, сдержанность, выдержку и уверенность в себе. Спокойный и уравновешенный англичанин резко отличается не только от легко возбудимого, пылкого француза, но и от более живого и динамичного американца. Темп жизни в Англии несколько замедлен, англичане флегматичны и хладнокровны, им присуще невозмутимое спокойствие, выдержка, но никак не равнодушие.

В жизни англичан особую роль играют традиции, перед которыми они слепо преклоняются. Любые дела они привыкли решать «согласно обычаю». Если американец — раб стандарта, то англичанин — раб традиций. Среди наиболее устойчивых английских традиций следует отметить спортивное воспитание детей в семье, школе, университете; пристрастие к простой, удобной повседневной одежде. Кроме того, незыблемым для них является режим питания. Утром первый завтрак, в час дня — второй завтрак, в 17 часов — чай, в 19—20 — обед. Ужинать англичане не любят. Эта строгая пунктуальность в еде и времени соблюдается неукоснительно, создавая размеренный режим работы и жизни.

Немцы. Наиболее известные национальные качества немцев — аккуратность, практичность, добросовестность, пунктуальность, точность, обязательность, трудолюбие. Их мышление отличается способностью к отвлеченным построениям, глубиной абстрагирования, философской широтой. Как считают исследователи этнической психологии, гибкость, сметливость, рациональность мышления в известной мере чужды немцам, но по умению планировать свои действия они превосходят представителей многих других этнических общностей. Вместе с тем немцы наделены здравым умом, который, однако, не метает им быть впечатлительными и сравнительно легко подвергаться внушению. Но если на французов особое воздействие оказывают идеи, эмоции и громкие фразы, то на немцев — факты, цифровые расчеты и другие, конкретные аргументы.

Централизация страны, жесткий режим правления и строгая регламентация всех сторон жизни государства на протяжении длительного исторического периода породили в немецком национальном характере педантизм и приверженность системе. В этом состоит большой недостаток немецкой этнической психологии, так как приверженность к строгому порядку и системе порождает любовь к шаблону, глушит инициативу. Немцы дисциплинированны, пунктуальны. Эти качества одновременно и положительны, и отрицательны, поскольку малейшее нарушение в какой-либо части плана деятельности, как правило, ведет к нарушению всей системы, порождает смятение и дезорганизацию их жизни.

На первый взгляд кажется, что немцы приветливы и доступны в общении. Однако на самом деле реально взаимоотношения устанавливаются гораздо труднее и сложнее, доступ к душе немца затруднен. После первых впечатлений от внимания к вам можно быстро убедиться, что за внешней приветливостью и доброжелательностью нет искренней заинтересованности.

Французы. Характерные черты их этнического образа — повышенная чувствительность ко всему национальному и высоко развитое честолюбие, что позволяет отнести французов к категории легко возбудимых народов.

Современные французы отличаются аналитическим умом, богатством воображения, настойчивой пытливостью и смелостью в познании жизни. Склад ума французов находится постоянно под влиянием их подвижного темперамента: стремясь быстрее достичь цели и доверяя при этом своей интуиции, французский ум принимает решения слишком быстро — заниматься рациональной оценкой действий и ситуаций для него утомительно.

Чувствительность и легкая эмоциональная возбудимость — главные черты французского темперамента. По силе и скорости возбудимости французы представляют собой полную противоположность флегматичным и сдержанным англичанам. Подвижный темперамент определяет склад ума, волю, моторику, проявляется во всех сферах деятельности. Они легче, чем другие народы, подвержены внушению идей — ведь идеи для них предпочтительнее фактов.

В характере французов резко проявляются контрасты психики. Они доводят храбрость до дерзости, любовь к свободе — до неповиновения. В повседневной жизни чаще руководствуются чувствами, чем разумом, — логика у них всегда служанка страсти и чувства, для них характерна внезапность решений. При этом французы во всех житейских ситуациях остаются веселыми, остроумными, оптимистичными, общительными людьми, любящими шутку. Они язвительны, жизнерадостны, искренни, хвастливы и галантны.

Японцы. Вплоть до середины XIX в. Япония представляла собой замкнутое деспотическое государство, основанное на диктатуре феодальных правителей — сегунов, по своему личному усмотрению решавших все вопросы жизни своих подданных. В результате это породило у японцев специфические особенности национальной психологии — подчинение слабого сильному, преклонение перед авторитетом, конформизм, замкнутость в референтных группах, равнодушие к чужим страданиям, отсутствие принципиальности.

Многие годы царившие в стране феодальный гнет и засилье военщины, неограниченное господство сословия самураев обрекали простой народ на каторжный труд, бесправие и страдания. Вместе с тем недостаток плодородной земли, сложные климатические условия, высокий прирост населения заставляли японцев напряженно трудиться, искать такие формы и средства деятельности, которые обеспечивали хотя бы минимальные возможности и условия существования. В результате в национальном характере японцев сформировались такие черты, как трудолюбие, бережливость, упорство, педантизм в достижении поставленных целей, внутренняя самодисциплина, стойкость к трудностям.

Долгие годы японцы воспитывались на постулатах религиозной мифологии, утверждавшей божественное происхождение японского народа и императорской власти, превосходство японцев над другими народами. Под их влиянием сформировались такие черты японского самосознания, как приверженность к культу предков, чувство этнической исключительности, ярый национализм, вероломство по отношению к другим народам, часто проявлявшиеся в прошлом. Японцы считают всех иностранцев ниже себя. Они понимают, что те не виноваты в своем собственном происхождении, но все равно думают о них как о совершенно чужих и абсолютно неравных им людях.

Многие этносоциологи и этнопсихологи отмечают в мышлении японцев единство противоположных качеств: приверженность к абстракциям, проницательность, изобретательность, рационализм, но и медлительность мыслительных операций', неуверенность в себе и своих силах, малую инициативность.

Рядовой японец связывает свое существование с той группой, в которую он включен. Большинство видов деятельности в Японии носит групповой характер: японцы группой работают, группой путешествуют, группами учатся, группами участвуют в праздниках. Поведение каждого члена группы в первую очередь ориентировано на то, чтобы вписаться в группу и при этом быть ей наиболее полезным. Самыми ценными качествами членов группы считаются умение ставить во главу угла интересы коллектива, желание и стремление быть ему полезным.

Японцы — люди самобытной культуры. В частности, общаясь с ними, не следует садиться, если вас не пригласили сесть, нельзя смотреть по сторонам, так как, по их представлениям, это означает, что вы рассеянны и невнимательны. Каждый штрих вашей одежды и поведения повлияет на отношение к вам со стороны японцев.

Китайцы. К числу основных черт этнической психологии жителей Китая можно с полной уверенностью отнести следующие: трудолюбие, терпеливость, выносливость, упорство, настойчивость, хладнокровие, выдержку, спокойствие, самоотверженность. Благодаря сочетанию этих черт китайцев не оскорбляет и не угнетает никакой вид деятельности, в каждом из них они способны добиться высоких результатов.

Сложные климатические и природные условия страны, вынудившие строить ирригационные сооружения, а также связанный с этим тяжелый, титанический труд обусловили ту исключительную роль, которую в жизни китайцев играли община и коллективный труд. В результате сформировались такие качества, как жесткая дисциплина, высокая степень зависимости индивида от группы, специфическая сплоченность на

основе четкого распределения ролей, высокая степень доверия к мнению группы, особый характер сочувствия и переживания, проявляющиеся в межличностных отношениях.

Образ мышления китайцев можно назвать сугубо практическим, чуждым ненужным сложностям. Китаец, как правило, отдает предпочтение простым мыслительным конструкциям как наиболее доступным и рациональным для запоминания, жизни и деятельности. Он очень редко руководствуется абстрактными принципами, его логика отличается высокой предметностью.

Китайцы известны как неприхотливые люди. Испокон веков они довольствовались тем, что имели, стараясь добыть минимум для пропитания в условиях тяжелой борьбы за существование. Свое влияние на эту особенность китайцев оказала конфуцианская философия, ориентировавшая сознание людей не на прелести загробной жизни, а на довольствование житейским минимумом в условиях реальной жизни. Она учила их видеть социальный идеал не в удовлетворении широкого круга потребностей, а в ощущении счастья от того, что имеется в наличии. Следствием этого стали неприхотливость, умеренность, быстрая приспособляемость, умение наслаждаться жизнью, довольствоваться малым.

Весьма своеобразными являются форма и способы общения китайцев с другими людьми. При встрече китаец обязан показать и выразить человеку свое глубокое уважение, особо подчеркнув, что считает своего собеседника развитым и образованным человеком, даже в том случае, если оба прекрасно понимают, что это не соответствует действительности. Во время общения с незнакомыми людьми китайцы также ведут себя специфически, стремясь использовать минимум мимики и жестикуляции. Китаец сохраняет неподвижным положение лица и тела, сидит прямо, выгнув спину, а его голос приближен к шепоту. Очень громкий разговор для китайца считается неприемлемым. В процессе разговора лицо остается беспристрастным или выражает елейность. Признательность для китайца — это есть форма проявления вежливости, в его понимании. В процессе общения китайцы избегают смотреть прямо на собеседника, потому что, по их представлениям, так делают враги или ненавидящие друг друга люди. В связи с этим представители других этносов начинают подозревать китайцев в неискренности и невнимании к ним, в то время как это просто следование установившейся традиции. В целом же китайцам присуща поразительная вежливость, которая не является простой формальностью, внешней формой поведения. Для китайца характерны предупредительность, игра воображения, умение поставить себя на место другого и скромность, соединенная со стремлением уважать собеседника.

Арабы. Многочисленные наблюдения и исследования арабов в различных регионах планеты свидетельствуют, что они являются жизнерадостными и веселыми людьми, отличающимися наблюдательностью, изобретательностью, приветливостью. Вместе с тем, согласно этим же источникам, им очень часто недостает инициативности и предприимчивости, а недальновидность, беззаботность и беспечность порождают немало трудностей в жизни и деятельности.

Исторически сложившаяся иерархическая система подчинения среди арабов выработала определенные нормы взаимоотношений между низшими и высшими слоями общества, между младшими и старшими членами семьи и рода. Высокомерие, грубость, а зачастую и рукоприкладство — обычная практика высших и старших по отношению к низшим и младшим. Отношение же низшего к высшему всегда отличается подобострастием. Вместе с тем араб, привыкший покорно переносить несправедливость со стороны вышестоящего, к себе равным проявляет высокую степень эмоциональной возбудимости, а часто и экспансивности, защищая свою честь и достоинство.

Труд для арабов всегда был тяжелой повинностью, и поэтому их трудолюбие имеет свою специфику: оно не сочетается с дисциплинированностью, педантизмом и скрупулезностью, как у других народов. В то же время исключительно тяжелые условия жизни приучили арабов спокойно переносить трудности и лишения, закрепили у них такие качества характера, как неприхотливость, умеренность, быстрая приспособляемость и терпеливость. Кроме того, им свойственны необычайное жизнелюбие, незлопамятность, общительность, гостеприимство, чувство юмора.

Нравственная доктрина мусульманства придает нормам морали Корана абсолютное значение. Они объявляются вечными и неизменными. Нравственным идеалом ислама является вечно кающийся грешник, стремящийся своими молитвами и благочестивым поведением заслужить милость Аллаха. В силу этого у арабов развились униженность, покорность, смирение, раболепие, умеренность. Под влиянием мусульманства среди арабов широко распространены различного рода суеверия и предрассудки, которые и по сей день вносят в повседневную жизнь чрезмерную настороженность, подозрительность в восприятии и осмыслении окружающего мира.

Под воздействием арабского языка с его лексическими и синтаксическими повторами, гиперболами, метафорами, особым ритмико-интонационным построением речи у арабов выработалась склонность к преувеличению в восприятии окружающей действительности, не столько логическое ее осмысление, сколько акцент на стиль изложения, красноречие. Они не любят строгой логики и объективных доказательств, предпочитая им афористичность, многообразие впечатлений. Им свойственна повышенная реактивность, бурный характер поступков, импульсивность, порывистость, несдержанность в проявлении чувств и эмоций.

В целом же арабы миролюбивы, любознательны, приветливы, легко идут на взаимный контакт, стремятся всемерно способствовать продолжению взаимоотношений с понравившимися людьми. Они не таят своих истинных чувств по отношению к собеседнику, если он им нравится, а общение с ним приносит удовлетворение и способствует личному развитию.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
Гачев Г. Нациорральные образы мира. Космо-Психо-логос. М., 1995.
Емельянов ЮЛ. Основы культурной антропологии. СПб., 1994.
Емельянов Ю.Н. Введение в культурантропологию. СПб., 1992.
Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. Саратов, 1998.
Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.
Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М., 1997.
Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988.
Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношерший. СПб., 1999.
Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. М., 1985.
Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

Глава 8. ТРАДИЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ И КУЛЬТУРА

§ 8.1. Специфика восприятия и мышления в традиционной (архаической) культуре. § 8.2. Основные черты традиционной (архаической) культуры. § 8.3. Обычаи и ритуалы в традиционной культуре. § 8.4. Проблема модернизации традиционных обществ

Исторически этнология началась с этнографии — описания материальной культуры, образа жизни, традиций и обычаев примитивных народов, или, по современным классификациям, бесписьменных народов. Весь XIX век шло накопление данных, фактического материала об этих народах. Этому способствовала и активная колониальная политика развитых стран, так как этнография всегда была прикладной наукой: чтобы лучше управлять народами, нужно было знать их традиции и обычаи, не допускать грубых ошибок, затрагивая значимые для них сферы культуры.

После накопления достаточного фактического материала наступил этап обобщений, синтеза. Этим занялась этнология — наука, которая, не отказываясь от непосредственного наблюдения, стремилась к широким обобщениям. Их целью уже было описание и анализ жизни нескольких соседних народов, воссоздание прошлого какого-то народа, изучение определенных типов материальных объектов, обрядов и обычаев на материале нескольких этносов.

Современная этнология идет еще дальше, ее влекут более широкие обобщения, справедливые для всех человеческих сообществ — от большого современного народа до самого маленького меланезийского племени. Новое направление этнологических исследований стало особенно актуальным после Второй мировой войны, приведшей к краху мировой колониальной системы. Освободившиеся народы и новые государства должны были найти свое место в цивилизованном мире, приобщиться к современной культуре, овладеть ценностями и нормами, необходимыми для жизни сегодня. Поэтому очень остро встала проблема модернизации традиционных обществ и культур, включения их в современный мир. Теории модернизации, создававшиеся в то время, требовали решения не только практических, но и теоретических вопросов. Среди них — причины различий в восприятии и мышлении традици-

онного и современного человека, специфика традиционной культуры возможность преодоления этих различий и преобразования традиционного общества в современное, модернизированное.

Важным было и то, что в ходе подобных исследований появилась возможность выявления общих черт у традиционных и модернизированных обществ, выяснения роли традиционных элементов в культуре современных народов. Изучение традиционных и архаических культур дает также возможность ответить на некоторые сложнейшие вопросы антропологической науки об особенностях восприятия и мышления первобытного человека, о специфике его культуры.

Прежде чем переходить к анализу обозначенных нами вопросов, необходимо внести ясность в термины «традиционная» и «архаическая» культуры. Результатом длительного процесса всестороннего преобразования животного в человека, или итогом антропо-социо-культурогенеза, стало появление непосредственных предков человека, а также переход от докультурного состояния к первобытной культуре и первобытному обществу. По мере совершенствования способов преобразования природы первобытное общество и культура все больше менялись, все культурные и социальные процессы ускорялись, что позволило выйти из первобытного состояния. При этом происходило нарушение однородности первобытного общества и культуры, формировались разные тины культур со своими способами освоения и преобразования мира и природы.

Вопреки традиционным представлениям, согласно которым следующей ступенью после выхода из первобытности признается Древний Восток, а затем — Античность, эти типы культур не связаны линейной зависимостью. Каждая из них имела собственные социокультурные основы. Так, Древний Восток развивался на базе сельскохозяйственного типа деятельности и создал земледельческую цивилизацию с азиатским способом производства в качестве ее экономической основы и восточной деспотией как формой государственности. Античный мир, создавая собственную цивилизацию, ориентировался на развитие ремесел и торговли, что потребовало в качестве экономической основы рабовладения, и городов-государств, постепенно пришедших к демократии как форме правления. Но помимо этих двух широко известных путей развития человечества многие народы продолжали вести кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, охотой и собирательством.

Так, на выходе человечества из первобытного состояния перед ним раскрылись три возможных направления развития. И на каждом из них исходные формы первобытного мышления, мифологии, обрядов, нравственного, эстетического и художественного сознания преобразовывались особенным образом, порождая различные типы культуры. Каждому из них была уготована своя судьба. Но культура кочевников-скотоводов (а тем более охотников и собирателей) в общей перспективе истории человечества оказалась тупиковой формой. Ведь примитивность их жизни обрекает на существование, близкое к животным. Из-за того, что жизнь и сознание этих людей были ближе всего к первобытному состоянию и наиболее устойчиво сохра-

няли архаические черты, историки нередко вообще не отличают этот тип культуры от первобытного. На самом деле это — традиционные культуры, они, безусловно, отличны от культур земледельческих народов, но обладают самым главным их свойством — предельно устойчивым характером, отрицанием любых новаций, очень медленным изменением. Таковы цивилизации Египта, Вавилона, Индии, Китая, по многим параметрам схожие с архаическими культурами.

Основы же современной, модернизированной культуры, ориентированной на новации и быстрые изменения, были заложены лишь античной цивилизацией, сконцентрированной в городах-государствах, ориентированной на прогресс и неограниченное преобразование окружающего мира. Реальное развитие модернизированной культуры началось уже в Новое время, примерно с XVI в., в Западной Европе.

Поэтому под архаическими культурами мы будем понимать культуры охотников и собирателей, сохранившиеся до сих пор в глухих уголках нашей планеты. Традиционные культуры связаны с более высоким уровнем развития хозяйства — земледелием и кочевым скотоводством, они ориентированы на стабильность и устойчивость, но по многим параметрам схожи с архаическими, поэтому оба этих понятия можно иногда использовать как синонимы. Модернизированная культура, возникшая в Европе, ориентированная на новации и прогресс, в наши дни стала основой мировой культуры, носителями которой становится все большее число народов.

Европейских ученых-этнологов всегда волновал вопрос об отличиях архаических народов от европейцев, о возможности наличия у них особого типа мышления, изучение которого помогло бы решить не только практические вопросы отношений с этими народами, но и дать ответ на вопрос о специфике первобытного мышления и культуры.

§ 8.1. Специфика восприятия и мышления в традиционной (архаической) культуре

Впервые вопрос об особенностях восприятия, познания и мышления в традиционных (архаических) культурах поднял Э. Тайлор в «Первобытной культуре». Он провел аналогию между фантазией дописьменных народов и детей в цивилизованном обществе. Так, он утверждал, что детская кукла и идол первобытного человека — явления одного порядка. Они нужны, чтобы овеществить смутно существующие идеи о неких высших существах, так как мышление детей и первобытных народов предметно и не может объяснить существования этих идей без материальной помощи.

Помимо этой идеи, ставшей важнейшей при изучении мышления первобытных народов, с именем Тайлора связано создание методологических основ анализа первобытной культуры. Середина XIX в. — время господства классической науки, ориентированной на рационализм, исходящей из признания возможности достижения полного знания о мире. Поэтому ключевым в культуре считалось развитие разума, его способности познавать окружающий мир. В связи с этим именно мышление разных народов стало в первую

очередь предметом исследований целой группы ученых.

Среди них особое значение имеют труды Л. Леви-Брюля о первобытном мышлении. Ключевое понятие — «коллективные представления» — он заимствовал у Э. Дюркгейма, понимая под ним верования, нормы и ценности, получаемые человеком благодаря воспитанию, овладению культурой. Поэтому такие представления предполагают коллективного субъекта, которому свойственны черты, недоступные для понимания при изучении индивида как такового.

Разные культуры создают собственные коллективные представления. И законы, управляющие этими представлениями у архаичеких народов, совсем не похожи на привычные нам законы логики. Их главное отличие — неотделенность мышления от эмоций, чувственного познания мира. Определяющим фактором коллективных представлений первобытных культур является вера в сверхъестественные силы и в возможность общения с ними. Люди не ищут рациональных объяснений непонятным предметам и явлениям, а воспринимают мир в едином синкретическом комплексе представлений, образов и символов. Место законов логического мышления (тождества, непротиворечивости) занимает закон сопричастия, согласно которому предмет (человек, животное) может быть одновременно самим собой и чем-то другим. Так, человек первобытной культуры чувствует себя мистически единым со своим тотемом, со своим именем, со своей тенью. Как считал Леви-Брюль, в данном тине мышления не действовал один из главных современных законов логики — закон исключенного третьего. Поэтому он назвал первобытное мышление дологическим, оперирующим предпонятиями и пред связями.

Сразу же после выхода книга Леви-Брюля была подвергнута разносторонней критике. Исследователи соглашались с тем, что в мышлении и познании представителей разных культур действительно существуют различия, но позволяет ли это говорить о качественно различных тинах мышления у представителей разных цивилизаций? Так, известный американский этнолог Ф. Боас указывал на недопустимость формулирования выводов о логике мышления на основе традиционных верований и обычаев. А английский психолог Ф. Бартлет считал самой главной ошибкой Леви-Брюля сравнение мышления в примитивных обществах с эталоном научного мышления, так как повседневная жизнь современных народов тоже нередко демонстрирует нарушение логики мышления. Более того, то, что Леви-Брюль называл дологическим, мифологическим мышлением, есть неотъемлемая сторона культуры вообще.

Весьма существенной деталью теории Леви-Брюля является то, что тип мышления, называемый им первобытным, составляет основу культуры не только дописьменных традиционных обществ, но и Индии и Китая. Они также находятся на стадии дологического мышления, так как не дошли в своем развитии до уровня дедуктивных естественных наук европейского образца. В них фундаментальную роль играют символы-образы, мифы, а не понятия. Бесспорно, что тип мышления, менталитет восточных культур отличается не только от европейского, но и от традиционного стиля мышления. Ему

присуща созерцательная направленность, а не эмпирическая аналитическая деятельность.

Сравнительное изучение типов мышления на основе овладения логическими операциями было продолжено швейцарским психологом Ж. Пиаже. Вернувшись к идее Тайлора, он отстаивал положение о соответствии интеллектуального уровня представителей дописьменных культур уровню развития одиннадцатилетнего среднеевропейского школьника. В обоснование этих утверждений Пиаже сформулировал свое видение межкультурных различий в мышлении: человек традиционного общества не способен к абстрактному мышлению, подкрепив его различными данными о распространении конкретных понятий в традиционном обществе и результатами массовых экспериментально-психологических тестов, согласно которым ряд задач был неразрешим для тестируемых представителей архаических культур. Таким образом, мышление для Пиаже представляет собой способность решать задачи в абстрактно-понятийной форме. Соответственно, культуру он рассматривал как эволюцию механизма логических операций. Стадии в освоении логических операций иллюстрировались этапами развития ребенка европейской культуры: сенсомоторный интеллект (1,5—2 года), допонятийное мышление (2— 4 года), наглядное мышление (4—8 лет), конкретные операции (8— 12 лет), формальные операции (операции с понятиями) — с 12 лет.

Важнейшая методологическая ошибка Пиаже заключается в сведении процесса овладения культурой к освоению логических операций. В своих опытах он рассматривал лишь отношение «ребенок — операция с понятиями», большая часть культурных взаимодействий оставалась вне его поля зрения. Но ведь человеческая деятельность, мышление есть не только результат взаимодействия субъекта и абстрактных операций-структур. Мышление — прежде всего процесс, совершающийся между людьми, и результаты его имеют смысл только во взаимодействии людей, происходящем в конкретном историческом и этнокультурном контексте. Поэтому за рамками концепции Пиаже оставались и взаимодействие человека с природным и культурным окружением, и абсолютная приспособленность представителей этих культур к решению тех практических жизненных задач, которые возникали перед ними. Он также не учитывал, что его тесты ориентированы на стандартного европейца и не принимают во внимание особенности традиционного мышления и культуры. Такие неадаптированные тесты давали неадекватные результаты.

Многочисленные последователи Пиаже довели его ошибки до логического конца и окончательно подменили понятие «культура» понятием «интеллект», под которым понимали умение решать тесты. Результаты этих тестов отождествлялись с уровнем развития культуры. Это по сути дела было не чем иным, как попыткой свести сложнейший вопрос к количественным показателям. А поскольку брались неадаптированные тесты, показатели европейцев и американцев оказались выше, чем, например, африканцев, не имевших письменности и никогда не ходивших в школу. Закономерно, что подобного рода исследования привели к оживлению расовых спекуляций, против которых выступили такие известные антропологи, как Сегалл, Кемпбелл, Херско-

виц, Коул, Скрибнер.

Работы этих ученых продолжали линию противников Леви-Брюля и Пиаже, среди которых важнейшее место принадлежит М. Мид. Она доказала, что анимистический образ мышления, т.е. вера в духовные существа, одушевление неодушевленного, детерминирован культурой, а не является стадией умственного развития. В результате своих наблюдений за полинезийскими детьми Мид высказала предположение, что особенности мировосприятия и построения суждений в традиционной культуре обусловлены способом обучения, которое осуществляется не путем объяснения словами, а показом набора стереотипов движения. Именно поэтому в таких обществах меньше задают вопрос «почему» — ведь основная часть обучения протекает в реальных жизненных ситуациях, значение которых содержится в контексте выполняемого действия или ситуации. Мид и другие ученые отмечали уникальную способность представителей традиционной культуры мгновенно действовать в сложнейших условиях и быстро овладевать новыми стереотипами движений.

Обобщая массовые экспериментально-психологические межэтнические исследования мышления, большинство антропологов пришли к выводу об отсутствии дологического типа мышления в традиционном обществе, в том числе и при решении формально-абстрактных задач. Наиболее отчетливо эту идею выразили М. Коул и С. Скрибнер. Они утверждали, что нет какой-то особой первобытной логики. Есть разница в восприятии и познании мира у различных этнических групп. Но из нее нельзя сделать вывод о неполноценности каких-то народов. Можно говорить о равноправии западной и незападной стратегии получения объективного знания об окружающем мире: и та, и другая связаны с упорядочением, классификацией и систематизацией информации. А обнаруженное разнообразие в мышлении, познании и восприятии объясняется географо-климатическими условиями и разным уровнем сложности культурных систем.

Так, с 1960-х гг. проводились опыты по оценке зрительного восприятия в разных культурах. Дело в том, что, хотя человечество имеет в своем распоряжении единый для всех цветовой спектр, каждая этническая культура конструирует с его помощью свой неповторимый цветовой образ мира. Впервые это было зафиксировано, когда исследователи обратили внимание, что у некоторых народов в языке нет терминов для обозначения некоторых цветов. Например, казахи одним словом обозначают голубое и зеленое. И соответствующий термин появился только после контакта с другими культурами, имеющими такое разделение.

Исследования, проведенные западными специалистами, в частности В. Тернером, Р. Вудвортсом, М. Салингом, показали, что в формировании видения мира решающая роль отводится языку. В основе их исследований лежала гипотеза Сэнира-Уорфа о том, что язык, усваиваемый в детстве, определяет особый способ видения и структурирования мира. Он не просто средство выражения мыслей, а форма, от которой зависит образ наших мыслей. Образ мира, складывающийся в нашем сознании, организован и систе-

матизирован прежде всего понятиями, а значит, языком. В силу этого образ мира, его восприятие различны у разных народов.

Применительно к восприятию цветов исследования показали, что в этнических культурах есть несколько слоев цветовых представлений и соответствующих им способов классификации цвета и языка. Основным принято считать набор так называемых базовых, или абстрактных, цветовых терминов, число которых в наиболее развитых языках и культурах может достигать одиннадцати. Это термины для белого, черного, красного, а затем уже зеленого, желтого, синего, коричневого, оранжевого, розового, фиолетового и серого цветов. Но появление этих абстрактных понятий — длительный и сложный процесс выделения их из конкретно-образной системы цветообозначений, находящейся в непосредственной связи с реалиями традиционной культуры. Можно предполагать, что первоначальные цветовые представления неотделимы от окраски объектов природы и жизнедеятельности и выступают в качестве предметной ассоциации или «цветного» метафорического образа. Даже в развитых языках при описании цвета все7-да реально сосуществуют и абстрактные, и конкретно-ассоциативные термины. Например, в русском языке, который, несомненно, принадлежит к числу обладающих наиболее полным набором абстрактных цветовых терминов, мы для уточнений часто пользуемся неабстрактными цветообозначениями: определяя нужный оттенок красного, мы скорее опишем его как «цвет спелой вишни», а не «холодный темно-красный». Что же касается традиционных обществ, то их лексика буквально изобилует конкретно-образными названиями цветов. Поэтому наличие или отсутствие термина для какого-то цвета в этих культурах связано не с физиологическими особенностями зрения, а с реалиями быта, жизнедеятельности в целом, наличием или отсутствием предметов соответствующих цветов.

Информация о конкретных цветообозначениях дает этнологам материал для изучения соответствующих культур. По этим терминам можно сделать вывод о хозяйственной направленности, структуре питания, домашних ремеслах, обрядности. Например, оттенки желтого цвета могут конкретизироваться разными народами по-разному: «только что сбитое масло» (ногайцы), «цвет недельного гусенка» (абазины).

Уже на стадии собирательства стало важным цветовосприятие, позволявшее в числе прочих признаков выделить в природе съедобные и полезные растения, а по более тонким цветовым оттенкам определить фазы созревания и увядания плодов, фруктов и т.д. Первобытные охотники, так же как и арктические охотники сегодня, должны были прекрасно ориентироваться в сложных нюансах цветов — это было необходимо, чтобы, например, обнаружить в джунглях, в степи или среди снегов промысловое животное с покровительственным окрасом. Чем больше усложнялись хозяйственные занятия людей, тем большее количество цветовых оттенков им было необходимо различать. Поэтому среди конкретных цветовых терминов мы встречаем названия, происходящие от названий съедобных или дикорастущих растений, продуктов сельхозтруда и продуктов питания; окраса и масти домашних животных, а также животных и птиц, живущих рядом с человеком; названий природных веществ и растений, используемых для получения красителей; названий металлов, а также готовых тканей и материалов для изготовления одежды и предметов домашнего обихода.

Ряд исследователей также отмечают предпочтение ярких цветов в традиционном обществе. Считается, что это может быть связано с реакцией на избыток или недостаток того или иного цвета в природе и культурном окружении человека.

Подобные исследования проводились и по изучению восприятия формы в традиционной и современной культурах. Так, в 1960-х гг. проводились опыты по изучению подверженности зрительным иллюзиям. Людям предлагалось определить соразмерность отрезков и геометрических фигур. Обычно

представители традиционных (архаических) культур допускали больше ошибок. Но, как считает М. Сегалл, эти ошибки связаны не с особенностями физиологического строения мозга, а с той природной и культурной ситуацией, в которой выросли эти люди. Представители европейской цивилизации живут в «прямоугольном мире» — нас окружают искусственные сооружения, обычно имеющие геометрические формы, наш взгляд постоянно сталкивается с прямыми линиями, отрезками, поэтому нам легче заниматься их измерением и сравнением. Представители же традиционных культур, где бы они ни жили — в непроходимых джунглях, в пустыне или тундре, — сталкиваются с естественным ландшафтом, в котором практически нет прямых линий. Например, у жителей джунглей нет возможности увидеть даже линию горизонта – одну из немногих естественных природных прямых. Поэтому неудивительно, что эти люди делали ошибки в тестах, ведь они должны были решить задачу, не имевшую для них аналога в повседневной жизни.

Интересные исследования проводились по анализу координации движения в разных культурах. Сегодня считается, что она имеет биологические основания, но закрепляется социокультурно. Это обусловлено тем, что у каждого народа есть свои привычные движения, связанные с их хозяйственной деятельностью и образом жизни. Так, чукотский оленевод, которому необходимо быстро бегать, будет отличаться от русского крестьянина, который должен ходить за плугом и косить, или от кочевника, целые дни проводящего в седле. Это способствует развитию соответствующих групп мышц, а также тому, что одни и те же движения выполняются представителями разных народов с разной степенью легкости: привычное для японцев сидение на пятках практически невыполнимо для русского человека. Но если речь идет о научении новым двигательным стереотипам, то представители традиционных народов, в отличие от современных, демонстрируют феноменальные способности.

Широко известен случай, происшедший при строительстве американской авиабазы в Гренландии. В 1960-х гг. там шла работа по выравниванию взлетно-посадочной полосы, которую производил сверхмощный бульдозер. За его работой, стоя рядом, наблюдал эскимос. Когда бульдозерист вышел из кабины отдохнуть, он увидел, как эскимос сел за рычаги управления бульдозером и сразу начал работать, не делая ошибок. Это, очевидно, связано с умением владеть своим телом, необходимым для выживания в условиях естественного природного окружения.

М. Вобер ввел понятие сенсотипа, фиксирующего особенности мышления, мироощущения, общую направленность той или иной культуры и связанные с этим личностные характеристики. Так, в сенсотипе, свойственном ряду африканских культур, в ходе инкультурации определяющая роль принадлежит танцам, ритуалам, поэтому значительное место отводится тренировке владения телесными ощущениями, умению вырабатывать двигательные стереотипы. В нашем же мире (мире европейской культуры) важно овладение визуальным восприятием, опосредованным письменными и устными языковыми формами, на первый план выходит необходимость ориентиро-

ваться в мире понятий, идей, идеальных образов. Поэтому западный сенсотип называют символически-визуально коммуникативным, а африканский — музыкально-хореографическим. Но овладение этими сенсотипами происходит только при инкультурации. В человеческом организме заложены обе возможности, а какая из них станет реальностью, зависит от ситуации, от того, в каких условиях вырастает человек.

Таким образом, современные исследования показывают, что стиль и образ мышления в традиционной культуре ничем не хуже современного, он целиком определен социокультурной ситуацией, ориентирован на предметное решение жизненных ситуаций и конкретных проблем, стоящих перед человеком и обществом.

Особенно глубоко традиционное мышление изучил французский этнолог К. Леви-Строс. Он продемонстрировал логическую рациональность традиционного мышления, а также пришел к выводу, что туземцы способны к совершению всех основных операций, которыми владеет цивилизованный человек. Но совершают их в особой форме.

В основе первобытного мышления, как и всякого другого, лежит требование порядка. Поэтому в нем даже мысленно все вещи должны быть на своем месте, иначе, считают туземцы, нарушается мировой порядок. С этим связана та щепетильность, с которой эти люди исполняют все обряды и ритуалы, необходимые в их понимании для сохранения этого порядка.

Сравнивая мышление современного и первобытного человека, Леви-Строс назвал первое научным, абстрактно-понятийным, а второе — магическим. И вопреки общепринятым представлениям, разница между наукой и магией совсем не так велика. У них одна цель — объяснение мира, обеспечение нормальной жизнедеятельности человека в нем, различие лишь в средствах достижения этой цели. Так, наука постулирует всеобщий и полный детерминизм, магия же различает разные уровни бытия, только отдельные из которых допускают идею причинности. Наука полностью рационалистична, магия использует сверхъестественные связи между предметами и явлениями.

И хотя магия появилась в истории человечества намного раньше науки, мы не можем считать магическое мышление дебютом, ступенью к появлению науки. Магия формирует отчетливую систему представлений, независимую от науки, вполне адекватно объясняющую мир, пусть и с помощью отличных от научных ментальных операций. Но если наука при этом задействует лишь одну сторону человеческого «я» — его рациональность, силы разума, то магия обращается также к чувствам, эмоциям, фантазии, воображению, интуиции — всем сторонам человеческой личности, поэтому она более соразмерна человеку, чем наука.

Следовательно, мы не должны противопоставлять магию и науку, необходимо расположить их параллельно — как два способа познания, известных человечеству. О возможностях магического, точнее, мифологического познания мира свидетельствуют многочисленные факты полной приспособленности туземцев к окружающему миру, глубокие знания свойств растений и животных, замечательная способность ориентироваться на местности, не-

доступная европейцам с их рационалистическим умом.

Леви-Строс выделил несколько признаков первобытного мышления. Еще нет четкого обособления логической оси общего — частного в качестве самостоятельной формы — понятия. Вместо них активно используются символы, которые являются промежуточными единицами между конкретно-чувственными образами и абстрактными понятиями. Мышление туземцев свободно от процесса проектирования, от строгого подчинения средств цели. Они способны достигать результата совершенно неожиданными движениями, ориентируясь на совпадения. Это свойство мышления Леви-Строс назвал бриколажем.

Особенно важное значение в первобытном мышлении играет знак, символ. Будучи посредником между образом и понятием, он несет в себе их черты. Как и образ, он относится к области конкретного бытия, а как понятие — может замещать другую вещь. Поэтому ученый действует посредством понятий, бриколер — знаков. Понятие стремится быть прозрачным для всех, знак же требует адресности. Леви-Строс назвал первобытное мышление неприрученной мыслью — системой понятий, вписанных внутрь образа.

Важной чертой первобытного мышления является анимизм — одушевление неодушевленного. И это вовсе не недостаток, напротив — такова специфика человеческой деятельности, носящей целеполагающий характер. Ведь стремление одушевить неодушевленное есть родовое качество человека, достаточно вспомнить миф о Пигмалионе. Человеческая практика связана с удвоением мира на материально-предметный и идеальный. С этого начинается человеческая культура. Так создается образ мира, без которого жизнь человека невозможна. Анимизм есть следствие специфики такого характера действий.

В детстве ребенок осваивает социальный тип жизнедеятельности, знакомится с духовной культурой своего народа через сказки, фольклор, веря при этом в чудеса. Затем играет в игры, в которых предметы вполне материальные превращаются в воображаемые (палка — лошадь, кукла — живая и т.д.), прекрасно при этом понимая, что палка остается палкой, а кукла — игрушкой. Но важно то, что предмет, оставаясь собой, предстает в то же время совершенно другим. Именно так формируется образное восприятие, способность понимать произведения искусства.

И в случае с ребенком, и в традиционном обществе мы имеем раздвоение на знак и значение. В определенном контексте функция предмета не зависит от свойств материального носителя, а имеет символическое, знаковое значение. Именно так палка превращается в лошадь у детей, а специально подготовленная скульптура — в тотем в архаической культуре. Таким образом, в традиционном обществе функционирует, а в современном обществе в детстве формируется символический способ освоения мира, являющийся формой и основой абстрактного мышления.

И очень плохо, что, вырастая, мы забываем о том, что мы могли в детстве. Ведь процесс одушевления неодушевленного есть один из возможных способов преодоления отчуждения, гуманизации современного общества, в

котором так сильна обратная тенденция — разодушевления одушевленного, фетишизации вещей, где человек тоже становится бесчувственной вещью. Поэтому современному человеку было бы хорошо вспомнить детство или обратиться за опытом к традиционным культурам.

§ 8.2. Основные черты традиционной (архаической) культуры

На всем протяжении человеческой истории существовало и существует огромное разнообразие видов культур как локально-исторических форм общностей людей. Развитие и функционирование культуры представляет собой особый способ жизнедеятельности этноса. Поэтому каждая культура выражает специфику уклада жизни своего создателя — этноса или этнической общности, его поведения, его способа мировосприятия.

Среди всего многообразия этнических культур ученые выделяют тип традиционной (архаической) культуры, распространенной в обществах, где изменения незаметны для жизни одного поколения. В этом типе культуры господствуют обычаи и передаваемые из поколения в поколение традиции. Традиционная культура органично сочетает в себе составляющие элементы, она едина с природой, ориентирована на сохранение самобытности, своего своеобразия, внутри нее человек не испытывает разлада с обществом. Традиционная культура, как правило, доиндустриальна, бесписьменна, основной род занятий — сельское хозяйство. В мире сохранились традиционные культуры, до сих пор находящиеся на стадии охоты и собирательства. В Ареальной картотеке человеческих отношений зафиксировано более 600 традиционных (архаических) культур.

В этнологии не существует единого мнения относительно рзделения архаических и традиционных культур. Несмотря на то, что они часто, как уже отмечалось, используются как синонимы, мы считаем целесообразным рассмотреть каждое понятие отдельно (см. с. 204).

Важнейше свойство архаической культуры — синкретизм, выражающийся прежде всего в целостности, нерасчлененности трех форм бытия: культуры, общества и человека. Каждый член родоплеменного коллектива равен целому — у всех одно имя, одна раскраска тела, одни украшения, одни мифы, обряды, песни. Иначе говоря, «я» полностью растворено в «мы». Не отделяет себя человек и от природы, считая себя такой же ее частью, наделенной душой, как и растения, животные, горы, реки и т.д. Синкретизм проявляется и в структуре самой культуры, нерасчлененной еще на отдельные сферы с выработанными самостоятельными функциями.

Воплощением этого синкретизма является миф - синкретическое образование, воспринимающее мир как целостность и содержащее в зародыше все выделившиеся позднее сферы культуры. В мифе осуществляется совпадение чувственного образа, полученного от определенных элементов внешнего мира, и общей идеи. Он проявляется не в общих понятиях, а в конкретно-чувственных образах, что ведет к тождественности материального мира и его картины, духовного образа, созданного человеком. Это не вера и не зна-

ние, а чувственное переживание действительности. Но самое главное — это способ восприятия и объяснения мира, определяющий место в нем человека и порождающий чувство уверенности, необходимое для существования и деятельности. Формирующееся при этом нерасчлененно-целостное мышление связывает, а не разделяет, отождествляет, а не противопоставляет различные стороны жизнедеятельности. Поэтому миф на данном этапе развития сознания оказывается во много раз сильнее аналитического мышления.

Второй существенный признак — традиционность. Все особенности структуры бытия и быта, мифы и обряды, нормы и ценности остаются стабильными, жесткими, нерушимыми и передаются из поколения в поколение как неписаный закон. Власть традиции — этого культурного заменителя утраченного человечеством генетического способа передачи поведенческих программ — абсолютна, освящена мифологическими представлениями. Ведь миф по своей природе претендует на абсолютность всего, им утверждаемого, требует от каждого индивида безусловного принятия данной системы идей и чувствований и их передачи в неприкосновенном виде из поколения в поколение.

Но как ни велика сила традиций, они не могут сохраняться вечно. Медленно и постепенно в культуру проникают новации, в единой синкретической культуре выделяются отдельные самостоятельные сферы, люди начинают вычленять себя из мира, осознавать свое «я», отличное от «мы». Так возникают традиционные культуры.

Власть традиции и здесь очень велика. И хотя поведение человека намного разнообразнее, чем в архаической культуре, все же и оно подчиняется нормам, выработанным обществом. Реально эти нормы представлены в виде совокупности особых типовых программ — стереотипов поведения. Они обычно предусматривают большую часть возможных в повседневной практике человека ситуаций. Обоснованием такого рода стереотипов служит ссылка на закон предков — основной способ мотивации действий в традиционной культуре. Вопрос «почему так, а не иначе?» просто не имеет значения, так как весь смысл традиции — сделать так, как было сделано в первый раз. Таким образом, именно прошлое (в виде закона предков, мифа) выступает в традиционной культуре в качестве объяснения настоящего и будущего.

В основе этих стереотипов поведения лежат не правила, как в современном обществе, а образы, модели (изначально зафиксированные в мифах), и следование им служит обязательным условием социальной жизни коллектива. Такие образцы имеют синкретический, нерасчлененный характер. Позже из них выделятся юридические, этические, религиозные и другие нормы, которые пока находятся в них в виде зародышей.

Важное свойство традиционных стереотипов поведения — их автоматизированность. Они совершаются бессознательно, так как в традиционной культуре вся жизнь человека представляется единственно возможной, у него нет права выбора, как в современном обществе, осознающем, что жизнь может идти по разным, часто альтернативным путям развития, причем решение принимает сам человек.

В традиционной культуре структурирующей является идея о наличии в культуре центра и периферии. В центре находятся сакральные элементы, определяющие нормы, ценности, представления о добре и зле в данной культуре, а также знание о необходимых действиях по поддержанию гармонии мира. На культурной периферии — обычная, повседневная жизнь людей. От архаических культур, их синкретизма, наследуется принцип единства мир а, неотторжимости его отдельных элементов. В мире нет предметов или явлений, абсолютно изолированных от других. Каждый из них множеством нитей связан с остальными предметами и явлениями, содержит в себе их частицы. Все находится во всем. В частности, это означает, что быт, сфера профанного (обыденного) оказывается насыщенной символикой, истинное значение которой лежит в области сакрального. Так формируется мифологическая модель мира, и в традиционной культуре продолжающая играть важнейшую роль. Только позднейшие этапы развития культуры привели к поляризации этих двух сфер.

Целостность в сочетании с отсутствием специальных средств передачи информации приводит к тому, что каждый элемент культуры используется гораздо полнее, чем в современном обществе.

Дело в том, что для современного человека весь окружающий мир подразделяется на две части: мир знаков и мир вещей. Существует специализация знаковых систем, в соответствии с которой все явления мира могут быть использованы и как вещи, и как знаки. В зависимости от того, какие их свойства актуализируются, вещность или знаковость, они принимают тот или иной статус. Человек постоянно занимается определением семиотического статуса окружающих его вещей. Этот процесс автоматизирован и происходит на подсознательном уровне. Можно выделить три группы вещей: с постоянно высоким семиотическим статусом — вещи-знаки (амулеты, маски, флаги, гербы), они важны не своей материальной ценностью, а символическим значением; вещи с постоянно низким семиотическим статусом — материальные предметы, которые используются в современной культуре и могут удовлетворять только конкретные практические нужды; основная группа вещей, которые могут быть и вещами, и знаками, т.е. имеют и материальную ценность, удовлетворяя какие-то практические потребности, и несут определенную символическую нагрузку. По сути дела, только последние являются полноценными вещами. Проблема заключается в том, что в нашем мире таких вещей не слишком много, а крайний рационализм современного научного мировоззрения приучил нас не только к твердой уверенности, что знаковая деятельность вторична, но и к тому, что четкое разделение утилитарного и знакового аспектов существовало всегда. И мы не видим, что это утверждение неверно не только для традиционной культуры, но и для современной. Ведь и в нашей культуре многие вещи утилитарного назначения имеют дополнительный — эстетический, престижный — смысл. Например, часы «Роллекс», перьевой «Паркер» — это не просто часы и ручка, но еще и символы принадлежности к определенной социальной группе, символы богатства и престижности.

Поэтому невозможно четко разделить рациональное и иррациональное, в том числе и в вещах. Все, что способно воздействовать на ум, чувство и волю, утверждает свою несомненную реальность. И в этом смысле символическое значение вещей не менее реально, чем их утилитарная ценность. Нельзя также ставить вопрос, что первично - вещность или знаковость. Предмет становится фактом культуры, если он соответствует и практическим, и символическим требованиям.

Все эти свойства вещей намного отчетливее прослеживаются в традиционной культуре. Так как здесь мир воспринимается как целостность, вещи и явления мира просто не могут выполнять какую-то одну функцию — они обязательно полифункциональны. В традиционной культуре нет ни вещей-знаков, ни вещей-материальных предметов. Любая вещь может служить одновременно как утилитарным, так и символическим целям. Поэтому традиционная культура в роли семиотических (знаковых) объектов использует не только язык, миф, ритуал, но и утварь, экономические и социальные институты, системы родства, жилища, пищу, одежду, оружие. Например, даже в зрелой китайской культуре бронзовые сосуды использовались не только но прямому назначению, их украшения, рельефы несли в себе большой объем информации об устройстве мира, его ценностных ориентациях и т.д. При этом мы можем с уверенностью сказать, что основное предназначение этих сосудов — служить источником информации о мире, а возможность их утилитарного использования — следствие их основной функции. Таким образом, в традиционном обществе вещи всегда суть знаки, но и знаки — всегда вещи.

И если в современном обществе можно говорить о существовании материальной и духовной культуры, то в традиционном такое деление даст заведомо искаженную картину.

Принципиальные особенности функционирования вещей проявляются уже в процессе их изготовления. Мастер в архаической и традиционной культуре, создавая вещь, осознает, что он при этом повторяет те операции, которые в Начале мира выполнял Творец Вселенной, т.е. продолжает дело демиурга, не только восполняя естественные потери, но и заполняя мир. Поэтому технология изготовления вещей всегда относилась к сфере сакрального (священного). Еще в очень далекие времена ремесленники выделились в отдельные касты, причем их сила и могущество в глазах остального общества выходили далеко за рамки ремесла, делая их посредниками между миром человека и природой. Даже в прошлом веке в Европе сохранялось особое отношение к кузнецам и мельникам — как к колдунам, знающимся с дьяволом.

Из принципа единства мира вытекает понимание природы как живого существа. В силу этого человек традиционной культуры ведет с ней постоянный диалог. Он нацелен не на покорение природы, а на сотрудничество с ней. Собирая материал, из которого будет изготовлена какая-то вещь, мастер должен был не просто взять любой подходящий материал (дерево, глину, руду и т.д.), а попросить на это согласие у природы. Ведь изготовленный предмет должен был удовлетворять не только физическим, но и символическим требованиям, соотноситься с такими понятиями, как жизнь, счастье, чистота

и т.п. Материалы, которые шли на изготовление вещей, обладали особым статусом — они были исходным сырьем для сотворения мира и самого человека. Поэтому приемы, которые, согласно мифам, использовались богами, легли в основу традиционной технологии. Обычно это означало жесткие пространственно-временные рамки (сделать вещь там-то и тогда-то — или выбросить недоделанное), строго ограниченный выбор материала, зафиксированное для каждого конкретного случая преобразование материала с помощью огня, воды, воздуха и, наконец, «оживление» созданного — ибо не может в живом мире существовать мертвый предмет.

Все это занимало довольно много времени и включало много лишних операций (ритуалы, танцы, заклинания). Но такая избыточность технологических процессов существует только с точки зрения современного человека, не обращающего внимания на символический мир. На самом деле именно ритуал породил технологию, а не технология сопровождалась ритуальными действиями. Мастер совершал ритуал, а то, что в его результате получался полезный предмет, понималось как естественное следствие правильной исходной схемы.

В связи с этим формы всех вещей были жестко зафиксированы, оформление не допускало никакой фантазии. В данном случае в действие вступала магия — раз вещи придавалась форма из окружения человека — животного, растения и т.д., она наделялась их характеристиками. В данном случае мы сталкиваемся с явлением того же порядка, что и охотничья магия (перед началом охоты устраивался специальный ритуал: чтобы обеспечить успех в охоте, охотники в магическом танце должны были «убить зверя» — переодетого шамана). Если для нашего рационального ума существует только функция вещи, заложенная в процессе ее производства, то для мифологически мыслящего человека она — проявление ее собственных, только ей присущих черт.

К новым вещам всегда относились настороженно. Поэтому, прежде чем их использовать, устраивалась проверка соответствия исходным образцам. Обычно это были какие-то символические процедуры. Если вещь не выдерживала испытания, это означало, что нарушен ритуал ее создания — обычно в каких-то символических операциях. Такие вещи отвергались, считались средоточием враждебных сил, например топоры, которые могли поранить своего хозяина, или дома, приносившие несчастье своим владельцам. Удовлетворительный исход испытаний означал, что появилась новая вещь, которая наряду с возможностью ее практического использования являла собой модель мира и осознавалась живым существом со своими особенностями. Это отражалось в имени, которое давалось вещи. Дольше всего такое отношение сохранялось применительно к оружию, особенно мечам. Недаром в истории известны имена не только героев, но и их оружия (Эскалибур — меч короля Артура, Дюрандаль — меч Роланда).

Полноценность вещей в традиционных культурах, принадлежность их одновременно к двум мирам — профанному (обыденному, материальному) и сакральному (знаковому, символическому) — позволяют использовать их в

обрядах и ритуалах, являющихся важнейшими регуляторами поведения в традиционных обществах.

§ 8.3. Обычаи и ритуалы в традиционной культуре

Уже первые исследования традиционных культур привели этнологов к убеждению, что их существование неразрывно связано с ритуалами и обрядами. Их практическое значение довольно широко и разнообразно: они регулируют эмоциональное состояние людей, формируют и поддерживают чувство общности на уровне этноса в целом, больших и малых групп, семьи, позволяют индивиду ощутить свою этническую идентичность, сохраняют ценностные ориентации этноса, являются составной частью механизма этнизации личности и т.д. Поэтому к явлениям традиционной культуры обратились представители разных наук, по-своему их интерпретирующих. Так, в одном случае ритуал рассматривается как стандартная устойчивая последовательность действий церемониального характера; в другом — как стереотипизированная форма поведения; в обыденном понимании ритуал означает формальную процедуру, своего рода игру, правила которой принимаются всеми ее участниками.

Среди разнообразных интерпретаций сущности ритуалов для нас наибольший интерес представляет этологическая.

На рубеже 1970—1980-х гг. появилось новое научное направление — этология человека, которое синтезировало в себе достижения этологии, этнологии, физиологии и психологии. Его основным объектом исследования стало традиционное общество в сравнении с современной индустриальной культурой. Важная особенность такого подхода состоит в изучении культуры и человека в «естественном» состоянии, где ритуал имеет огромное значение для социокультурной адаптации.

Согласно этологическому подходу, для функционирования любой этнической общности необходимы такие качества, как сотрудничество, сплоченность, способность образовывать дружеские узы. У животных аналогичное поведение по отношению к особям своего вида определяется специфическими биологическими организмами. У человека же со становлением социального типа жизнедеятельности подобные механизмы заторможены. У него нет той сложной системы поз, жестов, которые свойственны животным. На смену ей пришла культурная система ритуала, контролирующая и регулирующая способы социального взаимодействия людей, вырабатывая стереотипы их поведения.

Собственно культура начинается с того, что на поведение накладываются некоторые дополнительные ограничения, не мотивированные физическими или биологическими критериями, в частности — овладение информацией, необходимой для жизни и приобретаемой только в процессе обучения. Так появляется язык, знаковые средства для ее передачи.

Информация усваивалась в стереотипах поведения, превратившихся в образцы, модели, следование которым было обязательным условием социальной жизни коллектива. Эти программы поведения имели нерасчлененный,

синкретический характер и поэтому одновременно были и образом мира, без которого невозможно функционирование культуры.

Хотя стереотипы поведения претендуют на всеобщность и абсолютность, на практике одни из них выполняются всегда и всеми, другие соблюдаются с некоторыми отклонениями и послаблениями. Разумеется, у каждого этноса свои представления о том, что является более важным и значимым, а чем можно пренебречь. Поэтому обряды и обычаи разных народов не совпадают. Но все они принципиально сходятся в одном — ими жестко контролируется соблюдение важнейших для данного этноса и культуры стереотипов.

Менее значимые фрагменты традиционной культуры регулируются с помощью обычаев — стереотипизированных форм поведения, связанных с практической деятельностью. Обычаи регламентируют поступки членов этноса в конкретных ситуациях, регулируют поведение индивида в той или иной сфере жизни и деятельности, требуя проявления нравственных качеств, типичных для данного этноса. Они существуют в обыденной жизни, на культурной периферии. Более высокая ступень регуляции — ритуалы, намного более жесткие программы поведения, которые функционируют в сакральном центре культуры и от правильного выполнения которых зависит само существование этой культуры и народа.

Как считается в этнологии, ритуал представляет собой определенные установленные действия, которые совершаются с целью повлиять на действительность, имеют символический характер и, как правило, санкционированы обществом. Ритуалы существуют не только в традиционных, но и в современных обществах. И это относится не только к религии. Под определение ритуала подпадает любое разрешение, получаемое бюрократически и изменяющее ситуацию лишь символически (например, штамп в паспорте, поставленный в ЗАГСе). В традиционных культурах, где ритуалы играют более важную роль (считается, что от них зависит само существование мира), их важнейшая цель — достижение идеального состояния мира, характеризующегося слиянием человека, коллектива и космоса в гармоничном единстве.

Наиболее подробный и тщательный анализ ритуала и его роли в культуре связан с именем Э. Дюркгейма. Еще со времен Э. Тайлора и Дж. Фрэзера утвердилось деление явлений традиционной культуры на рациональные, удовлетворяющие материальные потребности, и иррациональные, символические ценности. Первые находятся на культурной периферии, вторые — в ее сакральном центре.

Символические ценности в таких культурах были важнее. Об этом говорит хорошо известный историкам парадокс: примитивные в хозяйственном отношении племена нередко имели сложную социальную организацию, развитую систему обрядов, верований и мифов. Также не секрет и тот факт, что человечество всегда выделяло для непрактической, на первый взгляд символической деятельности своих лучших представителей (только самые талантливые могли стать колдунами и шаманами). Иными словами, для любого коллектива недостаточно определенного минимума материальных жизненных условий, без символических ценностей его жизнь невозможна. Таким

образом, можно говорить о двух видах прагматики — утилитарной и знаковой, материальной и символической.

Для нас такое утверждение звучит непривычно. В традиционной культуре цель и смысл жизни человек видел в ритуалах, а обыденное существование лишь заполняло промежутки между ними. В современной культуре, неразрывно связанной с идеей истории (развития общества), осознанием роли науки и возможности реального преобразования мира, произошла переориентация на практические ценности. Человек сегодня рассматривает символическую деятельность как простое приложение к основной — хозяйственно-экономической, поэтому роль ритуала снизилась, а самое главное — изменилось отношение к нему со стороны членов общества, что делает изучение ритуалов затруднительным или невозможным без обращения к опыту традиционных культур.

Что представляет собой ритуал? Обычно это некоторый стандартизированный набор действий символического содержания, совершаемый в ситуации, предписываемой традицией. Слова и действия, составляющие ритуал, определены очень точно и практически не меняются. Традиции также определяют, кто может проводить ритуал. В ритуалах часто используются священные объекты (являющиеся полноценными вещами), в конце его участники обычно испытывают эмоциональный подъем. Ритуалы служат усилению трудового единства, в период кризисов снимают состояние тревоги и неблагополучия.

Все ритуалы можно разделить на две главные категории: отрицательные и положительные. Первая представляет собой систему запретов, призванных резко разделить мир священного и обыденного, так как подразумевается, что их смешение приведет к неисчислимым бедам для людей и даже к разрушению мира. В качестве примера можно привести многочисленные табу у разных народов. Так, несвященное существо не может касаться руками священного; определенные ритуалы разрешено проводить только в специальных священных местах; во время одних обрядов запрещено принимать пищу, во время других — заниматься любой работой.

Положительные ритуалы и обряды (обряд является пиком ритуального действия), напротив, призваны приблизить два мира (сакральный и пространный) друг к другу. К ритуалам этого типа относятся обряды интичиума (ритуальное совместное поедание тела тотемного животного), жертвоприношения во имя завоевания расположения божества и обеспечения желаемого единства мира. Основная задача таких ритуалов — восстановить нарушенный порядок вещей, контакт между мирами, исходный сакральный образец.

Сегодня мы можем уточнить дюркгеймовскую классификацию ритуалов, используя разные основания деления.

Важным считается разделение ритуалов на магические и религиозные. Магия от религии отличается отсутствием веры в бога (или богов), т.е. персонификации сверхъестественных сил. Магические ритуалы преследуют непосредственные, ближайшие цели, являются делом отдельных людей, а религиозные ритуалы — дело всего общества.

Можно разделить ритуалы также по функциям. В таком случае выделяются кризисные ритуалы, совершаемые индивидом или группой в критические периоды жизни (например, танец дождя, совершаемый в период длительной засухи. В современном обществе также используются ритуалы подобного типа — обычно это обращение главы государства к народу в случае бедствия, а также его присутствие на месте событий; календарные ритуалы, совершаемые регулярно при наступлении определенных природных явлений (смена времен года, фаз луны, созревание урожая и т.п.). По мере развития общества они частично секуляризируются (сегодня, например, сохраняется ритуал проводов зимы, превратившийся в обычный праздник), частично отмирают. Ритуалы интенсификации осуществляются для восстановления нарушенного равновесия жизни, вызванного как внутренними, так и внешними причинами, для интенсификации взаимодействия между членами группы, повышения их сплоченности. Чаще всего это разновидность кризисных ритуалов. В традиционных культурах очень вялены ритуалы родства, причем они касаются не родства но крови или по браку, а родственных отношений, сформировавшихся на основе функциональных взаимосвязей. Таковы, например, ритуалы взаимоотношений членов семьи с крестным отцом или крестной матерью.

Ритуалы классифицируют и по половому признаку его участников. В таком случае выделяются мужские, женские и смешанные ритуалы. Ритуалы могут различаться по массовости (по количеству участников), по характеристикам группы, в которых они выполняются (какие-то ритуалы проводятся только вождями, или старейшинами, или охотниками и т.д.).

В отдельную группу выделяются ритуалы, связанные с уважительным поведением членов общества по отношению друг к другу. Они по-прежнему важны в культуре, как в традиционной, так и в современной. В этом случае выделяются ритуалы избежания — те ограничения поведения, которые предназначены для поддержания социальной дистанции между индивидами (в традиционной культуре можно привести в качестве примера требования избегания общения между зятем и тещей у некоторых народов). Ритуалы презентации (приветствия, приглашения, комплименты, мелкие услуги) — это тоже модели предписанного поведения, но служащие для поощрения и активизации взаимодействия между людьми.

Очень важными для культуры (особенно традиционной) являются ритуалы перехода. Они связаны с последовательным прохождением индивидом стадий своего жизненного пути — от рождения до смерти. В традиционных и архаических культурах они особенно выразительны, часто означают полную потерю прежней идентичности и приобретение новой, поскольку происходит изменение всех социальных характеристик личности, иногда вплоть до смены имени. Среди этой группы ритуалов важнейшее место занимают обряды инициации — переход в статус взрослого полноправного члена племени (иногда они понимаются как смерть и новое рождение). У разных народов они происходят по-разному и часто представляют собой длительный, растянутый на несколько дней или недель, процесс. Очень часто обряды инициа-

ции связаны с необходимостью терпеть боль, голодать. Обряды инициации для мужчин обычно самые сложные и важные из всех ритуалов перехода. Но подобные же обряды есть и для девушек (у некоторых народов для них также предусмотрены обрезания и подрезания).

К ритуалам перехода относятся также ритуалы вступления в брак, наступления старости, ритуалы рождения и смерти. Все они имеют один смысл — установление новой идентичности индивида, фиксация его нового статуса и интеграция основных статусных групп племени или общины. В современных обществах ритуалы перехода сохранились (получение паспорта, вручение аттестата зрелости или университетского диплома, заключение и расторжение брака, выход на пенсию и, конечно, рождение и смерть), но они сильно изменились, стали более формальными, более свободными в выборе идентификации, есть возможность отказаться от какого-либо перехода, и символизация их менее прямая и непосредственная. Так, сегодня можно пойти учиться и в пятьдесят лет, можно растянуть или сократить юность или период активной взрослой жизни, избежать старости как социально-сконструированного времени жизни (разумеется, в пределах биологических возможностей организма). В традиционном обществе подобное невозможно. Там юноша, прошедший инициацию, сразу и полностью становился взрослым, независимо от своих субъективных состояний и склонностей, точно так же, как впоследствии «ритуально» старел. Иными словами, в традиционном обществе наступление очередного возрастного статуса нельзя было отложить. Ученые считают, что современное увеличение средней продолжительности жизни связано не только с успехами медицины, но и с деритуализацией общества, изменением возрастных идеологий.

В этом коренится одно из основных отличий традиционного общества от современного, где роль ритуалов и значение символической деятельности значительно снижены. Поэтому символы в современном обществе могут наполняться любым содержанием, но при одном условии — единого для членов общества понимания и истолкования этих символов. Иначе в традиционной культуре. Там для каждого ритуала есть обосновывающий его миф, а назначение и смысл каждого действия и предмета, используемого в ритуале, могут быть подробно объяснены его участниками. Поэтому в традиционной культуре ритуал — это сама жизнь, а не искусственная конструкция.

Итак, ритуал прагматичен и в знаковом, и в практическом отношении, при преимуществе ценностей знакового характера. И дело не в том, истинен или ложен этот ритуал. Ведь традиционная информация, ориентированная на самоподдержание системы, не обязательно должна быть истинной. Какая разница, что мы сегодня знаем, почему движется Солнце по небу, а другие народы считают его богом, путешествующим по небу в золотой ладье. Благодаря «их» информации возникает такое же чувство уверенности в мире, а может быть, и больше. Ведь ритуал использует все знаковые средства, известные коллективу (язык, жесты, мимика, пантомима, танец, пение, музыка, цвет). Это дает не только многократный запас прочности, но и порождает эффект сопричастия высшим ценностям бытия. Не менее важна эмоциональ-

ная сторона ритуала, она снимает эмоциональную напряженность, нейтрализует агрессию, сплачивает участников ритуала, позволяет им ощутить себя единым целым перед лицом очередного испытания. Существенно и то, что каждый член коллектива в течение своей жизни проигрывает все роли, предписанные ритуальным сценарием, ощущает личную ответственность за сохранение мира в обществе. Именно эти свойства ритуала выделяют его из остальных видов деятельности, придают ему особый статус в традиционной культуре.

§ 8.4. Проблема модернизации традиционных обществ

Противостояние традиционной и модернизированной (современной) культур все более превращается в фундаментальную проблему современной эпохи. Именно это противостояние оказывает возрастающее влияние на ход культурно-исторического процесса. Противостояние «современного» и «традиционного» возникло в результате крушения колониальной системы и необходимости адаптировать вновь появившиеся на политической карте мира страны к современному миру, современной цивилизации. Но на деле процессы модернизации начались намного раньше, еще в колониальные времена, когда европейские чиновники, будучи твердо уверены в благотворности и полезности своей деятельности для «туземцев», истребляли их традиции и верования, которые, по их мнению, были вредны для прогрессивного развития этих народов. Тогда предполагалось, что модернизация прежде всего подразумевает внедрение новых, прогрессивных форм деятельности, технологий и идей, что она является средством ускорения, упрощения и облегчения пути, который все равно предстоит пройти этим народам.

Разрушение многих культур, последовавшее за насильственной «модернизацией», привело к осознанию порочности подобного подхода, необходимости создания научно обоснованных теорий модернизации. В середине XX в. многие антропологи пытались взвешенно. проанализировать традиционные культуры, не прибегая к универсалистской концепции. В частности, группа американских антропологов под руководством М. Херсковица в ходе подготовки Всеобщей декларации прав человека, проходившей под эгидой ООН, предложила исходить из того, что в каждой культуре стандарты и ценности имеют особенный характер, поэтому каждый человек вправе жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе. К сожалению, возобладала универсалистская точка зрения, вытекавшая из эволюционного подхода, и сегодня в этой Декларации записано, что права человека едины для представителей всех обществ, независимо от их традиций. Но ведь не секрет, что записанные там права человека представляют собой постулаты, сформулированные именно европейской культурой. И именно эволюционистская парадигма легла в основу появившихся тогда теорий модернизации.

Считалось, что переход от традиционного общества к современному (а он считался обязательным для всех культур и народов) возможен только через модернизацию. Этот термин сегодня употребляется в нескольких смыслах, поэтому его следует уточнить.

Во-первых, под модернизацией подразумевается сумма всех прогрессивных изменений в обществе, это синоним понятия «современность» — комплекса социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея сегодня. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующее влияние капитализма, распространение индивидуализма и мотивации успеха, утверждение разума и науки.

Во-вторых, модернизация — это процесс превращения традиционного, дотехнологического общества в общество с машинной технологией, рациональными и секулярными отношениями, высокодифференцированными социальными структурами.

В-третьих, под модернизацией понимаются усилия отсталых или слаборазвитых стран, предпринимаемые ими, чтобы догнать развитые страны.

Исходя из этого, модернизацию в самом общем виде можно рассматривать как сложный и противоречивый социокультурный процесс, в ходе которого формируются институты и структуры современного общества.

Научное осмысление этого процесса нашло выражение в целом ряде разнородных концепций модернизации, стремящихся объяснить процесс закономерного перехода от традиционных обществ к современному и далее — к эпохе постсовременности. Так возникли теория индустриального общества (К. Маркс, О. Конт, Г. Спенсер), концепция формальной рациональности (М. Вебер), теория механической и органической модернизации (Э. Дюркгейм), формальная теория общества (Г. Зиммель). Различаясь своими теоретическими и методологическими установками, они тем не менее едины в своих неоэволюционистских оценках модернизации, утверждающих, что:

— изменения в обществе являются однолинейными, следовательно, менее развитые страны должны пройти путь вслед за развитыми;

— эти изменения необратимы и ведут к неизбежному финалу — модернизации;

— изменения носят постепенный, накопительный и мирный характер;

— все стадии этого процесса должны быть неизбежно пройдены;

— особую важность имеют внутренние источники этого движения;

— модернизация улучшит жизнь в этих странах.

Также было признано, что процессы модернизации должны начинаться и контролироваться «сверху» интеллектуальной элитой. По сути, это осознанное копирование западного общества.

Механизм модернизации все теории рассматривали как спонтанный процесс. Предполагалось, что, если устранить мешающие барьеры, все пойдет само собой, достаточно показать преимущества западной цивилизации (хотя бы по телевизору), как всем тут же захочется жить так же.

Но действительность опровергла эти прекрасные теории. Далеко не все общества, увидев поближе западный образ жизни, устремились ему подражать. А те, кто пошел по этому пути, быстро познакомились с изнанкой этой жизни, столкнувшись с ростом нищеты, социальной дезорганизацией,

аномией, преступностью. Кроме того, десятилетия показали, что далеко не все в традиционных обществах плохо и некоторые их черты прекрасно уживаются с суперсовременными технологиями. Это доказали прежде всего Япония, Южная Корея, чем поставили под сомнение прежнюю твердую ориентацию на Запад. Исторический опыт этих стран заставил отказаться от теорий однолинейности мирового развития как единственно верных и сформулировать новые теории, которые возродили цивилизационный подход к анализу этнокультурных процессов.

Среди ученых, исследовавших эту проблему, нужно упомянуть прежде всего С. Хантингтона. Изучая различные теории модернизации, он выявил девять главных характеристик, обнаруживающихся в явном или скрытом виде у всех авторов:

1) модернизация — революционный процесс, ибо он предполагает кардинальный характер изменений, радикальную смену всех институтов, систем, структур общества и человеческой жизни;

2) модернизация — комплексный процесс, ибо он не сводится к какому-то одному аспекту общественной жизни, а охватывает общество полностью;

3) модернизация — системный процесс, потому что изменения одного фактора или фрагмента системы определяют изменения в других элементах системы, приводят к целостному системному перевороту;

4) модернизация — глобальный процесс, так как, начавшись когда-то в Европе, она охватила все страны мира, которые либо уже стали современными, либо находятся в процессе изменения;

5) модернизация — длительный процесс, и хотя темпы изменений достаточно велики, для ее проведения требуется жизнь нескольких поколений;

6) модернизация — ступенчатый процесс, и все общества должны пройти одни и те же стадии;

7) модернизация — гомогенизирующий процесс: если традиционные общества все разные, то современные в основных своих структурах и проявлениях одинаковы;

8) модернизация — необратимый процесс, на ее пути могут быть задержки, частичные отступления, но, раз начавшись, она не может не завершиться успехом;

9) модернизация — прогрессивный процесс, и хотя на этом пути народы могут испытать много невзгод и страданий, в конечном счете все окупится, так как в модернизированном обществе культурное и материальное благополучие человека неизмеримо выше.

Непосредственным содержанием модернизации является несколько направлений изменений. В историческом аспекте это синоним вестернизации или американизации, т.е. движения к тому типу систем, которые сложились в США и Западной Европе. В структурном аспекте — это поиск новых технологий, движение от сельского хозяйства как способа существования к коммерческому сельскому хозяйству, замена мускульной силы животных и человека в качестве основного источника энергии современными машинами и механизмами, распространение городов и пространственная концентрация рабочей силы. В политической сфере — переход от авторитета вождя племени к демократии, в сфере образования — ликвидация неграмотности и рост ценности знания, в религиозной сфере — освобождение от влияния церкви. В психологическом аспекте — это формирование современной личности, которой свойственны: независимость от традиционных авторитетов, внимание к общественным проблемам, способность приобретать новый опыт, веру в науку и разум, устремленность в будущее, высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний.

Односторонность и недостатки принципиальных положений концепций модернизации были осознаны довольно быстро.

Критики отмечали, что понятия «традиция» и «современность» асимметричны и не могут составлять дихотомию. Современное общество — это идеал, а традиционные — противоречивая реальность. Нет традиционных

обществ вообще, между ними очень велики отличия, и поэтому универсальных рецептов модернизации не может быть. Также неверно представлять традиционные общества абсолютно статичными и неподвижными, они тоже развиваются, и насильственные меры по модернизации могут прийти в конфликт с этим органичным развитием.

Кроме того, было не ясно, что входит в понятие «современное общество». В эту категорию точно попадали современные западные страны, но что было делать с Японией и Южной Кореей? Возникал вопрос, можно ли говорить о незападных современных странах и их отличии от западных.

Критике был подвергнут тезис и о том, что традиции и современность взаимно исключают друг друга. На самом деле любое общество представляет собой сплав традиционных и современных элементов. И традиции не обязательно препятствуют модернизации, а могут в чем-то и способствовать ей.

Отмечалось также, что не все результаты модернизации — благо, что она не обязательно носит системный характер, что экономическая модернизация может осуществляться без политической, что модернизационные процессы могут быть обращены вспять.

В 1970-х гг. против теорий модернизации были выдвинуты дополнительные возражения. Среди них самым главным был упрек в этноцентризме. Поскольку роль образца, к которому следовало стремиться, играли США, то эти теории были истолкованы как попытка интеллектуальной элиты Америки осмыслить послевоенную роль США как мировой сверхдержавы.

Критическая оценка основных теорий модернизации в конечном счете привела к дифференциации самого понятия «модернизация». Исследователи стали различать первичную и вторичную модернизацию.

Первичная модернизация обычно рассматривается как теоретическая конструкция, охватывающая разнообразные социокультурные изменения, сопровождающие период индустриализации и возникновения капитализма в отдельных странах Западной Европы и Америки. Ее связывают с разрушением прежних, в первую очередь наследственных традиций и традиционного уклада жизни, провозглашением и реализацией равных гражданских прав, становлением демократии.

Основная идея первичной модернизации заключается в том, что процесс индустриализации и развития капитализма предполагает в качестве своей предпосылки и главной основы индивидуальную свободу и автономию человека, расширение сферы его прав. По существу эта идея совпадает с принципом индивидуализма, сформулированным еще французскими просветителями.

Вторичная модернизация охватывает социокультурные изменения, происходящие в развивающихся странах (странах третьего мира) в условиях цивилизованного окружения в лице высокоразвитых стран и при наличии сложившихся образцов социальной организации и культуры.

В последние полтора десятилетия наибольший интерес вызывает модернизация бывших социалистических стран и стран, освободившихся от диктатуры. В связи с этим некоторые исследователи предлагают ввести по-

нятие третичной модернизации, обозначая им переход к современности индустриально среднеразвитых стран, сохраняющих многие черты прежней политике- и идеологической системы, которые тормозят сам процесс общественных преобразований.

В то же время изменения, накопившиеся в странах развитого капитализма, потребовали нового теоретического осмысления. В результате появились теории постиндустриального, суперииндустриального, информационного, «технотронного», «кибернетического» общества (О. Тоффлер, Д. Белл, Р. Дарендорф, Ю. Хабермас, Э. Гудденс и др.). Основные положения этих концепций сводятся к следующему.

• На смену индустриальному обществу приходит постиндустриальное (или информационное). Его главная отличительная особенность — рост научного знания и перемещение центра общественной жизни из сферы экономики в сферу науки, прежде всего — в научные организации (университеты). Не капитал и материальные ресурсы выступают в нем ключевыми факторами, а информация, помноженная на знания и технологии.

• Старое классовое деление общества на владеющих собственностью и не владеющих ею (характерное для социальной структуры индустриального общества) уступает место другому типу стратификации, где главным показателем становится деление общества на владеющих информацией и не владеющих ею. Возникают концепции «символического капитала» (П. Бурдье) и культурной идентичности, в которых классовая структура заменяется статусной иерархией, обусловленной ценностными ориентациями и образовательным потенциалом.

На место прежней, экономической элиты приходит новая, интеллектуальная элита, профессионалы, обладающие высоким уровнем образования, компетентностью, знаниями и основанными на них технологиями. Образовательный ценз и профессионализм, а не происхождение или материальное положение — вот главный критерий, по которому осуществляется теперь доступ к власти и социальным привилегиям.

• Конфликт между классами, характерный для индустриального общества, сменяется конфликтом между профессионализмом и некомпетентностью, между интеллектуальным меньшинством (элитой) и некомпетентным большинством.

Таким образом, современная эпоха — это эпоха господства науки и техники, образовательных систем и массовой информации. В связи с этим в концепциях модернизации традиционных обществ также изменились ключевые положения:

• В качестве движущей силы процессов модернизации признается уже не политическая и интеллектуальная элита, а самые широкие массы; если появляется харизматический лидер, они начинают активно действовать.

• Модернизация в таком случае зависит не от решения элиты, а от массового стремления граждан изменить свою жизнь в соответствии с западными стандартами под влиянием средств массовой коммуникации и личных контактов.

• Сегодня акценты делаются не на внутренние, а на внешние факторы модернизации — мировую геополитическую расстановку сил, внешнюю экономическую и финансовую поддержку, открытость международных рынков, доступность убедительных идеологических средств — доктрин, обосновывающих современные ценности.

• Вместо единой универсальной модели современности, которой долго считали США, появилась идея движущих эпицентров современности и образцовых обществ — не только Запад, но и Япония, и «азиатские тигры».

• Уже ясно, что нет и не может быть унифицированного процесса модернизации, ее темп, ритм и последствия в различных областях социальной жизни в разных странах будут различны.

• Современная картина модернизации намного менее оптимистична, чем прежняя, — не все возможно и достижимо, не все зависит только от политической воли; признано, что весь мир никогда не будет жить так, как живет современный Запад, поэтому современные теории уделяют много внимания отступлениям, попятным ходам, провалам.

• Сегодня модернизация оценивается не только по экономическим показателям, которые долгое время считались главными, но и но ценностям, культурным кодам.

• Предлагается активно использовать местные традиции.

• Сегодня основной идеологический климат на Западе — отказ от идеи прогресса (основной идеи эволюционизма), господствует идеология постмодернизма, в связи с чем рухнула сама концептуальная основа теории модернизации.

Так что сегодня модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику. При этом современное общество определяется в них либо как общество, приходящее на смену традиционному общественному укладу, либо как общество, вырастающее из индустриальной стадии и несущее в себе все ее черты. Информационное же общество представляет собой стадию современного общества (а не новый тип общества), наступающую вслед за фазами индустриализации и технологизации и характеризующуюся дальнейшим углублением гуманистических основ существования человека.

ЛИТЕРАТУРА

Найбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
Велик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998.
Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.
Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М., 1983.
Коул М., Скрибнер С. Мышление и культура. М., 1994.
Леви-Врнип, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
Меви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
С.икевич Я-В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.
Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

Глава 9. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

§ 9.1. Этнические контакты и их результаты. § 9.2. Теории этнокультурного взаимодействия. § 9.3. Этнические процессы в современном мире

§ 9.1. Этнические контакты и их результаты

Как ни один человек не может жить без каких-либо взаимоотношений с другими людьми, так и этническая общность не способна существовать в абсолютной изоляции от других народов. Практически каждый этнос в той или иной степени открыт для контактов и восприятия культурных достижений других этносов и одновременно готов поделиться собственными культурными достижениями и ценностями. Но, к сожалению, далеко не всегда межэтнические контакты приносят положительные результаты для всех взаимодействующих этносов. История этнокультурных отношений знает довольно много случаев, когда отдельные этнические общности и группы оказывались неприемлемыми друг для друга. Как отдельные люди, так и этносы в целом могут хорошо понимать друг друга, но могут и не найти общий язык. Поэтому в настоящее время интерес этнологов вызывают не только особенности отдельного народа, но и проблема взаимодействия различных народов и их культур.

Многочисленные этнокультурные исследования убедительно свидетельствуют, что этнические изменения происходят в результате многочисленных, сложно и противоречиво протекающих культурных контактов между народами. Содержание межэтнических взаимоотношений во многом зависит от способности их участников понимать друг друга и достигать согласия, которое в основном определяется этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон, психологией этносов — участников контактов. В этнологии эти взаимоотношения этносов получили название межэтнической коммуникации, под которой понимается обмен между двумя или более этническими общностями материальными и духовными продуктами их культурной деятельности, осуществляемой в различных формах. Исходя из этого, межэтнические отношения в широком смысле слова рассматриваются как взаимодействие народов в разных сферах общественной жизни — политике, искусстве, науке и т.д., а в узком смысле — как межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые также происходят в разных сферах общения — трудовой, семейно-бытовой и неформальных видах взаимоотношений. Из всей совокупности отношений между этническими группами этнологи обычно исследуют межкультурные взаимодействия.

В качестве самостоятельного направления этнологических исследований проблема межэтнических коммуникаций (взаимодействия культур) сложилась еще в XIX в., но в 1960—1970-х гг. она приобрела особую актуальность в связи с исследованиями в области массовых коммуникаций и массовой культуры. За прошедшее время были сформулированы гипотезы, позволяющие в системном виде представить этот процесс. В отечественной этно-

логии принято выделять две основные разновидности этнокоммуникационных процессов: этнотрансформационные и этноэволюционные. К первой относятся процессы, в результате которых происходит изменение этнического сознания; ко второй — процессы, обусловливающие значительные изменения отдельных характеристик этноса, но не ведущие к перемене этнического самосознания.

Одной из наиболее интересных гипотез, описывающих процессы межэтнических коммуникаций, является концепция этногенеза Л.Н. Гумилева (§ 5.3).

Согласно его гипотезе, процесс этногенеза связан с созданием этнического поля (аналогичного биополям), которое имеет физическую природу и характеризуется единой частотой колебания. Пассионарии тянутся друг к другу потому, что их собственные пассионарные поля колеблются с одинаковой частотой. Более того, пассионарии «заражают» своими идеями нормальных людей, ведут их за собой, передавая им свой ритм колебаний. Именно так создается этнос, а люди, входящие в него, проникаются общими интересами, приобретают общий стереотип поведения.

Очевидно, что этническое иоле каждого этноса действует и при встрече с другими этносами. Если колебания их этнических полей совпадут или будут гармоничны, этносы будут доброжелательны друг к другу, почувствуют то, что Гумилев называет комплиментарностью, неосознанным чувством расположения. Если нет — контакт будет невозможен или очень затруднен, люди ощутят «чужого».

Именно этим он объясняет тот факт, что русские землепроходцы прошли до Чукотки почти без сопротивления, проникли через Алеутские острова в Америку, договорились с алеутами, затем — с эскимосами, но, встретившись с индейцами, натолкнулись на жестокое сопротивление и не сумели установить с ними контакт. То же произошло с англосаксами, которые также безуспешно контактировали с индейцами. Но если русские отступили назад, в более благоприятные для себя места, то англосаксы просто уничтожили физически большую часть индейцев.

Ученые-этнологи сходятся во мнении, что процессы межэтнических коммуникаций определяются несколькими группами взаимозависимых факторов: историческими, социальными, культурными, психологическими, ситуативными и политическими.

Из исторических факторов, безусловно, важное значение имеют три класса явлений: ход исторических событий, в результате которых складывались отношения народов; исторические события, получившие символическое значение в межэтнических контактах; особенности историко-социального развития народа, включенного в контакт.

Этносы вступают во взаимоотношения в результате разных исторических обстоятельств. Когда возникают межэтнические напряжения, то чаще всего актуализируются такие исторические события, как завоевания, насильственные присоединения, колониальные захваты прошлого. При этом учитываются как формы колонизации (завоевание или добровольное присоединение), так и отношения с метрополией. В этнической памяти все эти события сохраняются, способствуя сплочению этноса. Они становятся символичными, вокруг них создаются идеологемы либо этнически ущербного характера, ли-

бо героического. И очень часто разные этносы оценивают одни и те же события по-разному.

Среди социальных факторов наиболее существенными являются: взаимосвязь социальной и этнической стратификации; влияние социально-структурных изменений; этнический фактор в социальной мобильности. Для межэтнических отношений идеальна ситуация, когда контактирующие этносы обладают одинаковым статусом. Но такой тип взаимоотношений встречается очень редко, более распространен дискриминационный вариант. В таких случаях необходимо изменение социального положения взаимодействующих этносов. Но движение к равностатусному общению, как это ни парадоксально, ведет к напряжениям в межэтнических отношениях. Источником конфликта становится то обстоятельство, что доминирующая этническая общность должна «потесниться» в своем статусе. Вместе с тем у подчиненного этноса начинают быстро расти потребности в укреплении своего статуса.

Культурные факторы подразделяются на две группы: 1) просвещение и информированность; 2) традиционные нормы этнической культуры. То обстоятельство, что образование и просвещение способны разрушать межэтнические границы, снимать межэтнические предубеждения, установлено многочисленными исследователями. Ведь чаще всего негативные гетеростереотипы и этнические предубеждения порождаются культурной замкнутостью этносов. Этнические общности с высоким уровнем образования более расположены к контактам, особенно в деловой сфере.

Относительно традиционных норм поведения в межэтнических отношениях принято считать, что традиции чаще всего определяют поведение людей в быту, но в действительности они просто очевиднее проявляются на этом уровне. Эндогамные браки преобладают у всех народов не только вследствие возможности заключения однонациональных браков, но и благодаря установкам на такие браки. Однако традиционные нормы влияют и на деловые и профессиональные отношения: сказываются в выборе деловых партнеров, в нормах общения в трудовых коллективах.

Сущность ситуационного фактора заключается в том, что стечение обстоятельств в экономической, политической и социальной сферах влияет на восприятие окружающей обстановки, усиливая или ослабляя межэтническую солидарность и этнокультурные контакты.

Наконец, политические факторы межэтнических отношений включают в себя принципы и формы государственного устройства, характер политического строя, тип государственной национальной политики. Особенно важное значение имеет политика государства, проводимая но отношению к этническим «меньшинствам». В ней можно выделить два направления, которые непосредственно сказываются на форме межэтнических отношений: интегрирующая политика и политика культурного плюрализма. Последняя касается не только области культуры, языка, образования. В широком понимании это и представительство различных этнических групп в институтах власти («соучастие во власти»).

С учетом всех этих факторов очевидно, что результаты взаимодейст-

вия для этносов, участвующих в нем, чаще всего будут различны. Контакт может ограничиваться одним простым количественным изменением в культуре этноса, но способен привести и к глубоким структурным сдвигам. Есть четыре варианта контакта:

- прибавление — этнос, сталкиваясь с другой культурой, осваивает некоторые ее достижения (так, индейская Америка дала Европе целый ряд культурных растений и навыков);
- усложнение — качественное изменение культуры этноса под влиянием более зрелой культуры (таково влияние китайской культуры на японскую, в результате чего японскую можно считать дочерней);
- убавление — потеря собственных навыков в результате столкновения с более развитой культурой (потеря айнами навыков изготовления керамической посуды из-за импорта готовой продукции);
- обеднение (эрозия) — деструкция культуры (постепенное исчезновение айнской культуры под влиянием лионской с конца XIX в.).

Чем выше уровень культуры этноса, тем благоприятнее для нее знакомство с другой культурой. Обычно действует селективный механизм, отбирающий только полезное и определяющий глубину проникновения одной культуры в другую. По данному показателю (масштабам, глубине проникновения) межэтнические коммуникации делятся на два основных типа: ассимиляцию и интеграцию.

Этническую ассимиляцию в полной мере можно отнести к категории этнотрансформационных процессов, поскольку она представляет собой процесс полного или частичного поглощения одним этносом другого, обычно слабого более сильным. Чаще всего это происходит путем завоевания, последующих смешанных браков и целенаправленного «растворения» подчиненного этноса этносом господствующим. В ходе этого процесса одна этническая общность постепенно адаптируется к обычаям, ценностям, образу жизни, а часто и к языку доминирующего этноса. Итогом ассимиляции становится утрата исконных этнических свойств, изменение этнической идентичности, самосознания людей. Ассимиляция проводится разными путями: непосредственным, прямым и равноправным включением индивидов в общество, что влечет за собой формальное равенство в юридических, политических, экономических и других общественных институтах, независимо от расовых, культурных, языковых или конфессиональных различий (универсалистская инкорпорация); включением индивидов в общество на неравноправной основе, в результате чего возникает подчиненная, недоминирующая общность, которая может превосходить по численности доминирующие группы, но формально являться меньшинством (дифференциальная инкорпорация).

Выделяют два типа этнической ассимиляции: полную и частичную. Суть первой заключается в том, что этническая группа, пребывая в иноэтнической среде, отказывается в силу разных исторических обстоятельств от своей культуры и стремится полностью усвоить необходимые для жизни ценности чужой культуры. Этот процесс протекает более эффективно при наличии «доброй воли» контактирующих сторон.

Частичная ассимиляция состоит в том, что индивид или этническая группа жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды лишь частично, т.е. какой-то одной из сфер своей жизнедеятельности. Например, на работе представители соответствующей этнической группы руководствуются нормами и требованиями чужеродной среды, а в семье, на досуге — нормами своей традиционной этнокультуры. Таким образом чаще всего ассимилируются эмигранты.

Кроме того, в этнологии различают естественную и насильственную ассимиляции. Естественная ассимиляция возникает при непосредственном контакте этнически разнородных групп и обусловлена потребностями упрочения их общей социальной, хозяйственной и культурной жизни. Насильственная ассимиляция представляет собой целенаправленную систему мероприятий органов власти во всех сферах общественной жизни, направленных на ускорение процесса ассимиляции путем подавления языка и культуры национальных меньшинств.

Естественно, что чем многочисленнее тот или иной этнос и чем богаче его культура, тем труднее он поддается насильственной ассимиляции.

Под межэтнической интеграцией (единением) в этнологии понимается появление новой этнокультурной общности в результате взаимодействия двух или нескольких этнических групп, позволяющего разным культурам сохранить свои основные этнические черты, свои индивидуальности. Это означает формирование в рамках полиэтнических государств таких межэтнических или мегаэтнических общностей, в которых составляющие их этнические группы сохраняют свою этническую идентичность и особенности культуры.

Этиоинтеграционные процессы в зависимости от того, проистекают ли они внутри социальных организмов или развиваются между этносами, находящимися в нескольких социальных организмах, могут быть разделены на внутригосударственные и межгосударственные. В зависимости от участников этих процессов они делятся на: а) консолидационные, при которых межэтнические отношения строятся на равноправных отношениях; б) симбиозные, когда межэтническое взаимодействие осуществляется через ассоциации зависимых друг от друга этнических групп, сохраняющих при этом свои этнокультурные различия; в) сегрегационные, при которых взаимоотношения этносов строятся на неравноправных отношениях.

Статус этноса в межэтнических коммуникациях и тип его взаимоотношений с другими этносами определяется целым рядом факторов, среди которых наиболее важными являются численность этноса, его миграционная подвижность, наличие необходимых ресурсов для воспроизводства и развития своего языка и культуры. В зависимости от сочетания этих факторов в этнологии все этнические общности принято разделять на этнические меньшинства, коренные народы и титульные народы. Эта типология появилась сравнительно недавно и была вызвана ростом этнического самосознания, национальными движениями и активизацией миграционных процессов, когда каждому отдельному человеку стало важно, к какой из этих трех групп он принадлежит, поскольку все они имеют вполне определенный социальный и

политический смысл.

Титульными народами принято называть этносы, которые имеют свои государственные образования, носящие их имя. Титульные народы еще часто называют коренными, хотя это название неточно. В международной практике к к о р е н н ы м народам относят аборигенов, «ведущих племенной образ жизни». Применительно к этнической картине России коренными называются народы, занимающиеся традиционными видами хозяйственной деятельности.

Особым субъектом межэтнических взаимоотношений в современном мире является национальное (этническое) меньшинство — отдельная этническая общность, проживающая на территории инонационального государства и сохраняющая свою этническую самобытность и специфические традиционные черты культуры, осознающая свои отличия и причисляющая себя к самостоятельной этнической группе. К этническим меньшинствам относят группы населения, которые, во-первых, численно меньше, чем этническое большинство (титульная нация) в государстве; во-вторых, находящиеся в недоминирующем положении; в-третьих, обладающие этнокультурной спецификой и желающие сохранить ее. В качестве этнических меньшинств могут выступать: часть титульной нации, проживающая на территории другого государства (этнические диаспоры); группы, сохраняющие свою этническую идентичность, но разбросанные по многим странам и не имеющие своего государства (цыгане, курды); народы внутренней колонизации, т.е. коренные народы, численно уступавшие приезжему населению (эвенки, чукчи, якуты); этнические группы, обосновавшиеся на постоянное жительство в результате массовой иммиграции (немцы Поволжья).

Взаимоотношения между титульными этносами, коренными народами и этническими меньшинствами носят самый разный характер и определяются политическими, социально-экономическими и историческими целями и интересами. Основным критерием в определении типа и характера этих отношений служит степень реализации права этнической группы на самоопределение (т.е. права народа самому определять свою судьбу). Право на самоопределение, как правило, признается всеми народами и правительствами, однако до настоящего времени четкий механизм и критерии реализации этого права отсутствуют. Поэтому на практике становятся возможными такие формы межэтнических взаимоотношений, как геноцид, апартеид, сегрегация, дискриминация.

Геноцид как форма межэтнических взаимоотношений означает стремление доминирующей этнической общности полностью или частично уничтожить какую-либо этническую, расовую или религиозную группу, с которой она вступает в контакт. При этом в оправдание выдвигается тезис о расовой, этнической или психической неполноценности уничтожаемой группы. Геноцид может существовать в форме массовых репрессий и вести к физическому уничтожению представителей этнического меньшинства; умышленного создания для соответствующей этнической группы таких жизненных условий, которые обрекают ее на полное или частичное вымирание; мер по предот-

вращению деторождения в угнетаемой этнической группе, насильственной передаче детей из одной этнической группы в другую.

Апартеид с точки зрения межэтнических отношений можно определить как форму этнического господства одной расовой группы над какой-либо другой с целью систематического угнетения последней. Специфические признаки апартеида: лишение членов угнетаемой расовой группы права на жизнь и свободу личности; умышленное создание для соответствующей расовой группы жизненных условий, обрекающих ее на вымирание, максимальное ограничение возможностей развития и лишение всех ее членов основных прав и свобод человека, разделение всего населения но расовому признаку путем создания резерваций и гетто; запрещение смешанных браков между членами разных расовых групп; использование принудительного труда членов угнетаемой расовой группы.

Сегрегация означает независимое существование и отражает стремление этнических групп к этнокультурной изоляции. Этот вид этнической коммуникации реализуется через целенаправленную политику самостоятельного развития этносов, инициированную или этническим большинством, или этническим меньшинством населения какого-либо государства.

Под дискриминацией в этнологии понимается любое различие, исключение, ограничение или предпочтение одного человека другим, основывающееся на расовых признаках, цвете кожи, этническом происхождении и имеющее своей целью ограничение прав и свобод человека — представителя какой-либо этнической группы. При этом принимаются особые меры по созданию наиболее благоприятных условий для существования и развития представителей доминирующей группы.

Современные этнические процессы предполагают установление равных возможностей в межэтнических взаимоотношениях и требуют уничтожения неравноправных форм коммуникаций. В связи с этим в 1990-х гг. в рамках новой науки в и к т и м о л о г и и (базирующейся на методах криминологии, социологии и социальной психологии в исследовании жертв преступлений, несчастных случаев и т.д.) были разработаны методики, позволяющие объективно оценить реальное положение этнических меньшинств. На основе данных, свидетельствующих, что представители меньшинств и недоминирующих групп Населения чаще становятся жертвами насилия, была создана модель виктимизационного процесса. Для диагностики этого процесса в ходе исследований групп коренного населения США и Канады ученые составили перечень параметров (индикаторов), позволяющих с высокой степенью надежности судить о неблагополучном положении этих групп (каждый показатель трактовался с учетом его значения для доминирующих групп):

- высокий уровень детской смертности;

— высокая смертность взрослых от несчастных случаев и отравлений (включая суицид и насильственную смерть);

— распространение респираторных инфекционных заболеваний;

— алкоголизм;

— большое число неполных семей, разводов, внебрачных детей, абортов, случаев отказа родителей от воспитания детей;

— низкое качество жилья, скученность;

- чувство зависимости, социальная пассивность;

— высокий уровень преступности, включая подростковую;

— безработица.

Концепция культурного шока. Тины этнокультурного взаимодействия развиваются на уровне этнических групп и общностей. В то время как этнические контакты на индивидуальном уровне имеют свои особенности и развиваются специфически. Представители различных направлений этнологической науки сходятся во мнении, что при устойчивых контактах с ино-

культурной средой у индивида возникает особое состояние сознания, которое в этнологии получило название культурного шока.

Каждая культура создает множество символов социального окружения, вербальных и невербальных способов общения, с помощью которых ее носители свободно и уверенно ориентируются в окружающей жизни. Духовный мир и характер каждого человека зависят от этих явлений культуры, многие из которых им даже не осознаются. Когда же эта система ориентации становится неадекватной в условиях новой культуры, человек испытывает глубокое нервное потрясение — культурный шок. Суть культурного шока заключается в несоответствии или конфликте старых, привычных культурных норм с новыми, непривычными.

Показателями культурного шока, по мнению основоположников этой концепции американских культурантропологов А. Фарнхэма и С. Бохнера, являются чрезмерная забота о питьевой воде, посуде и постели; боязнь физического контакта с представителями другой культуры; чувство беспомощности и желание быть под покровительством представителя собственной культуры; страх быть обманутым или оскорбленным. Культурный шок по сути дела — это защитная реакция психики индивида на чрезмерно большой объем новой информации, справиться с которой человек в течение какого-то времени не в состоянии.

Культурный шок возникает не только и не столько потому, что окружающая человека среда вдруг становится непредсказуемой и возникает опасность для его жизни вследствие неадекватного поведения. Такого рода острые ситуации встречаются исключительно редко. Суть заключается в совершенно необычном ощущении, что можно жить и без привычного знания и понимания мира, что оно не универсально, что окружающие люди живут по своим законам и представлениям, нимало не заботясь о том, как он их при этом понимает и оценивает. Индивид осознает ненужность и бесполезность привычных знаний, чувствует потребность переосмыслить весь свой жизненный опыт.

Взаимодействие с новой культурой оборачивается шоком еще и потому, что может привести к негативной оценке собственной культуры, а также в силу неожиданности. В последние годы многим нашим соотечественникам пришлось испытать на себе воздействие этого шока. Прежде всего это «челноки», студенты, ученые, бизнесмены, туристы, непосредственно столкнувшиеся с инокультурной средой. Однако особенно сильный культурный шок переживают люди, выезжающие за границу на постоянное место жительства. Они, как правило, материально живут там несравненно лучше, чем в России, но испытывают чувство ностальгии, тоски, неполноценности. Поэтому среди мигрантов встречается больше психических заболеваний, чем среди коренных жителей. Были даже установлены связи между группами мигрантов и характером психических расстройств. Например, британцы в Австралии страдают алкоголизмом, а индийцы в Англии — шизофренией.

§ 9.2. Теории этнокультурного взаимодействия

Все современные теории этнического взаимодействия исходят из неизбежного конфликта между традиционным и модернизированным обществом и укладываются в два основных направления: культурное, основанное на противопоставлении традиционной этнической общности модернизированной в сфере духовной культуры; структурное, исследующее конфликт этих обществ в сфере экономики и социально-экономических отношений.

Культурное направление породило концепции аккультурации и мобилизации, структурное — интегрированности и внутреннего колониализма.

Концепция аккультурации была разработана в 1930-х гг. Р. Редфилдом, Р. Линтоном, М. Херсковицем. До сих нор исследования в этой области занимают значительное место в американской культурной антропологии. Под аккультурацией в этнологии понимается процесс, в ходе которого одна этническая группа, вступая в продолжительный и непосредственный контакт с другой группой, отличной от нее в культурном отношении, изменяет свою первоначальную культурную модель. Иногда аккультурация осуществляется в форме взаимного избирательного усвоения элементов культуры обеих взаимодействующих этнических групп. Процесс аккультурации порой сравнивают с физическим процессом осмоса — односторонним проникновением жидкости через мембрану. Авторы концепции считают, что результатом аккультурации является состояние этнической однородности. Культурные различия между этническими общностями в конце концов уравниваются (процесс автоматический, неизбежный и неотвратимый) в соответствии с относительным весом взаимодействующих этнических групп. Диффузия культуры идет от ядра к периферии, от более развитого общества к менее развитому, часто на уровне бессознательного заимствования и подражания, наподобие процесса физического осмоса. На уровне же индивида периферийной этнической общности выбор делается уже сознательно: если предоставить ему выбор между традицией и инновацией, с большей вероятностью он выберет последнее (так считают авторы концепции аккультурации).

Таким образом, если обеспечить широкий диапазон взаимодействия между периферийными и доминирующими общностями, само время будет работать на постепенную интеграцию обеих этнических групп.

Процессы аккультурации в современном мире действительно идут, но нельзя делать упрощенный вывод, что они приведут к культурной интеграции при любых обстоятельствах. В реальных исторических условиях результаты аккультурации во многом определяются конкретными социально-политическими условиями коммуникаций этих народов. В зависимости от того, каковы формы и способы взаимодействия (завоевание, экономическая эксплуатация, мирное и равноправное сотрудничество), результаты аккультурации будут разными.

Концепции мобилизации рассматривают проблемы межэтнических взаимодействий внутри полиэтнических государств, где политика нацелена прежде всего на упрочение этих государств. Большую роль эти концепции придают деятельности центрального правительства по насаждению того, что

часто называется общенациональной политической культурой, — наиболее эффективного средства, обеспечивающего процесс этнической консолидации. Сторонники концепций мобилизации отмечают, что постоянного культурного взаимодействия между этническими общностями для достижения национальной интеграции недостаточно. Поэтому администрация со всем своим аппаратом власти должна склонить инертные, традиционно замкнутые группы к принятию доминирующей культуры. Лучше всего этого можно добиться, обратившись к популярным национальным символам и ценностям, особенно с помощью средств массовой коммуникации. Контроль над ними позволяет режиму стимулировать чувства национальной идентификации, обучать необходимым навыкам, централизовать свою власть, повысить статус некоторых групп за счет других и вообще манипулировать идеологией больших масс благодаря хорошо развитой технике пропаганды.

Но одной пропаганды в СМИ мало, во многих странах все чаще наблюдаются экстремистские выступления сепаратистов, поэтому часть концепций мобилизации обращает внимание на культ харизматического лидера, т.е. национального лидера, наделенного даром зажигать сердца людей, вести их за собой, прививать им чувства политической и этнической общности (теория основана на концепции М. Вебера).

Некоторые концепции мобилизации особую роль отводят совместному участию межэтнической элиты в управлении политикой, экономикой, культурой. Считается, что такое совместное управление вырабатывает у этнических элит взаимоприспособление и взаимопонимание, которое потом просачивается на уровень масс. Эти так называемые функциональные концепции мобилизации подразумевают возможность этнической элиты влиять па рядовых членов своей группы с одинаковой эффективностью, хотя на самом деле результаты этого просачивания весьма различны для каждой этнической общности. Поэтому концепции социальной мобилизации могут описать лишь конкретные варианты этнических процессов и не носят общего характера.

Концепции интегрированности возникают потому, что одними культурными факторами невозможно объяснить течение этнических процессов, особенно в развитых странах, где, казалось бы, имеются все условия и для целенаправленной аккультурации, и для культурной адаптации, осуществляемой путем пропагандистски-информационных методов социальной мобилизации. Тем не менее этнический традиционализм в развитых промышленных странах сохраняется, а этнический сепаратизм даже возрастает. Поэтому ученые все чаще обращают внимание на социально-экономические факторы процессов межэтнической коммуникации.

Популярен тезис о слабой интегрированности выступающих за традиционализм периферийных этнических общностей в национальную социально-экономическую структуру, что и порождает межэтническую напряженность, идеологически прикрываемую возрождаемыми традиционными культурными символами.

Поэтому часть проблем этнической интеграции (Каталония и Андалу-

сия в Испании, Квебек в Канаде, валлоны в Бельгии) сводится к средствам и целям национального развития и к экономической интеграции всего общества: нужно включить этническую общность в государственную систему коммерческих связей (хотя сам по себе процесс перестройки экономики очень мучителен) и после достижения равновесия возникнут условия для культурной интеграции. По сути дела, это разновидность осмотической модели, но в данном случае этническое взаимодействие идет не столько через распространение культурно-духовных элементов, сколько через вовлечение в общую систему распределения материальных благ и услуг.

Но иногда в современных условиях трудно включить периферийные территории в единую экономическую систему, могут появиться новые дискриминируемые районы и населяющие их этнические группы, так что наряду со сближением этнических групп возможно обострение межэтнических отношений. Современные интеграционные процессы и связанное с ними региональное разделение труда стимулируют как центростремительные, так и центробежные тенденции.

Концепции структурной интегрированности применимы к некоторым этническим процессам и ситуациям, но считать их универсальными нельзя. Этнос может быть вполне интегрированным в социально-экономическую систему, но при этом активно участвовать в сепаратистских движениях (шотландцы и уэльсцы в Англии, корсиканцы и бретонцы во Франции).

Концепции внутреннего колониализма отражают еще одну грань современного мира. Если концепции интегрированности более пригодны для развитых индустриальных стран, то в развивающихся странах межэтнические процессы хорошо объясняются концепциями внутреннего колониализма.

Механизм культурной колонизации достаточно прост. О ней можно говорить всякий раз, когда представители другой культуры, в силу разных причин (например, численного технического, военного превосходства) оказавшиеся на чужой территории, начинают активно навязывать свои культурные ценности, нормы и модели поведения.

Следует отметить, что в данном контексте сам термин «колонизация» не несет ни политической, ни оценочной нагрузки, а является просто описанием определенного типа взаимодействия различных этнокультурных систем. Говоря о культурной колонизации, необходимо иметь в виду, что она может осуществляться в различных формах: политической, экономической и др.

«Колониальная ситуация» обычно предполагает господство расово или культурно отличных правящих групп над коренным населением, стоящим на более низком уровне экономического развития. Господство оправдывается расовым, этническим или культурным превосходством, и власть метрополии узаконивается не только военной силой, но также комплексом расовых или культурных стереотипов. Эта ситуация и сегодня существует — не только на заморских территориях, но и в самих метрополиях — на их периферии. Ситуацию поиска «внутренних Америк», как назвал ее Ф. Бродель, можно обнаружить по всему миру.

Доминирующая этническая группа, проживающая в центре, практикует дискриминацию по отношению к культурно отличающимся от нее периферийным группам, что очень напоминает классическую заморскую колониальную ситуацию, воссоздает в прямой или замаскированной форме социально-экономическое неравенство, приводит к межэтнической обособленности, отчуждению, порождает дискриминацию но языку, религии, этнической принадлежности.

Концепция внутреннего колониализма хорошо объясняет многие этнические процессы как в развивающихся, так и в развитых странах. Она лучше учитывает такие скрытые факторы, как исторические традиции, географическая среда, этнопсихологические установки, устойчивые стереотипы в отношениях между этническими общностями и т.д.

Все рассмотренные нами концепции не дают исчерпывающего описания этнических контактов. Совершенно очевидно, что только комплексное рассмотрение каждой конкретной проблемы, анализ всех ее аспектов может привести к положительным результатам.

§ 9.3. Этнические процессы в современном мире

Этническая история человечества характеризуется двумя взаимосвязанными тенденциями, одна из которых имеет интегрирующую, а другая — дифференцирующую направленность. При этом на каждом этапе этнической истории соотношение тенденций и формы их проявления изменяются в соответствии с различного рода детерминирующими факторами.

Действие обеих, тенденций во многом зависит от социально-экономического базиса этнических общностей и поэтому далеко не одинаково в разных этнических средах. В современных условиях особое влияние на ход этнических процессов оказывает научно-технический прогресс, в первую очередь развитие средств массовой коммуникации. Немалая роль принадлежит также политическому фактору, традиционному образу мышления и демографическим изменениям в структуре этносов.

Реальная оценка состояния современной этнической картины мира и определяющих ее развитие факторов позволяет прийти к заключению, что отмеченные выше тенденции специфическим образом проявляются в различных регионах нашей планеты. Вполне закономерно, что наиболее активно этнические процессы идут в развивающихся странах, где процесс формирования этносов еще далек от своего завершения.

Этнические процессы в Латинской Америке. В рамках каждой отдельной страны региона продолжается этническая консолидация основных наций, сопровождающаяся все большим выравниванием антропологического состава, снижением социальной значимости различий в расовой принадлежности и этническом происхождении. В странах Карибского региона незначительное аборигенное население в ближайшие десятилетия утратит в значительной мере свою традиционную культуру, многие индейские языки уже сегодня стали реликтовыми. Однако индейские этнические группировки еще довольно прочно сохраняют индейское самосознание, чему способствуют ре-

зервации.

В Центральной Америке продолжается физическое смешение и социально-культурное сближение разнородных этнических групп. Несмотря на общую тенденцию к усилению аккультурационных процессов и ассимиляции индейского населения, крупнейшие этнические общности Мексики и Гватемалы продолжают сохранять свой этнокультурный облик. В других странах региона растворение негров и индейцев в испаноязычной среде протекает более интенсивно.

В большинстве латиноамериканских государств в настоящее время формируются новые потоки миграций между странами, идет взаимопроникновение культур разных этнических групп, их сближение, уменьшение пока еще очень существенных различий. Все этнические группы интенсивно втягиваются в этот объединительный процесс как на уровне аккультурации, так и на уровне ассимиляции.

То же самое происходит и с обособленными иммигрантскими группами (японцами, немцами и т.д.). Вместе с тем в индейских и иммигрантских этнических группах как реакция на общую ассимиляционную тенденцию наблюдается усиление этноцентризма, с культивацией своего языка, своих особых культурных ценностей.

В целом в Латинской Америке все больше обостряется проблема сохранения этнической самобытности, нарастает противостояние североамериканской культуре, основывающееся на общности исторического прошлого большинства латиноамериканских этносов и развитии общих латиноамериканских культурных черт. С другой стороны, разнообразие аборигенных этнических групп, их культур и этнорасового состава остального населения содействует размежеванию, дифференциации этнических культур.

Этнические процессы в Африке. Состояние этнических процессов на Африканском континенте сегодня можно характеризовать как противоречивое и запутанное. Это определяется исключительной сложностью этнического состава, контрастностью экономических условий стран, очень низким уровнем развития этнообъединительных процессов. Этнологические наблюдения последних десятилетий убеждают, что этнические процессы развиваются в Африке зачастую в противоречивых и даже в противоположных направлениях: с одной стороны, консолидация родственных этнических групп в более крупные этнические общности, с другой — межэтническая интеграция в масштабах отдельных стран, а иногда — и регионов, с третьей — дивергенция этнических территорий, разделенных государственными границами.

В Африке сосуществуют все известные виды этнических общностей: от многомиллионных этносов до небольших (несколько сотен или десятков человек) племен бродячих собирателей и охотников, сохраняющих самые архаические формы социальных отношений. Многие народы находятся на различных ступенях культурного развития, на разных стадиях развития этнических общностей. Это особенно заметно в Тропической Африке. Этносоциальные процессы последних десятилетий стимулировали там бурный процесс формирования этнического сознания, за чем последовало развитие процессов

этнической консолидации (т.е. появление крупных общностей на основе близких по языку и культуре групп населения) и интеграции (сплочение различных по языку и культуре народов данной страны, укрепление их самосознания).

В результате объединительных и разделительных процессов на этнической карте Африки оформляются и укрепляются новые этнические общности. Их утверждению содействуют развитие связей между отдельными этническими группами и формирование нового языка на основе слияния языков взаимодействующих общностей. При этом усиливается культурная общность и распространяется общее название народа, под которым он известен соседям.

Вместе с тем современные социальные и культурные процессы, миграция населения, урбанизация быстро меняют облик этнических общностей и групп, сохраняя лишь некоторые внешние черты, в частности этническое самосознание принадлежности к той или иной группе. Идет активный процесс этнического смешения в центрах межэтнической интеграции, где в районах со смешанным населением встречаются различные культуры и разные народы.

Как мы уже отмечали, процессы этнического развития протекают не изолированно. Они тесно переплетаются с языковыми, расовыми и религиозными отношениями, осложняет их также политическая борьба, построенная нередко по этническому или племенному принципу. Все это определяет и, очевидно, еще долго будет определять ход этнических процессов на континенте, часто обостряя межэтнические отношения.

Этнические процессы в Азии. Практически не меньшей сложностью и противоречивостью характеризуются этнические процессы в многонациональных государствах Азии. Здесь сегодня продолжает интенсивно развиваться процесс консолидации доминирующих этносов и ассимиляции с ними небольших этнических групп и меньшинств как коренного, так и пришлого (иммигрантского) происхождения. Однако этнические процессы этого региона отличаются устойчивым стремлением крупных иммигрантских общностей сохранить свою этническую принадлежность (китайцы, тамилы). Этнические же меньшинства, не относящиеся к иммигрантским и сознательно не идущие по пути ассимиляции, консолидируются и добиваются соответствующей их численности этнической автономии. В этом процессе принимают участие не только однородные этнические общности (белуджи Пакистана), но и объединенные общим межэтническим сознанием весьма разнородные и разноязычные группы.

Кроме того, сегодня наметился процесс формирования этнического самосознания в среде тех этнических групп, где он практически отсутствовал (хиндоязычное население Индии). Все большее распространение языка пилипино и английского, интенсивные внутренние миграции создали благоприятные условия для консолидации большинства этнических групп Филиппин в один этнос. Однако этническая обособленность мусульманских народностей юга Филиппин при этом значительно усиливается.

Даже в такой высокоразвитой стране, как Япония, где японцы составляют 99% населения, можно наблюдать процесс этнической консолидации, который выражается в стирании этнокультурных различий между собственно японцами и рюкюсцами, в ослаблении кастовой сегрегации «японских неприкасаемых». Однако коренное айнское население и иммигранты-корейцы даже при переходе на японский язык сохраняют свою этническую принадлежность и усиливают этнозащитные действия.

В то же время рыночная экономика и индустриализация большинства стран Азии существенно меняют этническую карту Азии. Она становится более однообразной в тех областях, где бурно развиваются процессы модернизации, и сохраняет свое разнообразие на окраинах, труднодоступных и экономически малоперспективных территориях, где и по сей день проживают этнические группы, еще не достигшие в своем развитии уровня народностей.

Этнические процессы в США. Неуклонно растущая мобильность всего американского общества, солидная имущественная и профессиональная база новых иммигрантов, способствующая более быстрому включению в американскую культуру, ускоряют этнические процессы в США, развивающиеся по пути консолидации и ассимиляции. Опережающими темпами, как свидетельствуют наблюдения и исследования, растут этнокультурная роль испаноязычного населения и удельный вес выходцев из Юго-Восточной Азии (и их потомков) в общей демографической структуре населения. В этих процессах наблюдаются противоположные тенденции: 1) повышается престиж этнических ценностей каждой группы; 2) отчетливо сохраняется культурное своеобразие социально ассимилированных групп (китайцев, японцев, армян); 3) при относительно большом количестве межэтнических браков, профессиональном успехе, языковой ассимиляции, устойчиво сохраняется этническое самоназвание. В целом же иммигранты отличаются большей социальной адаптацией при сохранении основных элементов своих этнических культур (как правило, без утраты общеамериканского сознания).

Этнические процессы в Западной Европе. Этнические процессы в странах Западной Европы менее сложны, чем в других частях нашей планеты. Продолжаются процессы внутриэтнической консолидации, выражающиеся в дальнейшем стирании локальных диалектов и этнографических вариантов. Вместе с тем интенсивно развиваются процессы интернационализации каждой этнической культуры, распространяется английский язык как средство международного общения. В странах, где имеются коренные этнические меньшинства, оба процесса дополняются процессом ассимиляции таких меньшинств. При этом этническая ассимиляция в каждой стране идет своим путем, определяясь преимущественно историческим опытом и традициями.

Влияние иммиграционных потоков на этнические процессы здесь также неоднозначно. Иммигранты из европейских стран, как правило, довольно активно ассимилируются с основной этнической средой через принятие гражданства и смешанные браки. Неевропейцы, отличающиеся от местного населения но расовой принадлежности, языковым, культурным и рели-

гиозным признакам, ассимилируются с большим трудом. Однако, несмотря на эти трудности, численность внеевропейских иммигрантских этнических групп растет довольно быстро и перекрывает по этому показателю прирост населения титульных этносов. Тем самым иммигрантские этнические группы становятся устойчивыми этническими меньшинствами соответствующих стран.

Этническая картина мира по-прежнему остается многообразной, несмотря на всю сложность, противоречивость и неоднозначность этнических взаимоотношений. Сохранение человеком своей этнической принадлежности является его родовой потребностью, поскольку помогает ему более четко определить свое место в окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев В.С.. Межгрушювое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989
Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
Кочетов К.К. Психология межкультурных различий. Саратов, 1998.
Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.
Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.
Скоринов С.Л. Основы этнологии. Хабаровск, 1998.
Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997.
Этнические процессы в современном мире. М., 1987.
Этносы и этнические процессы / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993.

Глава 10. ПРИРОДА ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

§ 10.1. Специфика этнических конфликтов и их причины. § 10.2. Динамика и типология этнических конфликтов. § 10.3. Формы и способы регулирования этнических конфликтов

§ 10.1. Специфика этнических конфликтов и их причины

Современное человечество представляет собой довольно сложную этническую систему, включающую в себя несколько тысяч этнических общностей и групп (наций, народностей, племен и т.п.), различающихся численностью, уровнем культурного развития, способами хозяйственной деятельности, типом социально-политических отношений и т.д. Все эти общности и группы в настоящее время объединены в 226 государств. Это значит, что большинство современных государств полиэтнично. Особенно характерна полиэтничность для развивающихся стран. Например, только в Индии проживает несколько сотен этнических общностей разного типа, в Индонезии — более 150, в Нигерии официально проживает приблизительно 200 народов (неофициально более 600), в Кении — более 70 и т.д.

Неоднородность этнической структуры, неравномерность этнических и демографических процессов закономерно порождают различного рода проблемы, противоречия, напряженность, конфликты. Одни из них носят затяжной характер и продолжаются уже несколько десятилетий (ирландцы и англичане в Ольстере, фламандцы и валлоны в Бельгии, англо- и франкоканадцы в Канаде), другие возникли в последние 10—15 лет (бывшие республики

СССР и Югославия, некоторые страны Африки). По данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, во второй половине XX в. в мире произошло несколько сот вооруженных столкновений, из которых более 70% были межэтническими (или просто этническими). Поэтому проблема межэтнических конфликтов в современной этнологической науке является, пожалуй, самым важным и актуальным направлением исследований.

Понятие «межэтническая напряженность». Природа любого социального конфликта, в том числе и этнического, всегда сложна и противоречива, поскольку имеет целый комплекс причин и конфликто-генных факторов, явные и латентные (скрытые) интересы сторон, определенные этапы развития и формы противоборства. Однако всякий этнический конфликт начинается с состояния этнической напряженности, т.е. особого психического состояния .этнической общности, которое формируется в процессе отражения групповым этническим сознанием совокупности неблагоприятных внешних условий, ущемляющих интересы этноса, дестабилизирующих его состояние и затрудняющих его развитие.

Как и всякий живой организм, а этнос является биосоциокультурным образованием, этническая общность либо противится деструктивным действиям, либо ищет формы адаптации, чтобы их ослабить. Поэтому состояние межэтнической напряженности — не только психологический фон конфликта, но и способ мобилизации внутренних психологических ресурсов этноса для защиты своих интересов.

Степень этнической напряженности зависит от структуры и содержания межэтнических коммуникаций, особенностей этнической культуры взаимодействующих общностей и исторического характера отношений между ними. Эти компоненты обретают свое существование в виде представлений, мнений, убеждений по поводу существующей практики межэтнических отношений в государстве; в виде этнокультурных установок, поведенческих моделей, а также в виде отдельных фрагментов исторической памяти этноса, включающей оценочное знание исторических событий в сфере межэтнических отношений.

Очень важна для формирования межэтнической напряженности история межэтнических отношений. Историческая память особенно хорошо помнит национальные обиды и признательности. А митинги на исторические темы очень способствуют переводу социальной напряженности в межэтническую. Всегда удобнее указать на исторического врага, чем разобраться в том, кто виноват в сегодняшнем положении народа и, самое главное, что нужно сделать, чтобы выбраться из него. Прошлое в таком случае начинает восприниматься через призму настоящего.

Этническая напряженность как массовое психическое состояние основана на эмоциональном заражении, психическом внушении и подражании. Социально-психологические процессы в митингующей толпе близки к массовой психологии толпы, где индивид снижает уровень критического отношения к себе и ответственности за свое поведение, идет сдвиг от рациональ-

ного к эмоциональному, осознание общей силы и личной анонимности.

Психологи наблюдают в группе кумулятивный эффект — усиление эмоциональной волны, как правило тревожного или агрессивного содержания. В толпе легко перейти от эмоций к действию — для этого нужен лидер или лидирующая группа. Очень велика вероятность перехода к насилию, что еще более усиливает межэтническую напряженность.

Значительно стимулируют процесс нагнетания межэтнической напряженности слухи, стремительно распространяющиеся в системе неформальных коммуникаций. Слух — это неточное описание реального или вымышленного события, отражающее общие настроения в обществе, этнические установки и стереотипы. Не обращать внимания на слухи опасно, ибо информационный вакуум или искаженная информация в СМИ вызывают новый круг слухов.

Кроме того, межэтническая напряженность, как и социальная, характеризуется таким пограничным психическим состоянием, как массовая невротизация, а на этой основе развивается страх культурной ассимиляции и ощущение необходимости этнической консолидации. Эти состояния отличаются повышенным эмоциональным возбуждением, сопровождаемым различными негативными переживаниями: тревогой, массовой национальной напряженностью, беспокойством, раздражительностью, растерянностью, отчаянием.

Такие состояния расширяют круг раздражителей, вызывающих отрицательные реакции. Так, самые обычные, нейтральные слова становятся агрессивными, люди кажутся менее симпатичными и т.д. Еще резче поляризуются отношения «свои—чужие». Своя этническая группа оценивается более позитивно, а чужие — более негативно; все успехи — это наши внутренние заслуги, все неудачи вызваны внешними обстоятельствами, а главное — кознями внешних врагов, под которыми автоматически понимаются иноэтнические группы.

Напряженность конфликтной ситуации, затрудненность информационного общения и убежденность партнеров во взаимной несовместимости создают условия для формирования у них состояния агрессивности. Хорошо известно, что такое психическое состояние делает человека невосприимчивым к рациональному поведению. Любое действие вызывает резкую ответную реакцию другой стороны и в итоге завершается общим противоборством ее участников. Поэтому под этническим конфликтом понимается социальная ситуация, обусловленная несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства - с другой, выражающаяся в стремлении этнической группы изменить свое положение в отношениях с другими этническими группами и государством.

Межэтническая напряженность и конфликты порождаются не самим фактом существования этносов, а политическими, социально-экономическими и историческими условиями и обстоятельствами, в которых они живут и развиваются. Именно в этих условиях кроются основные причи-

ны возникновения межэтнических конфликтов. Соответственно, в зависимости от причин и целей этнические конфликты можно типологизировать и систематизировать.

Причины этнических конфликтов. В основе любого этнического конфликта, как правило, лежит целая группа причин, среди которых можно выделить главные и второстепенные. Наиболее часто в качестве главных причин выступают территориальные споры, миграции и перемещения, историческая память, стремление к самоопределению, борьба за материальные ресурсы или их перераспределение, претензии на власть национальных элит, конкуренция между этносами в сфере разделения труда и др.

Территориальные споры. Как мы уже отмечали, большинство современных государств являются полиэтничными. Их создание чаще всего сопровождалось затяжными конфликтами и борьбой за территории проживания. В нате время процесс обретения государственности отдельными этносами активно развивается, что неизбежно влечет за собой претензии на территории других этносов или отторжение части территорий других государств. А поскольку все большие этносы давно представляют собой территориально организованные общности людей, то любое посягательство на территорию другого этноса воспринимается как покушение на само его существование.

Этнотерриториальные конфликты предполагают «перекройку» существующего этнополитического пространства. Для ее обоснования привлекаются, как правило, исторические факты, подтверждающие принадлежность той или иной территории определенному этносу в прошлом. При этом каждая из сторон обладает, но их мнению, бесспорными историческими доказательствами, закрепляющими именно их право на владение спорной территорией. Суть проблемы обычно состоит в том, что в результате многочисленных миграций населения, завоеваний и других геополитических процессов территория расселения этноса неоднократно менялась, как менялись границы государств. Эпоха, от которой производится отсчет этнической принадлежности спорной территории, выбирается достаточно произвольно, в зависимости от целей спорящих сторон. Обоюдное углубление в историю не только не приводит к разрешению споров, но, наоборот, делает их более запутанными и субъективными. В силу своей сложности территориальные споры практически неразрешимы, а постановка этих проблем в программах политических движений и отдельных лидеров чаще всего служит главным признаком назревающего этнического конфликта.

Вторая группа этнотерриториальных проблем связана с вопросом создания независимых территориально-государственных образований. Основная часть этносов на земном шаре не имеет собственных независимых национально-государственных образований. По мере демократизации общества и повышения вследствие этого фактического статуса этносов, не имеющих собственных суверенных государств, а также развития их экономики и культуры в их среде нередко возникают движения за создание независимого национального государства. Особенно влиятельным такое движение может быть в том случае, если этнос уже имея на определенном этапе своей истории

государственность и впоследствии утратил ее. Стремления к изменению своего государственного статуса служат одной из наиболее частых причин этнических конфликтов. К такого рода конфликтам можно отнести грузино-абхазский и армяно-азербайджанский.

Проблема территориальных претензий довлеет сегодня практически над всеми бывшими республиками СССР. Однако любые претензии этнических групп, содержащие требования пересмотра существующих границ, очень болезненно воспринимаются титульными этносами и ведут к резкой эскалации межэтнической напряженности. Современная история России является в этом отношении ярким и убедительным примером. Территориальные притязания одних народов и государств к другим, требования передела границ охватывают большую часть еще недавно единой страны, и многие из этих конфликтов имеют длительную предысторию. Так. на протяжении последнего десятилетия XX в. на территории бывшего СССР зафиксировано пять «этнических войн» — длительных вооруженных конфликтов — и около 20 кратковременных вооруженных столкновений, сопровождавшихся жертвами среди мирного населения. Примерная численность убитых в этих конфликтах составляет около 100 тыс. человек (Мукомелъ В.И. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М,, 1997. С. 298).

Борьба за ресурсы и собственность. Экологическая ситуация и наличие природных ресурсов также влияют на межэтнические отношения, провоцируя их обострение. Чаще всего это выражается в борьбе этносов за владение материальными ресурсами, землей, ее недрами. В случае возникновения спора каждая из конфликтующих сторон стремится обосновать свое «естественное» право на использование земли и природных ресурсов. Однако «ресурсные» конфликты имеют тупиковый характер, поскольку дележ собственности и ресурсов приводит к противоречию интересов местных этнических элит с федеральным центром. Стремление к суверенизации и есть форма такого противостояния.

Кроме того, в советскую эпоху во многих регионах резко ухудшилась экологическая ситуация. Тогда в угоду экономической целесообразности разрушалась традиционная система природопользования, в частности землепользования, что изменило образ жизни этносов во многих республиках и регионах. Так, строительство Каракумского канала привело сначала к обмелению крупнейших рек этого региона — Амударьи и Сырдарьи, а затем к фактическому исчезновению Аральского моря. Разработка нефтегазовых месторождений Сибири не только разрушила природную среду обитания народов Крайнего Севера и Сибири, но и привела к значительному сокращению поголовья оленей, превратила оленеводство в убыточную отрасль хозяйства. Все это закономерно стимулировало этноцентробежные тенденции, национальный и региональный сепаратизм, этническую неприязнь к русским.

Стремление к изменению статуса местных элит. Статусные конфликты имеют своей целью изменение политического статуса и объема властных полномочий той или иной экстерриториальной автономии и правящей в ней элиты. Чаще всего этнические конфликты такого рода возникают в переходных обществах, где они представляют собой эффективный способ отвода социального взрыва в русло межэтнической борьбы. Историческая практика убеждает, что в условиях кризисного состояния общества всегда складываются предпосылки для различного рода экономических, социально-политических противостояний и конфликтов, влекущих за собой перераспределение власти и ресурсов. В основе этого тина этнических конфликтов ле-

жат процессы модернизации и интеллектуализации народов. Создание интеллектуальной элиты в этнических общностях приводит к тому, что в престижных видах деятельности возникает конкуренция между титульными и основными этносами. Вследствие представлений о самодостаточности и самостоятельности титульные этносы начинают претендовать на престижные и привилегированные места, в том числе и во власти.

В неустойчивой обстановке переходного периода от тоталитаризма к демократии элитные слои основных этнополитических групп автономий активно стимулируют изменения системы этносоциальной стратификации. Эти изменения несут в себе определенные издержки, так как этнические элиты, формирующие и определяющие интересы своих приверженцев, придают своим узкокорпоративным интересам этническую окраску. Одновременно происходит поиск этносами своего места в новой экономическрй модели общества, что способствует самовыражению и самоутверждению этносов.

Изменение системы разделения труда. Как показывает историческая практика, в большинстве полиэтнических государств система разделения труда между этническими группами складывается естественным образом. А поскольку различные сферы приложении труда дают различные доходы, то между ними возникает негласная конкуренция, пристрастное сопоставление трудового вклада и вознаграждения за него. Когда же существует определенная зависимость между сферами труда и этническими общностями, эта конкуренция переносится и на сами этнические группы, в результате чего возникает напряжение в межэтнических отношениях — первый признак назревающего конфликта.

Кроме того, некоторые постсоветские государства, по существу, остались традиционными обществами, характеризующимися слабым разделением труда, низким уровнем урбанизации, наличием производств с большой долей ручного труда, сильными родственными связями, отношениями личной зависимости, низким доходом на душу населения и традиционными нормами и ценностями в культуре. В силу этих причин представители других этносов, занимающие элитное положение в обществе и работающие в сфере управления экономики и политики, вызывают чувство этнической неприязни и непроизвольно (самими фактами своей квалификации, уровнем образования и доходами) становятся стимуляторами разжигания межэтнической розни. По этой же причине могут возникать конфликты и внутри одного этноса, связанные с борьбой кланов и субэтносов.

Историческая память. Детерминирующим фактором этнических конфликтов может выступать историческая память народов, сохраняющая следы насильственных действий в области национальной политики, таких, как произвольное изменение национальных границ, искусственное расчленение этнических общностей, несправедливое национальное устройство, вынужденное переселение «рабочей силы», депортации народов и т.д.

Современное многообразие этнических конфликтов вызвано не только вышеотмеченными причинами. Этот перечень легко продолжить и углубить, выбрав для анализа определенные аспекты формирования и развития каждо-

го конкретного конфликта. Чтобы понять причины межэтнических конфликтов, необходимо исследовать специфику каждого конкретного конфликта, а также учесть, что конфликтная ситуация может меняться в ходе его эскалации. Особенно очевидно эти черты этнических конфликтов обнаруживаются на постсоветском пространстве.

Причины этнических конфликтов в РФ и странах ближнего зарубежья. Причины этнических конфликтов в бывшем СССР и нынешнем постсоветском пространстве можно свести в несколько групп:

1) социально-экономические — неравенство в уровне жизни, различное представительство в престижных профессиях, социальных слоях или органах власти;

2) культурно-языковые — недостаточное, с точки зрения этнического меньшинства, использование его языка и культуры в общественной жизни;

3) этнодемографические — резкое изменение соотношения численности контактирующих народов вследствие миграции и различий в уровне естественного прироста населения;

4) экологические — ухудшение качества окружающей среды и природных ресурсов в результате их загрязнения либо истощения вследствие использования представителями иной этнической группы или государством, ассоциирующимся с другим народом;

5) этнотерриториальные — несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов;

6) исторические — прошлые взаимоотношения народов (войны, былое отношение господства-подчинения и т.д.);

7) конфессиональные — принадлежность к различным религиям и конфессиям, а также различия в уровне современной религиозности населения;

8) культурные — от особенностей бытового поведения до специфики политической культуры.

Многие причины современных этнических конфликтов были заложены еще в советские времена. Так, совпадение структуры властных отношений с национально-административным делением, предполагающим иерархию этнических «большинств» и «меньшинств», привело к отождествлению центральной власти с властью русских, республиканской власти — с властью коренной или титульной национальности. Это сместило негативные отношения в межэтническую сферу еще при советской власти, хотя тогда они были спрятаны довольно глубоко. Жесткая экономическая, политическая и социальная зависимость меньшинств породила у них чувство несправедливости, неполноценности и недоверия к большинству, привела к нарушению естественного хода развития межэтнических отношений: вместо интеграции — внутринациональная консолидация. Уже с 1970-х гг. повысилась значимость этнической принадлежности, что должно было насторожить властные структуры, но этого не произошло. Официальные власти продолжали говорить о формировании новой исторической общности людей — советского, народа, о дружбе народов и т.д.

С другой стороны, в системе функционирования каждой здоровой этнической культуры заложены важнейшие механизмы сохранения этнической общности и центральной зоны ее культуры — воспитание у ее представителей не только уважения к иным культурным ценностям, но в первую очередь чувства предпочтения родовых этнокультурных ценностей. В СССР же целые поколения отчуждались от этих ценностей. В 1930-е гг. прошли массовые процессы над «буржуазными националистами», затем — выселение целых народов, позднее — многочисленные ошибки в национальной политике, основанной на идее, что этнические различия в конечном итоге отомрут и чем быстрее это произойдет, тем лучше. Все это обернулось этническим обеднением не только отдельных людей, но и целых народов.

Очень важной ступенью в формировании современной ситуации межэтнической напряженности и открытых конфликтов стало долгое культивирование нашим обществом в своих гражданах особого стиля поведения, основанного на борьбе, а не на поиске компромисса, что привело к формированию личностей с агрессивной направленностью, реализовавших себя в межэтнических конфликтах. Это касается прежде всего советской национальной интеллигенции, представленной одним-двумя поколениями, из которых вырастили культурных маргиналов. Они сознательно отчуждались обществом от собственных культурных корней (язык, искусство, традиционная сфера) и приобщались к так называемой социалистической культуре, не имевшей собственного нравственного наполнения. Десятилетиями в нашей стране насаждался идеологический монологизм. Но ведь реальная культура — это всегда диалог. У этих людей особенно болезненно развивается этническое сознание — на фоне чувства тревожности и агрессии. Они стремятся к национальному возрождению и к поискам виноватых в собственном национальном неблагополучии, в кризисе самоидентификации.

Таким образом, СССР сам создал условия для развития межэтнической напряженности, дал лидеров для этих процессов, сигналом к началу которых стал распад СССР.

Создать ситуацию межэтнической напряженности несложно, а вот выйти из нее — большая проблема, требующая длительных государственных усилий и больших денежных вливаний.

Так же легко совершить ошибку в межэтническом общении на индивидуальном уровне. Есть несколько правил, следование которым поможет избежать недопониманий и напряженности.

- Знать символику и культуру своего собственного этноса.
- Знать коммуникативную символику чужого народа (познакомиться с ней заранее).
- Понять, что все культуры равноценны.
- Вести себя естественно, информировать партнера о своих интересах, ценностях, обычаях, если об этом спросят.
- Искренне интересоваться культурой, ценностями, стереотипами других народов.
- Постараться увидеть мир чужими глазами, при сохранении своей

этнической идентичности.

Общаясь с представителями других народов, нужно исходить из аксиомы, что ваши культуры равноценны, культура не может быть лучше или хуже, каждая из них уникальна. Не следует считать, что все люди должны смотреть на мир так же, как вы. Во избежание грубых ошибок заранее узнайте стереотипы, важные для вашего собеседника. А если вы приехали к своему партнеру на его родину, ведите себя так, как принято в его культуре. Нужно действовать по принципу: в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

§ 10.2. Динамика и типология этнических конфликтов

Последние два десятилетия XX в. стали новым этапом в этническом развитии человечества. Этнонационализм, сдерживаемый ранее силой тоталитарных режимов, получил свободу в период перестройки и гласности в виде феномена «этнического взрыва», который положил начало развитию целого ряда государств. Тоталитарные режимы не могли решить этнических проблем по причине того, что сама основа режима не терпит разнообразия, а унификация достигается депортацией народов или политикой геноцида и этноцида.

Поэтому переход от тоталитарного режима к демократической системе чаще всего сопровождается обострением межэтнических отношений, а в некоторых странах приводит к конфликтам. Несмотря на то что характер межэтнических отношений в каждом отдельном обществе имеет свою специфику и детерминирован особенностями развития и взаимодействия конкретных этносов данного общества, практически во всех этнических конфликтах можно Любой этнический конфликт имеет стадиальную динамику выделить общие для всех фазы созревания и развития.

Стадии этнического конфликта. развития (поэтапное возрастание степени напряженности), которая выглядит следующим образом.

1. В период зарождения конфликтной ситуации выдвигаются требования повышения роли языка коренного населения региона, национальные движения обращаются к традициям, обычаям, народной культуре, к этнонациональной символике, которые в своей совокупности противопоставляются аналогичным явлениям «чуждой» культуры. Эту стадию можно назвать ценностно-символической.

2. Далее созревание конфликтной ситуации характеризуется стремлением перераспределить властные полномочия в пользу одной этнической группы за счет других групп, изменить этническую иерархию, повысить этнический статус коренных жителей и т.п. На этой статусной стадии конфликта этничность находит свое выражение в форме этнонациональных интересов и становится для местной элиты инструментом давления на центральную власть с целью реорганизации этнополитического пространства в свою пользу.

3. И наконец, конфликт развивается до стадии выдвижения либо территориальных притязаний в рамках данного этнологического государства, либо притязаний на создание новой этнонациональной государственности,

т.е. изменения территориальных границ существующего политического пространства. На этой стадии этническая группа может прибегнуть к силовым действиям, чтобы силой оружия подкрепить свои притязания.

Каждая из отмеченных стадий характеризуется соответствующим состоянием, типами и формами практических взаимоотношений этносов. Так, для первой стадии основным становится состояние межэтнического отчуждения, что проявляется в стремлении к этнически однородным бракам, к моноэтническому общению, к минимизации контактов с иноэтнической средой, за исключением неизбежных — профессиональных или бытовых. Иными словами, речь идет об увеличении социокультурной дистанции. Отчуждение при этом усиливается культурными различиями этносов, их несхожими стереотипами поведения.

По мере развития конфликтной ситуации состояние отчуждения перерастает в этническую неприязнь, при которой недостатки, просчеты, ошибки в культуре, экономике, политике экстраполируются на соответствующую этническую общность. Состояние неприязни при соответствующих условиях и обстоятельствах довольно быстро перерастает в насильственные действия, которые в обыденном сознании чаще всего и расцениваются как собственно конфликт. В этом случае этнический конфликт становится формой политического действия и средством достижения политических целей. В то же время любой этнический конфликт представляет собой одну из разновидностей социальных конфликтов наряду с религиозными, расовыми, межгосударственными. Вообще, под этническим конфликтом понимают динамично меняющуюся ситуацию, порожденную неприятием ранее сложившегося статус-кво существенной частью представителей одной (нескольких) из местных этнических групп, поэтому об этническом конфликте как реальном явлении можно говорить тогда, когда организационно оформляется и приобретает определенное влияние национальное движение или партия, ставящие своей целью обеспечение национальных интересов определенного народа и для достижения этой цели стремящиеся изменить прежде бывшее терпимым либо привычным положение в культурно-языковой, социально-экономической или политической сферах жизни. Этнический конфликт — всегда явление политическое, ибо даже если инициаторы перемен стремятся к изменениям ситуации только в культурно-языковой или социально-экономической области, достичь своих целей они могут лишь путем обретения определенных властных полномочий.

Классификация этнических конфликтов. Существует несколько типов классификаций этнических конфликтов. Так, по форме проявления принято различать латентные (скрытые) и актуализированные (открытые) конфликты. Латентные конфликты могут длиться десятилетиями и более и в определенных общественных условиях перерасти в открытые. Они, как правило, не создают угрозы для жизнедеятельности людей, и именно в этой форме конфликты лучше всего разрешать.

Кроме того, межэтнические конфликты можно классифицировать по характеру действий конфликтующих сторон (насильственные или ненасиль-

ственные). В свою очередь, насильственные конфликты проявляются в форме: региональных войн, т.е. вооруженных столкновений с участием регулярных войск и использованием тяжелых вооружений, и кратковременных вооруженных столкновений, продолжающихся несколько дней и сопровождающихся жертвами. Такие столкновения часто называют конфликтами-бунтами, конфликтами-погромами.

Другие конфликты по форме проявления можно отнести к невооруженным. Среди них выделяются институциональные формы (когда в противоречие приходят нормы конституций, законодательства, реализующие интересы конфликтующих сторон) и митинги, демонстрации, голодовки, акции гражданского неповиновения.

Каждая из указанных форм отличается «действующими лицами», или основными субъектами конфликта. При институциональной форме главными действующими лицами являются властные структуры, политические партии и объединения, общественные движения, реализующие свои требования через институты власти.

При манифестизирующей форме субъектом выступают уже значительные массы людей, поэтому ее называют еще конфликтом «массовых действий». Само по себе понятие «массовые действия» относительно, но в зонах конфликтов всегда можно четко разделить действия отдельных групп и массовые выступления.

Если все формы ненасильственных конфликтов приводят к психологическому напряжению, фрустрации (чувство безысходности) в этнических группах, то насильственные конфликты сопровождаются жертвами, потоками беженцев, принудительными депортациями, вынужденными переселениями.

Другой тин классификации конфликтов — по основным целям, выдвигаемым конфликтующими сторонами. В таком случае выделяются статусные, этнотерриториальные и культурно-языковые конфликты. Статусные этнические конфликты возникают в результате стремления этнической общности повысить свое положение (статус) в федеральной системе. По своей сути конфликт этого типа сводится к борьбе этнических групп за конфедеративную форму устройства государства. К этому же типу конфликтов можно отнести и этнические движения за создание своих национальных образований. В первом случае примером такого рода этнического конфликта было стремление Татарстана подняться до уровня союзных республик, а во втором — движение ингушей за создание собственного национально-государственного образования, т.е. своей республики.

Такие конфликты возможно разрешить путем компромисса за счет изменения системы государственного устройства, перераспределив властные полномочия от центрального правительства к органам управления этнотерриториальными автономиями при сохранении исходного полиэтнического общества в трансформированном виде.

Этнотерриториальные этнические конфликты предполагают притязания и споры этнической группы за право проживать на той или иной терри-

тории, владеть или управлять ею. При этом оспаривается право другого этноса проживать на спорной территории. Современные этнотерриториальные конфликты, как правило, являются следствием этнических репрессий и возникают в ходе реабилитационного процесса. Другие конфликты этнотерриториального типа возникают в ходе восстановления территориальной автономии (немцы Поволжья, крымские татары) или правовой, социальной, культурной реабилитации этноса (греки, корейцы и др.).

Также в эту группу конфликтов входит стремление некоторых этносов воссоединиться с соседним «материнским» или «родственным» государством (косовские албанцы). Такие конфликты самые трудные для разрешения, так как компромисс здесь обычно невозможен, противостояние может быть подавлено либо силой, либо эмиграцией (депортацией) конфликтогенного меньшинства.

К этой же группе относятся социально-экономические конфликты, возникающие на основе требования у представителей разных этносов выравнивания уровня жизни, представительства в элите либо прекращения льгот, субсидий и экономической помощи другим народам.

Эти конфликты возможно привести к компромиссному варианту за счет перераспределения власти и экономических ресурсов при сохранении исходной структуры общества.

Культурно-языковые конфликты возникают на основе требований разрешить и оказать содействие усилиям по сохранению или возрождению языка и культуры этнического меньшинства в частной или общественной жизни. Здесь также возможен компромисс за счет изменения культурно-языковой политики при сохранении исходного общества либо признания территориальной автономии этнических меньшинств.

Типологизация на основе содержания конфликтов, целевых устремлений конфликтующих сторон в настоящее время является самой актуальной и распространенной. В рамках данной типологизации оказываются конфликты с самым широким диапазоном целей: от этнополитических до этнотерриториальных.

Анализ этнических конфликтов разного типа и форм их проявления в границах постсоветского пространства послужил основанием для создания еще одной типологии. Э.А. Паин и А.А. Попов предложили этнические конфликты разделить на три категории; конфликты стереотипов; конфликты идей; конфликты действий.

Первая категория подразумевает такой характер конфликта, когда конфликтующие этнические группы еще четко не осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы». С этого начинался армяно-азербайджанский конфликт.

Для второй категории характерно выдвижение тех или иных притязаний. В этом случае в средствах массовой информации, в литературе и других средствах коммуникации начинается обоснование «исторического права» на самостоятельную государственность или на территорию другой этнической

группы.

Третья категория — конфликт действий — означает проведение митингов, демонстраций, пикетов, открытых столкновений со своими оппонентами и органами власти.

Данная типология, как и все другие, носит достаточно условный характер, поскольку любой этнический конфликт соединяет в себе несколько причин, целей и форм. Поэтому для его точной оценки следует установить не только основные причины, но и все многообразие составляющих его факторов.

Возможна также классификация этнических конфликтов по особенностям противостоящих сторон. В таком случае выделяются конфликты между этнической группой и государством (Абхазия и Нагорный Карабах до создания самопровозглашенных государств) и конфликты между этническими группами (погромы турок-месхетшщев в Фергане, конфликт между киргизами и узбеками в Ошской области).

Свою классификацию предложил известный этнолог Д. Горовитц. Она основана на специфике соотношения относительных уровней экономического развития и социальной модернизированности сепаратистских регионов и этнических групп в сравнении со средним для государства в целом и для доминирующего большинства его населения в частности. Возможно четыре варианта конфликтов: 1) сепаратизм отсталой этнической группы в отсталом регионе страны; 2) сепаратизм отсталой этнической группы в развитом регионе страны; 3) сепаратизм развитой этнической группы в отсталом регионе; 4) сепаратизм развитой этнической группы в развитом регионе страны.

§ 10.3. Формы и способы регулирования этнических конфликтов

Этнические конфликты, сформировавшиеся на постсоветском геополитическом пространстве, не представляют собой каких-то уникальных явлений. Все они имеют аналоги и в истории, и в современном мире, что позволяет прогнозировать их развитие и использовать наиболее эффективные способы разрешения.

Способы регулирования этнических конфликтов. Любой этнический конфликт обусловлен существованием той или иной формы неравенства этносов. Поэтому урегулирование этнических конфликтов требует нахождения нового, компромиссного и приемлемого для всех конфликтующих сторон, баланса взаимно удовлетворяющих их интересов. Для достижения этого баланса необходимо выполнение трех обязательных условий.

Во-первых, каждая из сторон конфликта должна признать наличие конфликтной ситуации. Тем самым за каждым оппонентом признается право на существование, но это совсем не означает признания справедливости их требований и притязаний. Урегулирование конфликта невозможно и бесполезно, если одна из сторон заявляет, что ее оппонент не имеет права на существование, а его позиция лишена всяких оснований.

Во-вторых, обязательным условием в урегулировании конфликта является степень организованности сторон: чем лучше они организованы, тем

легче достигнуть договоренности и добиться исполнения условий договора. И, напротив, диффузный характер интересов, их расплывчатость существенно затрудняют разрешение конфликтной ситуации.

В-третьих, конфликтующие стороны должны принять твердо установленные правила игры, при соблюдении которых только и возможен переговорный процесс. Эти правила должны предоставить равные возможности каждой из сторон, т.е. обеспечить некоторый баланс в их взаимоотношениях.

Последняя предпосылка урегулирования фактически во всех действующих конфликтах этнического характера отсутствует, ибо сторона, стремящаяся к отделению (сецессии), уже заранее оказывается в неравном положении относительно стороны, представляющей уже существующее государство. Исходное равенство возможностей может существовать в политических или экономических конфликтах, ибо конфликтующие стороны в нем в известном смысле равно-положены.

Хотя в развитии этнических конфликтов происходит много сходных, однотипных процессов, в каждом из них участвуют люди со своими представлениями, убеждениями, страстями, стереотипами поведения. Атмосфера сильного напряжения приводит к тому, что поведение людей часто не поддается логическому анализу, не основывается на здравом смысле. Поэтому вероятность найти решение конфликтной проблемы, которое в полной мере удовлетворило бы конфликтующие стороны, очень мала. В лучшем случае стороны принимают компромиссное решение, которое, не разрешая конфликт по существу, окончательно, переводит его в латентное состояние. При этом нет никаких гарантий, что следующие поколения конфликтующих этнических общностей будут удовлетворены подобным решением и не возобновят открытый конфликт.

В данном случае речь идет не об урегулировании, а о нейтрализации конфликта. Это надежный перевод этнического конфликта в рамки легальной политической борьбы между соответствующими партиями и движениями при гарантированной невозможности насильственных действий любой из сторон, а также при наличии обоснованных расчетов, что этносепаратисты не смогут набрать решающего большинства в свою поддержку на выборах органов государственной власти.

Такой вариант решения проблемы встречается часто. Одновременно спецслужбы проводят работу по дискредитации и дезорганизации деятельности наиболее радикальных лидеров и организаций на фоне поощрения и содействия акциям и пропаганде более умеренных, не склонных к насилию деятелей, выступающих от имени той же этнической группы.

Особо сложным является регулирование и разрешение этнотерриториальных конфликтов. Современная политическая карта мира сформировалась в результате сложных геополитических процессов, в том числе двух мировых войн, и в современном политическом устройстве сохраняется много несправедливых явлений. Однако трудно себе представить судьбу нашей планеты, если актуализируются все те конфликты, которые сейчас находятся в латентном состоянии. И самое главное, нет никакой гарантии, что в резуль-

тате «справедливых» решений все конфликтные ситуации будут устранены: ведь у каждой из конфликтующих сторон свое представление о справедливости.

Также возможно «естественное» развитие и последующее затухание этнических конфликтов. Это реальный и часто встречающийся исход. В данном случае, в ходе постоянной эскалации этнического конфликта и перерастания в форму насильственного противостояния сторон, он проходит все стадии развития и заканчивается разрушением прежде единого полиэтнического общества, в котором он возник. Это уже не урегулирование конфликта, так как этнический конфликт внутри полиэтнического государства превращается в межгосударственный конфликт между вновь образовавшимися государствами.

Обычно этот вариант разрешения проблемы протекает по двум сценариям: меняется территория за счет проведения новых государственных границ, разделяющих конфликтующие стороны, или меняется этнический состав населения за счет депортации враждебных групп. В реальности чаще всего встречается сочетание обоих сценариев (Босния и Герцеговина, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и т.д.).

Очень редко происходит саморассасывание конфликта, т.е. отмирание его без каких-либо существенных изменений. Одним из немногих подобных примеров является отказ лужицких сербов в Германии начала XIX в. от активного национального движения в пользу культурного.

Таким образом, из четырех вариантов разрешения этнических конфликтов наиболее труден и оптимален путь реального решения проблем и достижения компромисса; наименее вероятен вариант саморассасывания конфликта; наиболее катастрофично «естественное» развитие событий. Очевидно, что практически приемлемым является способ нейтрализации конфликтов.

Практика нейтрализации этнических конфликтов показывает, что все способы их урегулирования можно объединить в три группы. Первая предполагает полную победу одной стороны над другой (решение конфликтной ситуации с позиции силы). Именно на такой результат чаще всего ориентируются стороны на ранних этапах конфликта. Однако, как показывает история этнических конфликтов XX в., большинство из них неразрешимы путем силовой победы одной стороны над другой и могут консервироваться на многие десятилетия, переводя конфликт в латентное состояние. У побежденной стороны, как правило, остается чувство национальной обиды, горечь поражения, которые передаются из поколения в поколение, и через значительный промежуток времени такой конфликт грозит обостриться с новой силой.

Ко второй группе относится взаимное поражение конфликтующих сторон. Чаще всего это происходит, когда обе стороны истощили свои силы в борьбе, но ни одна из них не смогла одержать заметной победы над другой. В таком случае стороны вынуждены обращаться к посредникам, искать компромиссное решение, которое, как правило, ни одну из сторон не удовлетворяет. Если удается урегулировать конфликт таким способом, то он практиче-

ски переходит в латентное состояние, при котором стороны продолжают рассматривать друг друга как противников, т.е. последующая актуализация конфликта весьма вероятна.

Третий способ разрешения конфликта может заканчиваться взаимным выигрышем сторон в виде достижения позитивного согласия но основным вопросам и установления конструктивного взаимодействия. Такой исход конфликта чаще всего обязан наличию у обеих сторон политической воли к позитивному разрешению конфликта. Независимые посредники могут показать конфликтующим сторонам возможность их дальнейшего сотрудничества для разрешения стоящих перед ними общих проблем. Такая форма урегулирования является вполне реалистичной, поскольку придает конфликту не разрушительное, а созидательное содержание. Конфликт перейдет в латентное состояние на продолжительное время.

Специфика регулирования конфликтов на разных стадиях развития.

Как мы отмечали, этнический конфликт состоит из этапов (фаз) созревания, для каждого из которых характерны свои приемы и способы урегулирования. Согласно данным современной этнической конфликтологии, любой межэтнический конфликт проходит по крайней мере четыре фазы (периода) в своем развитии: латентную, проявление конфликта, активное течение конфликта, последствия конфликта.

В латентный период для предотвращения конфликта прежде всего следует:

— добиться практической реализации принципа гражданского равноправия;

— в новых национально-государственных образованиях — начинать свою деятельность с нулевого варианта гражданства, т.е. все люди, живущие на территории государства, должны иметь возможность получить гражданство;

— проводить политику социально-экономического выравнивания условий жизни всех этнических групп, а особенно подвергавшихся ранее дискриминации;

— реализовать принципы федерализма равным образом для всех этнических групп.

Перерастание конфликта во вторую фазу можно определить по целому ряду признаков: усиление взаимных обвинений в злонамеренности; появление сообщений о зверствах, чинимых какой-либо этнической группой; требования чрезвычайных мер для защиты угнетаемых этнических групп или этнических меньшинств; начало этнической миграции. Для снятия этнической напряженности в этот период необходимо:

— создать этнически нейтральные подразделения полиции и армии с определением их четких функций и полномочий в конфликтных действиях;

— организовать подачу и изложение точной и непредвзятой информации о конфликте во всех средствах массовой информации;

— осуществлять особый контроль за сохранностью и движением ору-

жия;

— максимально строго преследовать но закону организаторов уличных беспорядков с неукоснительным и точным исполнением приговоров.

В период активного течения конфликта главная задача сводится к максимально быстрому прекращению военных действий, для чего необходимо принять следующие меры:

— удалить из зоны конфликта, арестовать или временно задержать сторонников экстремистских методов решения конфликта;

— предотвратить раскол по этническому признаку в государственных и силовых структурах, обеспечивающих общественный порядок;

— ввести особый контроль за средствами связи и объективностью средств массовой информации;

— создать механизм прекращения боевых действий и начала переговорного процесса;

— провести комплекс мер по обеспечению минимального количества человеческих жертв и материального ущерба (отвод вооруженных формирований, создание нейтральных зон, организация безопасных населенных пунктов и городов);

— предотвратить мародерство и военные преступления. Наконец, четвертая фаза развития конфликта («последствия

конфликта») предусматривает устранение последствий конфликтных действий и примирение конфликтующих сторон. В соответствии с этими задачами необходимо:

— провести общую оценку последствий конфликта и объявить программу (план) воссоздания единства гражданского общества на условиях национального примирения;

— придать восстановительному процессу этнически нейтральный характер (освобождение заложников, возврат беженцев, ответственность за присвоение чужой собственности, организация медицинского обслуживания);

— не допустить героизации террористов и экстремистов во избежание превращения их в политических лидеров;

— начать общественный диалог со всеми этническими группами для реформирования общества;

— отказаться от драматизации конфликта и не допустить его фиксации в «исторической памяти» этноса, чтобы последующие поколения не могли возродить «дух конфликта».

Кроме того, все перечисленные способы и методы на каждом этапе развития конфликта могут быть дополнены методами его ослабления и торможения. К таким методам можно отнести деконсолидацию конфликтующих сторон, означающую отделение с помощью специальных мер наиболее радикальных элементов или групп от других, более склонных к компромиссам и переговорам.

Как показывает практика, эффективно действуют на ослабление и торможение конфликта разного рода санкции (от символических до военных)

по отношению к конфликтующим сторонам: прекращение поставок вооружения и боеприпасов, горюче-смазочных материалов, разрыв торговых и экономических отношений. Военные санкции (вооруженное вмешательство) считаются допустимыми, если включают в себя массовые нарушения нрав человека.

Также весьма эффективно зарекомендовал себя метод краткого прерывания конфликта путем объявления прекращения боевых действий или моратория на них. В результате быстро меняется общий эмоциональный фон конфликта, снижается накал страстей, идут на спад психозы, ослабевает консолидированность в конфликтующих группах.

Регулирование и прекращение межэтнических конфликтов — жизненно важная необходимость существования любого полиэтнического сообщества. Конфликтные межэтнические отношения, характер и тенденции их развития всегда негативно влияют на социально-экономические, культурные и политические процессы. Они не просто задерживают и нарушают ход общественного развития, но и способны изменить всю его ориентацию, породить новые негативные тенденции, т.е. они закладывают основу для будущих конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

Доронченков А.И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики. СПб., 1995.

Дробижева Л.М. Этнополитические конфликты. Причины и типология // Россия сегодня: трудные поиски свободы, М., 1993.

Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.

Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998.

Мукомелъ В.И. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

Стрелецкий R.Н. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.. 1997.

Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

А

АБОРИГЕНЫ— коренные обитатели той или иной территории или страны, живущие здесь «изначально»; то же, что «автохтоны».

АВСТРАЛОПИТЕК - ископаемая человекообразная обезьяна, близкая к предковой форме человека; его останки найдены в Южной, Восточной и Центральной Африке.

АВТОНОМИЗАЦИЯ - становление самобытности, уникальности этноса.

АВТОНОМИЯ — в этнических отношениях понимается как право самостоятельного управления жизненно важными проблемами своего этноса в соответствии с конституцией данного государства.

АВТОСТЕРЕОТИПЫ - устойчивые представления этноса о своих качествах.

АДАПТАЦИЯ (этническая) — приспособление этнических групп к природной и социальной среде районов их обитания.

АДАПТАЦИЯ — приспособление строения и функций организмов к условиям существования.

АККУЛЬТУРАЦИЯ- процесс приобретения одним народом тех или иных форм культуры другого народа, происходящий в результате общения.

АКМАТИЧЕСКАЯ ФАЗА - по Л. Гумилеву, вторая фаза энтогенеза, в которой пассионарное напряжение достигает максимума; период гражданских войн и смут.

АЛЬТРУИЗМ-бескорыстная забота о благе других, готовность пожертвовать своими личными интересами для других.

АНИМИЗМ - вера в духовные существа, души и духов, одна из первичных форм религии.

АНТРОПОГЕНЕЗ- раздел антропологии, изучающий происхождение человека.

АНТРОПОЛОГИЯ- биологическая наука о происхождении и эволюции физической организации человека и его рас. Иногда понимается как совокупность наук о человеке, включая этнографию, культурную и социальную антропологию.

АПАРТЕИД- принцип раздельного проживания представителей различных этнорасовых групп.

АРЕАЛ-область распространения на земной поверхности какого-либо явления, видов животных, растений, полезных ископаемых и т.п.

АРХЕТИП- неосознаваемая базовая схема представлений, общая ДЛЯ всех людей, независимо от их этнической принадлежности, языка, культурных традиций и т.д.

АССИМИЛЯЦИЯ - тип этнических процессов, представляющий собой взаимодействие двух этносов, в результате которого один из них поглощается другим и утрачивает этническую идентичность. Может проходить как естественным, так и насильственным путем.

Б

БИКУЛЬТУРАЛИЗМ - своеобразный сплав культур различных этносов, возникающий, как правило в результате аккультурации, при котором между разнородными этническими элементами устанавливается своеобразное разделение сфер влияния.

БИЛИНГВИЗМ — функционирование двух языков для обслуживания нужд этнического коллектива и его отдельных членов; отличается от простого знания еще одного языка наравне с родным и предполагает возможность пользоваться разными языками в различных жизненных ситуациях.

БИХЕВИОРИЗМ - одно из направлений американской психологии начала XX в., считающее предметом психологии поведение, под которым понимаются чисто физиологические реакции на стимулы. -

БРАХИКЕФАЛИЯ- короткоголовость.

БРАХИКЕФАЛЫ— люди, у которых отношение ширины головы к ее длине в процентах («головной указатель») превышает 80.

Г

ГЕНЕЗИС - происхождение, возникновение; процесс образования и становления развивающегося явления.

ГЕНОЦИД — истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам.

ГЕРОНТОЛОГИЯ (национальная) - отрасль научного знания о продолжительности жизни и старении живых организмов применительно к развитию наций и национальных взаимоотношений.

ГЕРМЕНЕВТИКА — учение о принципах интерцретаци культурных текстов, среди которых могут быть не только письменные источники, но и любые предметы и явления культуры.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ - неоднородность по составу.

ГЕ'ГГО - первоначально часть города, отведенная для поселения евреев; обозначение района города, в котором селятся определенные этнические меньшинства, нередко дискриминируемые или испытывающие

социальный дискомфорт в иноэтниче-ском окружении.

ГОМЕОСТАЗ (этнический) — этнос, находящийся в равновесии с природой.

ГОМОГЕННОСТЬ – однородность по составу.

Д

ДЕМОГРАФИЯ-паука о народонаселении, закономерностях его развития, структуре и распределении на определенных территориях.

ДЕПОРТАЦИЯ - насильственное переселение групп населения или даже целых народов с их этнической родины или территории длительного проживаршя.

ДЕСЕГРЕГАЦИЯ — отмена, устранение сегрегации, отказ от политики деления населения по расовому признаку.

ДЕЭТНИЗАЦИЯ — процесс потери народом или его отдельными представителями своих этнических черт; начинается с потери родного языка, затем — национального самосознания и этнической идентификации.

ДИАСПОРА — пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны своего происхождения.

ДИАХРОНИЯ - эволюция, смена состояний во времени.

ДИСКРИМИНАЦИЯ - ограничение или лишение прав определенной категории граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола, по религиозным и политическим убеждениям и т.д.

ДИФФУЗИОНИЗМ — направление в этнологии, изучающее пространственные характеристики культуры и заимствование культурных элементов.

ДОЛИХОКЕФАЛИЯ - длишюголовость.

ДОЛИХОКЕФАЛЫ— люди, у которых отношение ширины головы к ее длине в процентах («головной указатель») менее 75,9.

Е

ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ — идеологическая концепция, согласно которой ведущую роль в развитии современной цивилизации и культуры сыграла Европа.

И

ИДЕНТИФИКАЦИЯ — отождествление, перенесение личностных качеств другого человека на себя, стремление выработать в себе те качества, которыми обладает выбранный образец.

ИММИГРАНТ— иностранец, прибывший в какую-либо страну на постоянное жительство.

ИММИГРАЦИЯ — составная часть миграции населения, характеризующаяся въездом в данную страну.

ИНДЕАНИЗМ - течение, утверждающее превосходство индейской расы и право жить на индейской земле только чистокровных индейцев.

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ- процесс вхождения человека в культуру, овладение этнокультурным опытом.

ИНТЕГРАЦИЯ — в межкультурном взаимодействии: сохранение разными группами присущих им культурных индивидуальностей при объединении их в одно общество на иных основаниях.

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ- подход к определению этноса и этничности, интересующийся не объективной основой существования этноса, а лишь его ролью в культуре.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА -важнейший компонент духовной культуры этноса, позволяющий поддерживать непрерывность этнической эволюции, преемственность культуры этноса и передавать ее последующим поколениям.

К

КАСТА - замкнутая группа людей, у которых сложились специфические традиции, нормы, поведение и стиль жизни.

КОЛОНИАЛИЗМ— политическое, экономическое и духовное порабощение стран, как правило менее развитых в социально-экономическом отношении.

КОМПЛИМЕНТАРНОСТЬ - взаимная симпатия (антипатия) индиви-

дов, определяющая деление на «своих» и «чужих».

КОНВЕРГЕНЦИЯ - схождение, сближение.

КОНВИКСИЯ - по Л. Гумилеву, группа людей с однохарактерным бытом и семейными связями, иногда переходящая в субэтнос.

КОНСОЛИДАЦИЯ - упрочение, укрепление, сплачивание отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели.

КОНСОРЦИЯ - по Л. Гумилеву, группа людей, объединенных на короткое время одной исторической судьбой; либо распадается, либо переходит в конвиксию.

КОНСТРУКТИВИЗМ - подход к определению этноса и этничности, считающий этничность самой широкой категорией социальной идентичности, ситуативным феноменом; подчеркивает договорной характер границ между этническими категориями.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ - вероисповедный, церковный.

КОНФИГУРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ - особое соединение, сцепление элементов культуры, придающее ей специфическое своеобразие.

КОНФОРМИЗМ - приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т.н.

КОРЕННОЙ ЭТНОС - аборигенный народ, ведущий племенной образ жизни.

КОСМОПОЛИТИЗМ- отрицание национальной обособленности,ограниченности и замкнутости, стремление к созданию наднациональных обществ, к миру без государственных границ.

КРАНИОЛОГИЯ — раздел антропологии и зоологии, изучающий черепа (размеры, форма черепа и его частей, особенности строения) людей и животных.

КСЕНОФОБИЯ — враждебное отношение к иностранцам и ко всему чужому — языку, образу жизни, стилю мышления и т.п.

КУЛЬТУРА — внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности, адаптивный механизм, облегчающий человеку жизнь в мире.

КУЛЬТУРА ЭТНОСА – совокупность компонентов материальной, духовной и социально-нормативной культуры, которые сформировались среди данного этноса, являются для него специфическими и выделяют его среди других этносов.

КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ - утверждение равноправия всех типов культур, отказ от выделенных систем культурных ценностей.

М

МАГИЯ — общее обозначение обрядов, связанных с верой в сверхъестественное воздействие человека на предметы природы, животных и человека; неразрывно связана с мифом и мифологией.

МАРГИНАЛЫЮСТЬ - состояние человека или группы людей, оторванных от привычной среды и образа жизни и не принявших нового, находящихся в промежуточном, пограничном состоянии.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА - совокупность общемировых элементов

культуры, производимых промышленным способом.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ – обмен между двумя или более этническими общностями материальными и духовными продуктами культурной деятельности, осуществляемой в различных формах.

МЕНТАЛИТЕТ— относительно целостная совокупность мыслей, верований, создавших картину мира и скрепляющих единство культурной традиции или какой-либо общности.

МЕНЬШИНСТВО ЭТНИЧЕСКОЕ - группа людей той или иной этнической принадлежности, существенно уступающая по численности окружающему ее иноэтническому населению.

МЕТИС - термин, используемый в этнологии для обозначения потомка от брака между представителями разных человеческих рас.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ - перемещение населения, связанное с изменением места жительства.

МИФ — сказание, передающее представления древних народов о происхождении мира, явлениях природы, о богах и легендарных героях; возникали у всех народов на ранней стадии развития для объяснения явлений природы.

МОБИЛИЗАЦИЯ-приведение населения в состояние, способствующее решению каких-либо задач.

МОДЕРНИЗАЦИЯ - осовременивание, изменение в соответствии с требованиями современности: усовершенствование.

МОНОГАМИЯ — единобрачие, форма брака, состоящая в устойчивом сожительстве одного мужчины с одной женщиной.

Н

НАРОД - субъект истории; совокупность классов и социальных групп общества; население государства, страны.

НАРОДНОСТЬ— исторический тип этноса, следующий за племенем и предшествующий нации; возникает в результате смешения племен и образования племенных союзов.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ - совокупность людей нашей планеты, сложившаяся естественно-исторически. Народонаселение представлено в этносах.

НАТУРАЛИЗАЦИЯ-процесс вживания иммигранта в новое, иноязычное окружение, усвоение им новых форм общения, культуры, правил общежития.

НАЦИОНАЛИЗМ — идеология, общественная психология, политика и общественная практика, сущностью которых являются идеи национальной исключительности, обособленности, пренебрежения и недоверия к другим нациям и народностям.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ - термин для обозначения принадлежности человека или группы людей к определенной этнической общности.

НАЦИЯ - исторический тип этноса; социально-экономическая целостность, которая складывается и воспроизводится на основе общности территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры,

психологического склада и этнического самосознания.

НЕГРИТЮД—учение об особой сущности африканской культуры, ее выделение в качестве идеала и образца, эталона для всех других, прежде всего европейских культур.

НЕПОТИЗМ— служебное покровительство родственникам и «своим» людям.

О

ОБСКУРАЦИЯ - по Л. Гумилеву, фаза этногенеза: старость этноса, наступающая после 1100 лет его существования.

ОБЩИНА - первичная форма социально-территориальной организации людей, возникшая на основе родственных связей.

ОБЫЧАЙ — стереотипизированная форма поведения, связанная с: практической деятельностью, с регулированием обыденной жизни; нежестко фиксированная программа поведения.

ОЙКУМЕНА - обитаемая часть Земли.

П

ПАССИОНАРИЙ — человек с повышенной тягой к действию.

ПАССИОНАРНОСТЬ - повышенная тяга к действию.

ПАССИОНАРНЫЙ ТОЛЧОК - мутация, возникающая под действием специфического вида космического излучения и приводящая к появлению пассионарности; может стать спусковым механизмом этногенеза.

ПЛЕМЯ — одна из наиболее древних форм этнической общности, состоящая из родов.

ПОЛИГАМИЯ - многообразие (множество или многомужество); чаще употребляется в значении многоженства.

ПОПУЛЯЦИЯ - совокупность особей одного вида, населяющих определенную территорию, частично изолированную от других таких же совокупностей.

ПОТЕСТАРНОСТЬ - форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, еще не имевших политического, государственного характера.

ПРИМОРДИАЛИЗМ - подход к определению этноса и этничности, стремящийся найти объективную основу существования этноса в природе или общественной жизни и культуре.

ПРОГНАТИЗМ — выступание всего лица или зубного отдела верхней челюсти.

ПРОМИСКУИТЕТ - предполагаемая стадия неупорядоченных половых отношений в первобытном человеческом обществе, предшествовавших возникновению брака и семьи.

ПРОФАННЫЙ — обыденный, повседневный.

ПСИХИЧЕСКИЙ СКЛАД ЭТНОСА - специфический способ восприятия и отражения членами этнической общности различных сторон окружающей действительности.

РАСА — исторически сложившаяся группа людей, объединенная общностью происхождения; выражается в общности наследственных, пере-

даваемых потомству второстепенных внешних физических особенностей.

РАСИЗМ — идеология и общественная психология, основанная на представлении о физической и психической неравноценности человеческих рас.

РЕЦИПРОКНОСТЬ - взаимность, сотрудничество между отдаленными родственниками или индивидами, не связанными отношениями родства; способствует выживанию общности этих людей.

РИТУАЛ — церемония, действие преимущественно религиозного назначения, носящее символический характер; обеспечивает сплоченность общества, предотвращает конфликты и нейтрализует агрессивность; более строгая форма регуляции поведения, чем обычай.

РОД - кровно-родственная группа людей, связанная единым происхождением по материнской или отцовской линии.

С

САКРАЛЬНЫЙ — священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу.

САМОИДЕНТИФИКАЦНЯ - социалыю-психологический процесс осознания социальной группой своей тождественности (единства всех членов на основе каких-либо признаков), а отдельным индивидом — своей принадлежности к определенной группе.

САМОСОЗНАНИЕ — индивидуально-психологический и социально-психологический процесс осознания человеком или социальной группой своих свойств, качеств, положения в системе общественных отношений, интересов, идеалов, ценностей.

СЕГРЕГАЦИЯ — принудительное- разделение групп населения по определенному социальному признаку, чаще всего — расовому и этническому; вид расовой дискриминации.

СЕНСОТИП - особенности мышления, мироощущения, общая направленность той или иной культуры и формирующиеся в связи с этим личностные характеристики.

СЕПАРАТИЗМ — социально-политические и идеологические устремления к отделению одной части государства от другой.

СЕПАРАЦИЯ - отделение, разделение на составные части; в этнологии — отделение от этноса сравнительно небольшой части, превращающейся со временем в самостоятельный этнос.

СИГНИФИКАТИВНЫЙ- знаковый.

СИМВОЛ - предмет, действие, служащие для условного обозначения какого-либо образа, понятия, идеи.

СИНКРЕТИЗМ — слитность, нерасчлененность, характеризующая первоначальное неразвитое состояние чего-либо (например, первобытной культуры).

СИНХРОНИЯ - точное совпадение во времени двух или нескольких явлений, процессов.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ — процесс становления личности путем усвоения индивидом основного набора духовных ценностей, выработанных человече-

ством; то же, что инкультурация.

СТЕРЕОТИП— схематизированная модель, программа поведения; упрощенный образ какого-либо явления, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные черты.

СТРАНА - обозначение политического, национального и культурного государственно организованного сообщества людей.

СУБЭТНОС - этническая система, возникающая внутри этноса и отличающаяся своими хозяйственными, бытовыми, культурными и другими особенностями.

СУВЕРЕНИТЕТ - полная независимость страны, нации, народа в области внутренней и внешней политики.

СУНЕРЭТНОС - этническая система, состоящая из нескольких возникших одновременно в одном регионе этносов, связанных идеологически, экономически и политически.

Т

ТИТУЛЬНЫЙ ЭТНОС-народ, давший наименование тому или иному национально-государственному образованию.

ТОПОНИМ — название местности, которое нередко переносится на ее население независимо от этнической принадлежности.

ТОТЕМИЗМ — первичная форма религии, отождествляющая род или племя с животным или растением, утверждающая происхождение народа от его тотема.

ТРАДИЦИЯ — способ передачи этнического опыта от одного поколения к другому в виде обычаев, порядков, правил поведения.

ТРАНСФЕР - новое истолкование фактов реальности, приписывание им новых значений; защитный механизм, действующий в этнической культуре.

У

УРБАНИЗАЦИЯ — процесс повышения роли городов в обществе, главными показателями которого служат увеличение доли городского населения и распространение черт и особенностей, свойственных городу, по всей стране.

Ф

ФЕНОТИП - совокупность всех признаков и свойств организма, сформировавшихся в процессе его индивидуального развития.

ФУНКЦИОНАЛИЗМ- направление в изучении культур, основанное Б. Малиновским; исследует прежде всего функции каждого элемента культуры.

ФРУСТРАЦИЯ ЭТНИЧЕСКАЯ - психологическое состояние этнической группы или общности, характеризуемое потерей перспективы исторического развития, тревогой, неуверенностью в завтрашнем дне, чувством безысходности.

Х

ХАРИЗМА — особое свойство человеческого характера, способность увлекать за собой людей.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ТИП -определенный комплекс хо-

зяйства и культуры, складывающийся исторически у разных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных условиях среды.

Ч

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО - общность людей всех рас и этносов, проживающих на Земле; все народонаселение планеты.

Ш

ШОВИНИЗМ - крайняя форма национализма, проповедующая национальную исключительность и направленная на разжигание национальной вражды и ненависти.

Ц

ЦЕННОСТИ-осознанные или неосознанные, характерные для индивида и группы индивидов представления о желаемом, определяющие выбор с учетом возможных средств и способов действия.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ - обобщенная концепция природы, места человека в ней, отношения к человеку, тип межличностных отношений и отношений человека с окружающим миром.

Э

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ - направление в изучении культур, первая теория культуры; основана на идее эволюционно-прогрессивного характера историко-культурного процесса.

ЭГОЦЕНТРИЗМ — воззрение, ставящее в центр всего мироздания индивидуальное «я» человека; крайняя форма индивидуализма и эгоизма.

ЭКЗОГАМИЯ — заключение браков и создание семьи между представителями различной этнической принадлежности.

ЭЛИТА — видные представители какой-то части общества, творцы, создатели культуры.

ЭМИГРАЦИЯ — выезд в силу тех или иных причин граждан из своего государства.

ЭНДОГАМИЯ — обычай заключения брака внутри рода, племени или другой общественной группы.

ЭТНИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ - отрасль научного знания на стыке этнологии и антропологии, занимающаяся изучением вопросов происхождения этносов, роли условий социальной жизни народов, их образа жизни в различных регионах мира.

ЭПИКАНТУС - складка кожи верхнего века у внутреннего угла глаза, прикрывающая слезный бугорок.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ -причисление себя к группе людей определенной национальности.

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА - совокупность культурных элементов и структур, обладающих этнической спецификой и выполняющих этнодифференцирующую функцию.

ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ - любая общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических связях, говорящих на взаимопонимаемом

языке, сохраняющих на протяжении своего жизненного пути известную культурную специфику и осознание себя отдельной самостоятельной группой.

ЭТНИЧЕСКАЯ ЛАРЦИАЦИЯ- разделение единого этноса на несколько более или менее равных частей.

ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ - ареал, в пределах которого живут группы людей, принадлежащие к тому или иному этносу и воспроизводящие в его пределах свою культуру.

ЭТНИЧЕСКАЯ ФУЗИЯ- слияние нескольких ранее самостоятельных народов, родственных но языку и культуре, в единый новый, более крупный этнос.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ -компоненты психического склада этноса, объективирующие субъективные представления о нормах поведения, передающиеся из поколения в поколение.

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА -эмоциональное отношение людей к своей этнической общности и ее интересам, а также к другим этносам и их интересам.

ЭТНИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ПОВЕДЕНИЯ - идеальный принцип отношения этнического коллектива к индивиду.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТАКТ - процесс взаимодействия двух и более этносов или разных рангов этнической иерархии.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ- форма гражданского, политического или вооруженного противоборства, в которой стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют и страдают по принципу этнических различий.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП - упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, легко распространяемый на всех ее представителей (этнический образ); схематизированная программа поведения, типичная для представителей какого- либо этноса.

ЭТНИЧЕСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ - внешнее выражение национального характера; наиболее ярко проявляется в особенностях общения (темп речи, движения, жесты, дистанция и т.н.).

ЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР - целостная структура, отражающая специфику исторически сложившихся свойств психики, которые отличают один этнос от другого.

ЭТНИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО -часть этноса, отделенная от основного этнического массива и проживающая в иноэтничном окружении; не следует отождествлять с малочисленными народами.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ - осознание индивидами принадлежности к определенной этнической общности.

ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ - совокупность ментальных представлений этнической общности о своем месте в мире, включающая социально-психологические установки и стереотипы.

ЭТНИЧНОСТЬ - совокупность характерных культурных черт, отличающих одну этническую группу от другой.

ЭТНОГЕНЕЗ — происхождение народа.

ЭТНОДЕМОГРАФНЯ ~ научная дисциплина на стыке этиологии и демографии, изучающая особенности естественного воспроизводства этносов и динамики их численности.

ЭТНОЛИНГВИСТИКА - научная дисциплина на стыке этнологии и лингвистики, изучающая взаимоотношения этнической культуры и языка.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ МИКСАЦИЯ -слияние народов, не связанных родством, в новый этнос.

ЭТНОГРАФИЯ — часть этнологии, описательный уровень исследований, фиксирующий культурно-бытовые и социальные отличия между народами и, прежде всего, отличия неевропейских народов от европейских.

ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ -осознание индивидами принадлежности к определенной этнической общности как социально-экономической и политической организации.

ЭТНОЛОГИЯ— наука, изучающая процессы формирования и развития различных этнических групп, их идентичность, формы культурной самоорганизации, закономерности коллективного поведения и взаимодействия, взаимосвязи личности и социальной среды.

ЭТНОНИМ— название этноса; самоназвание и название, которое ему дают другие народы.

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ-научная дисциплина на стыке этнологии и психологии, изучающая психологические и психические особенности этносов.

ЭТНОРАСОВАЯ ГРУППА - группа людей, которая отличается от окружающего ее населения не только этническими признаками, но и внешними антропологическими признаками, или расовым типом.

ЭТНОС - исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме).

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ - научная дисциплина на стыке этнологии и социологии, занимающаяся сравнительными исследованиями социальных проблем жизнедеятельности этносов.

ЭТНОФОР — индивид как носитель этнического сознания.

ЭТНОЦЕНТРИЗМ - свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать окружающий мир сквозь призму традиций и ценностей собственного этноса.

ЭТОЛОГИЯ - одно из направлений изучения поведения животных.

ЭТОС - квинтэссенция культуры, система идеалов, ценностей, доминирующих в каждой конкретной культуре и контролирующих поведение ее членов.

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание Садохин Александр Петрович

ЭТНОЛОГИЯ
Учебник

Редактор Н. Я. Марголина
Корректор В. В. Евтюхина
Оформление переплета А. Л. Бондаренко
Компьютерная верстка Г. С. Брудовской, С. С. Востриковой

Подписано в печать 27.08.2007. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Гарнитура Баскервиль. Усл.-печ. л. 18.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 5890.

УИЦ «Гардарики»
101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1
Тел.: (495) 621-0289; факс: (495) 621-1169
E-mail: gardariki@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93